

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 2 (137)

Социально-экономические и общественные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально- экономическим и общественным наукам:

Е.И. Гонта (Украина), д-р экон. наук, проф.
Н.Н. Крестовская (Украина), д-р юрид. наук, проф.
С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
М. Шенева (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of
the All-Russia Institute of Scientific and Technical Infor-
mation (VINITI), Scientific Electronic Library
eLIBRARY.RU and Database of the National Center of
Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

E.I. Gonta (Ukraine), Sc. D., Professor
N.N. Krestovskaja (Ukraine), Sc. D., Professor
S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
M. Sheneva (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2023
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State
University», 2023

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2023, № 2 (137) •

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Будько А.Ф., Бартош Д.К. <i>Интерактивность как принцип эффективного обучения иностранным языкам в учреждениях общего среднего образования</i>	5
Ермаков В.Г., Нечаев Н.Н. <i>Проблемы и резервы развития современного высшего образования</i>	11
Ищенко Т.Н. <i>Каким образом дидактические средства познания способствуют развитию субъекта мышления в учебном процессе?</i>	18
Ковалевич М.С., Леонюк Н.А. <i>Управление процессами самоопределения и самореализации будущих специалистов в области образования: методология исследования</i>	23
Мельников С.В. <i>Оптимизация тренировочных нагрузок высококвалифицированных пловцов в зоне смешанного аэробно-анаэробного воздействия</i>	28
Сунь Сяо. <i>Практика применения массовых открытых онлайн-курсов (МООК) в учреждениях высшего образования Китая</i>	34

ПРАВО

Брилёва В.А. <i>О правовом моделировании социального предпринимательства в Республике Беларусь в контексте мировых практик</i>	38
Гончаров В.В. <i>Проблемы и перспективы развития форм прямого народовластия в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ</i>	43
Денисенко Н.В. <i>Родство и свойство как препятствия к браку по законодательству Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX вв.)</i>	50
Караваева Е.М. <i>К вопросу об обеспечении нотариальной тайны</i>	56
Ковалёва Н.П., Химаков В.В. <i>Правовой статус профессионального спортсмена: сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и стран СНГ</i>	60
Ковалёва Т.В. <i>Прекращение трудового договора за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей руководителем организации, его заместителями, главным бухгалтером и его заместителями</i>	64
Конин В.В., Марковичева Е.В., Эсмантович И.И. <i>Некоторые вопросы оценки доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь</i>	70
Краснобаева Л.А. <i>Общественный контроль как способ обеспечения реализации публичных услуг</i>	74
Можаяева Л.Е. <i>Персональные данные в образовательных отношениях: порядок обработки и защиты</i>	79

Сенькова Т.В. Конституционная жалоба: понятие, требования, порядок рассмотрения в соответствии с законодательством Республики Беларусь.....	84
Шляхтова О.Г. Компьютерные преступления: историко-правовой аспект.....	89
ЭКОНОМИКА	
Багайников М.Л. Предпосылки и факторы становления Байкало-Монгольского трансграничного региона.....	94
Гиткович Л.А. Формирование механизма экономических отношений субъектов акционерной собственности.....	101
Кадовба Е.А., Каморников С.С., Каморников С.Ф. Диверсификация бизнеса как стратегия развития сетей АЗС на рынке нефтепродуктов Республики Беларусь	106
Лин С.Д. Человеческий капитал белорусского села: трактовка категории и методика оценки	112
Маковская Н.В. Подходы к организации труда для инновационных и цифровых условий развития.....	117
Пугачева О.В. Оценка состояния и перспективы развития цифровой экономики в Республике Беларусь	123
Сазонова В.М., Западнюк Е.А. Инновационная экосистема университета как форма управления трансфером знаний и технологий.....	129
Шишко А.В. Концептуальные подходы к МСП в сфере спорта в зарубежной научной литературе и опыт Беларуси.....	134
Юрова Н.В. Концепция оптимизации участия Беларуси в международных экономических отношениях с учетом человеческого потенциала.....	139

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2023, № 2 (137) •

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:

PEDAGOGICS • LAW • ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Budko A.Ph., Bartosh D.K. <i>Interactivity as a principle of effective teaching of foreign languages in institutions of general secondary education</i>	5
Ermakov V.G., Nechaev N.N. <i>Problems and reserves for the development of modern higher education</i>	11
Ischenko T.N. <i>How do didactic means of cognition contribute to the development of the subject of thinking in the educational process?</i>	18
Kovalevich M.S., Leonyuk N.A. <i>Management of the processes of self-determination and self-realization of future specialists in the field of education: research methodology</i>	23
Melnikov S.V. <i>Optimization of training loads of highly qualified swimmers in the zone of mixed aerobic-anaerobic impact</i>	28
Sun Xiao. <i>The practice of massive open online courses (MOOC) in China Higher Education Institutions</i>	34

LAW

Brileva V.A. <i>Legal modeling of social entrepreneurship in the Republic of Belarus in the context of international practices</i>	38
Goncharov V.V. <i>Problems and prospects for the development of forms of direct democracy in the Russian Federation: constitutional and legal analysis</i>	43
Denisenko N.V. <i>Kinship and kin as obstacles to marriage under the legislation of the Russian Empire (second half of the 18th – early 20th centuries)</i>	50
Karavaeva E.M. <i>On the issue of ensuring notarial secrecy</i>	56
Kavaliyova N.P., Himakov V.V. <i>The legal status of a professional athlete: a comparative analysis of the legislation of the Republic of Belarus and the CIS countries</i>	60
Kavaliyova T.V. <i>Termination of an employment contract for a single gross violation of labor duties by the head of the organization, his deputies, the chief accountant and his deputies</i>	64
Konin V.V., Markovicheva E.V., Esmantovich I.I. <i>Some issues of evaluation of evidence in the criminal procedure of the Russian Federation and the Republic of Belarus</i>	70
Krasnobaeva L.A. <i>Public control as a way to ensure the implementation of public services</i> ..	74
Mozhaeva L.E. <i>Personal data in educational relations: the procedure for processing and protection</i>	79
Senkova T.V. <i>Constitutional complaint: concept, requirements, procedure for consideration in accordance with the legislation of the Republic of Belarus</i>	84
Shlyahotova O.G. <i>Computer crimes: historical and legal aspect</i>	89

ECONOMICS

Bagaynikov M.L. <i>Prerequisites and factors for the formation of the Baikal-Mongolian cross-border region</i>	94
Gitkovich L.A. <i>Formation of the mechanism of economic relations of subjects of joint-stock ownership</i>	101
Kadovba E.A., Kamornikov S.S., Kamornikov S.F. <i>Business diversification as a strategy for the development of filling station networks in the oil products market of the Republic of Belarus</i>	106
Lin S.D. <i>Human capital of the Belarusian village: interpretation of the category and assessment methodology</i>	112
Makovskaya N.V. <i>Approaches to the organization of work for innovative and digital development conditions</i>	117
Pugacheva O.V. <i>Assessment of the state and prospects for the development of the digital economy in the Republic of Belarus</i>	123
Sazonova V.M., Zapadniuk E.A. <i>University innovation ecosystem as a form of knowledge and technology transfer management</i>	129
Shishko A.V. <i>Conceptual approaches to MSE in the field of sports in foreign scientific literature and the experience of Belarus</i>	134
Yurova N.V. <i>The concept of optimizing the participation of Belarus in international economic relations taking into account human potential</i>	139

Педагогика

УДК 373.091.33:004.31.42:811'243

Интерактивность как принцип эффективного обучения иностранным языкам в учреждениях общего среднего образования

А.Ф. БУДЬКО¹, Д.К. БАРТОШ²

В статье рассматривается проблема использования принципа интерактивности для эффективного обучения иностранным языкам в школе. Авторы описывают интерактивные формы взаимодействия и обосновывают возможность и необходимость использования в процессе обучения иностранным языкам 2-х форм: социальные формы и формы учебного взаимодействия; определены признаки интерактивного обучения иностранным языкам; рассмотрены умения учителя и учащихся как субъектов интерактивного взаимодействия в обучении иностранному языку в учреждениях общего среднего образования.

Ключевые слова: интерактивность, принцип, интерактивные формы, социальное взаимодействие, фронтальная работа, групповая работа, сотрудничество.

The article deals with the problem of using the principle of interactivity for effective teaching of foreign languages at school. The authors describe interactive forms of interaction and substantiate the possibility and necessity of using 2 forms in the process of teaching foreign languages: social forms and forms of educational interaction; the signs of interactive teaching of foreign languages are determined, the skills of the teacher and students as subjects of interaction in teaching a foreign language in institutions of general secondary education are considered.

Keywords: interactivity, principle, interactive forms, social interaction, frontal work, group work, cooperation.

В современной методике преподавания иностранных языков возникает потребность в создании разнообразной образовательной среды для познания, развития и воспитания каждого учащегося, для межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Знаниевая модель обучения уступает место компетентностной модели, ориентированной на формирование готовности и способности обучающихся совершать речевое общение. Одним из ключевых направлений оптимизации образовательного процесса является интерактивность.

В литературе существует несколько векторов понимания интерактивности в образовании. Интерактивность рассматривается как:

- взаимодействие общающихся, т. е. координация действий, взаимопомощь, поддержка друг друга, кооперация, обмен мнениями, информацией между субъектами;
- образовательное сотрудничество;
- режим общения между несколькими субъектами;
- ресурс личного развития через межличностное взаимодействие;
- совместное познание и решение проблем;
- процесс создания социальных отношений;
- одна из форм диалогового обучения и др. [1], [2], [3], [4].

В данной статье интерактивность мы будем рассматривать применительно к обучению иностранным языкам в школе как образовательный принцип, в соответствии с которым методы, приемы, способы, задания и упражнения разрабатываются в зависимости от целей обучения, видов речевой деятельности, этапов обучения, языкового и речевого материала, возрастных особенностей учащихся, их способностей и качеств. Таким образом, обучать иностранным языкам в соответствии с принципом интерактивности означает разрабатывать содержание, организационные формы, методы, приемы, задания и упражнения, обеспечивающие усвоение каждым учащимся содержания на том уровне, который для него доступен в данный момент в процессе взаимодействия.

Интерактивность является многоуровневой категорией педагогической науки, в которой могут выделяться различные аспекты в зависимости от целей, задач, содержания обучения, познавательных-коммуникативных потребностей учащихся и других факторов. Определяющими признаками принципа интерактивного обучения являются:

– *создание оптимальных условий* для организации образовательного процесса, где все учащиеся оказываются вовлеченными в образовательную деятельность в равной степени, что может выражаться в их участии в планировании учебного процесса, в выборе содержания обучения, заданий, форм взаимодействия. Это проявляется также в использовании качественных методических приемов для управления процессом обучения, которые позволяют активизировать все стороны личности учащегося: интеллектуальную, эмоционально-волевую и др. и способствовать развитию и личностному росту каждого учащегося в совместной деятельности;

– *установка учащегося* на самостоятельность и результативность своей деятельности в условиях, приближенных к реальным условиям коммуникации;

– *проявление активности учащихся*, когда учитель передает больше инициативы самому учащемуся; активность учащихся на уроке несомненно должна привести к обновлению или расширению знаний, развитию способностей или других качеств, как, например, дружелюбие, готовность помочь или поддержать другого, вступать в контакт с собеседником;

– *создание возможности* для формирования навыков или развития умений; для получения эффективной обратной связи между учителем и учащимся или учащимися; для создания речевого продукта, который позволяет проконтролировать и оценить действия учащихся как результата совместной деятельности.

Таким образом, можно утверждать, что интерактивное обучение имеет огромный потенциал для образования, развития и воспитания личности учащегося.

Анализ названных характеристик интерактивного обучения позволяет составить так называемый профиль субъектов взаимодействия, который служит основой моделирования отношений между ними в образовательном процессе. На уроках иностранного языка в качестве субъектов взаимодействия выступают учитель и учащиеся, которые создают разные типы отношений: учитель – учащиеся, учащиеся – учащиеся, учитель – группа, группа – группа, учащийся – группа, учитель – группа и др. Возникают также новые отношения, которые определяются интерактивной формой организации обучения, когда компьютер или другие интерактивные средства является частью образовательного процесса.

Рассмотрим сначала в контексте интерактивности роль каждого субъекта.

Поскольку учитель на уроках иностранного языка обучает речевому общению, которое чаще рассматривается как социальное взаимодействие, то его технологическое мастерство должно подчиняться закономерностям речевого общения и быть направленным на использование возможностей учить учащихся вступать во взаимодействие, проявлять активность и самостоятельность в решении коммуникативных и познавательных задач. Учитель должен уметь:

– *планировать совместную деятельность* с учащимися на уроке. Обычно урок планирует учитель, учащиеся исполняют то, что запланировано. Если исходить из принципа интерактивности, то важно говорить не о доминировании учителя в планировании урока, а о его взаимодействии с учащимися, что означает предоставление учителем каждому учащемуся возможности участвовать в планировании урока: в выборе или определении темы, целей, задач урока, средств обучения, методов и приемов работы над темой или текстом, а также способов усвоения материала. По мере приобретения опыта участия в планировании урока учащиеся могут выбирать или определять сами, как, например, лучше работать над текстом: в парах, в малых группах; как лучше выполнить задание: без использования опор или с использованием опор и др. При этом следует заметить, осуществляя совместное планирование урока, учащиеся становятся субъектами образовательной деятельности и разделяют с учителем ответственность за процесс обучения, что, несомненно, повышает мотивацию их учения;

– *мотивировать учащихся* на выполнение заданий или решение задач вместе с другими; создавать атмосферу доброжелательности, проявлять психологическую чуткость; развивать различные способности учащихся: самостоятельность, интеллектуальные способности и др.;

– *активизировать учебную деятельность* группы / класса в целом и каждого учащегося индивидуально; определять наиболее рациональный характер работы каждого учащегося

на уроке с учетом его индивидуальных особенностей; помочь учащимся найти и сформировать свой индивидуальный путь учения в контексте взаимодействия с другими учащимися и подсказать им специальные вариативные приемы, методы, упражнения или задания.

– *развивать такой вид сотрудничества*, где отношения «учитель – ученик» строятся на принципах партнерства; развивать речевое партнёрство-помощь: иногда объединить сильного со слабым, дать понять сильным, что их успех – это успех партнёров. По мнению Е.И. Пассова, быть речевым партнёром – это значит уметь общаться [5]. Речевые партнёры должны быть искренними, выразительными как в своих жестах и мимике, так и интонационно, уметь слушать, быть собеседником, быть доброжелательными и внимательными друг к другу. Их речь должна быть воздейственной. Завышенные или заниженные требования учителя к учащимся, нежелание учащихся что-то выполнять вместе могут нарушить сотрудничество и снизить эффективность самых интересных методов, приёмов или способов. Залогом успеха в обучении, которое строится на многочисленных способах интерактивного взаимодействия, (методах и формах), является не совместная деятельность, а сотрудничество;

– *управлять совместной деятельностью учащихся* на всех этапах формирования навыков и развития умений на уроке; обеспечивать оптимальное сочетание интерактивных форм взаимодействия.

Учащиеся как субъекты взаимодействия должны быть готовы и способны выполнять различные действия как индивидуально, так и вместе с другими учащимися; определять собственную позицию во взаимодействии с другими.

В активном взаимодействии друг с другом учащиеся не только обмениваются знаниями о системе языка, помогая друг другу, делают языковые комментарии, объясняют друг другу правила, но и учатся общаться и оказывать помощь другому; учатся нести индивидуальную ответственность и др. Оказывая помощь другому, учащийся совершенствует и свои собственные достижения.

Н.И. Шевченко отмечает, что наиболее качественное усвоение учебного материала происходит в результате межличностного познавательного общения и взаимодействия всех субъектов [4]. Названные и другие умения основных субъектов образовательного процесса требуют своего отражения в организации взаимодействия в обучении.

Для организации взаимодействия субъектов с целью их взаимообучения, обмена идеями, взаимоконтроля, самооценки, создания совместного продукта и др. мы рассматриваем интерактивные формы как системообразующий фактор обучения иностранному языку в школе. Во взаимодействии учителя и учащихся важную роль играют не только сами действия, а и социальная позиция самих субъектов. Важно, чтобы учитель и учащиеся рассматривали друг друга как речевые партнёры.

Анализ психолого-педагогической литературы показывает многообразие интерактивных форм, используемых в процессе обучения иностранным языкам. Не пытаясь построить единую типологию форм интерактивного взаимодействия в данной статье, мы рассматриваем две группы форм: социальные формы (Sozialformen) и формы учебного взаимодействия (Arbeitsformen) [6].

Социальные формы взаимодействия – это важный инструмент для взаимодействия всех субъектов образовательного процесса и социально-психологический фактор, обеспечивающий эффективность процесса обучения.

Учебные формы взаимодействия используются внутри социальных форм и выражены в заданиях или приёмах: определяют, как учащиеся работают друг с другом, ориентированы на создание конкретного речевого продукта.

Данные формы взаимодействия позволяют:

– обеспечить на уроке вариативность в организации учебной работы различной по содержанию, объёму, сложности, методам и приёмам;

– определять наиболее рациональный характер работы каждого учащегося на уроке с учетом индивидуальных различий;

– развивать различные способности учащихся: самостоятельность; интеллектуальные способности; способность участвовать в определении целей и содержания обучения и др.

В образовательном процессе используются фронтальная, индивидуальная, групповая и парная социальные формы взаимодействия, каждая из которых имеет свои особенности в употреблении. Рассмотрев, как решается проблема использования названных форм на уроках

иностранный язык, мы получили следующие данные: фронтальную работу используют от 57 до 70 % учителей от общего количества опрошенных (67 учителей); парную работу – 25–28 %; групповую работу – 9–11 %.

Из опроса и проведенного анкетирования следует, что предпочтение на уроке отдается фронтальной работе. Если рассматривать фронтальную работу как социальную форму взаимодействия, то она важна и нужна. Использование учителем фронтальной формы позволяет учащимся лучше понять цели и задачи урока, развивает у них чувство уверенности (так как ответ слушает учитель и исправит ошибки); учащиеся могут сравнить свой ответ с ответами других учащихся и др.

Вместе с тем учителями отмечается, что в процессе использования фронтальной формы взаимодействия активность учащихся низкая, соответственно и мотивация снижается. Учащиеся неохотно вступают в общение, стесняются говорить, потому что все слышат их ответ, много молчат и активны лишь в том случае, если учитель их спрашивает. Речевую активность проявляет больше учитель. Ученикам отводится роль пассивного субъекта.

Об эффективности фронтальной работы можно говорить, если к использованию данной формы подходить дифференцированно, учитывать, как организуется учебное взаимодействие: кто говорит, с кем, когда и как долго говорит; как взаимодействуют учащиеся: по цепочке, каждый с каждым, по принципу «снежного кома».

Фронтальная работа может быть использована для:

- проведения беседы с классом;
- выражения мнения при обсуждении какой-либо проблемы;
- проведения докладов;
- предоставления результатов работы, выполненной в малых группах;
- объяснения нового материала и др.

Групповая работа, как следует из опроса учителей, также определяется неоднозначно. 46 % из опрошенных учителей отметили, что групповая работа мало эффективна, потому что учащиеся много пользуются родным языком, в группах работают в основном сильные учащиеся, учитель не может исправить ошибки, много шума в классе, нужна большая подготовка, чтобы подобрать задания или упражнения для групповой работы.

Эффективность групповой работы определяется многими факторами, в том числе и умениями учителя обеспечить оптимальные условия для каждой конкретной группы учащихся. В групповой работе усиливается роль учащегося, так как на протяжении всего урока он решает попеременно поступающие от учителя задачи. Время активного говорения учащихся значительно увеличивается, если учащиеся взаимодействуют друг с другом, если они, проявляя активность, достигают лучших результатов.

Групповая форма социального взаимодействия на уроке проявляется в нескольких вариантах. Чаще отмечается наибольшая эффективность работы в малых группах (тройках). Так, например, в интенсивном обучении было установлено, что работа в малых группах способствует не только достижению результатов, но и отмечается, что учащиеся лучше стали воспринимать друг друга, замечают и видят в других учащихся положительные качества. В тройках значительно расширяются возможности развития межличностных отношений [7].

В малых группах представлены две модели взаимодействия: диадная как базовая и индивидуальная, в которой 3-ий учащийся может выполнять стимулирующие и регулирующие функции; он может выполнять различные роли: наблюдателя, интервьюера, контролирующего или модератора и др. Благодаря третьему участнику диада становится более гибкой. Данный вид социального взаимодействия может быть использован на всех этапах обучения: планирования, целеполагания, рефлексии, ознакомления, тренировки или применения.

В тройках можно успешнее выполнять задания на:

- *сравнение*: найти сходства или различия; сопоставить что-либо с аналогичными вариантами решения; найти соответствие (например, картинки и текста или идентифицировать лицо и действие) и т. д.;
- *установление статистических закономерностей*;
- *поиск и объединение фактов*, предметов, явлений или действий как в «мозаичном рисунке». Например, объединить продукты питания для приготовления какого-либо блюда;

объединить действия спортсменов; собрать текст из отдельных фрагментов; подобрать аргументы к контраргументам; отобразить биографические сведения к двум биографиям; дополнить таблицу собранными сведениями и др.;

- *восстановление информации*;
- *планирование путешествия, каникул и др.*;
- *анализ и обобщение* (обнаружение и формирование грамматических правил).

Следующий вариант групповой формы взаимодействия может быть рассмотрен как четвёрка или как работа двух объединённых диад. Задания в четвёрках должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый учащийся внёс свой вклад в их выполнение. Речевое участие каждого в четвёрке может быть выражено в виде дополнения, уточнения, возражения. Благодаря четвёрке учащиеся учатся общаться в условиях расширенного круга собеседников.

В четвёрках можно выделить такие формы учебного взаимодействия, как:

– *«Карусель» («Karussell»)*. Учащиеся образуют два круга: внешний и внутренний для проведения кратких диалогов, типа «Знакомство». Например, внутренний круг остаётся на месте, а двигается только внешний круг. По сигналу учителя каждый учащийся во внешнем круге переходит по кругу к следующему собеседнику. Учащиеся повторяют одни и те же речевые образцы, но меняют собеседника, что исключает монотонную тренировку;

– *«Прогулка по классу» («Klassenspaziergang»)*: учащиеся двигаются по классу с целью, например, опросить кого-либо; узнать мнение, узнать, кто ...; узнать, что ... и т. д.;

- *ранжирование идей, заданий* и др.

Задачей данных форм взаимодействия является тренировка в общении.

Можно выделить ещё один вариант взаимодействия в группах большей величины («команда на команду», где каждый член одной команды взаимодействует с участниками другой команды. Это больше индивидуально-групповая форма общения. Для данной группы это могут быть задания на соревнование, какая команда быстрее найдёт правильный ответ ..., кто больше Например,

- *«погоня за автографом» («Autogramm jagd»)*: какая команда больше соберёт автографов;
- *поиск решений* в тех или иных обстоятельствах (найдёт выход из лабиринта);
- *«детективное расследование»*: какая команда найдёт, например, быстрее, кто уворовал велосипед;

- *интеллектуальные игры* и др.

Учащиеся могут работать в группах:

– по одному и тому же заданию (выполнение грамматических, лексических заданий, подготовка интервью; поиск информации при обучении чтению, характеристика действующих лиц и др.);

– по разным заданиям (выполнение лексических или грамматических упражнений с опорами или без опор, работа с информацией текста или картинки и др.); выполнив одно задание, каждая группа переходит к следующему заданию, продвигаясь по часовой стрелке;

– каждый из учащихся работает над своим заданием в рамках общего задания. После этого представители из разных групп с одинаковым заданием объединяются в «экспертные» группы. В этих группах учащиеся совместно выполняют свои задания: уточняют что-то, обдумывают, обсуждают. Затем «эксперты» возвращаются в свои первоначальные группы, где каждый из них сообщает в своей группе, что он узнал в других группах. Задача «эксперта» заключается в том, чтобы группа на основании услышанного в других группах подготовила / разработала «совместный продукт».

К распределению заданий в группах нужно подходить дифференцированно. Так, например, работа над одним и тем же текстом может быть проведена по-разному. В группах с высоким уровнем обученности можно предложить учащимся подробные ответы на вопросы к тексту; составление подробного плана текста; пересказ текста с выражением своего отношения к прочитанному. Группы со средним уровнем обученности могут отвечать на вопросы к основному содержанию текста; составлять краткий план текста; пересказывать текст с использованием подробного плана или других опор. В группах с низким уровнем обученности учащиеся могут находить в тексте эквиваленты русским / белорусским предложениям; располагать в правильном порядке основные пункты плана или предложения и др.

Каждая форма интерактивного взаимодействия эффективна, если она проводится во взаимодействии с другими формами.

Так, фронтальная работа, например, не должна противопоставляться групповой работе, а рассматриваться как переходная форма к групповой работе. Переход от фронтальной работы к групповой проводится последовательно: сначала учитель формулирует задание для всего класса (если задание общее), затем учащиеся выполняют задание по цепочке или по очереди; после этого можно предложить учащимся работу в малых группах и т. д. Например, для решения коммуникативной задачи «выяснить, в каких акциях по защите окружающей среды участвует немецкая молодежь», можно предложить сначала в малых группах сформулировать вопросы: *Überlegen Sie Fragen, die Sie an deutsche Jugendliche stellen wollen, die Sie besonders interessieren*. Далее сформулированные в группах вопросы могут быть обсуждены со всем классом или большой группой.

В заключение отметим, методически грамотное использование интерактивных форм обучения способствует более глубокому усвоению предметных знаний, развитию навыков критического мышления и аналитической деятельности, а также исследовательских умений [8, с. 46].

Использование разных форм взаимодействия должно привести не только к развитию способности учащихся выполнять какие-либо действия, но и способствовать развитию социальных контактов в группе, которые также положительно влияют на мотивацию учения учащихся.

В интерактивном обучении, основанном на взаимодействии субъектов между собой, возникают новые дидактические отношения, которые ещё недостаточно исследованы в теории, а соответственно и мало используются в практике. Поэтому основной задачей методики является создание таких моделей совместного процесса обучения, при которых учащиеся активно общаются друг с другом, обмениваясь учебной информацией, расширяя за счёт этого свои знания и свой опыт общения.

Литература

1. Азимов, Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения иностранным языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. Будько, А. Ф. Организация речевого взаимодействия в процессе обучения иностранным языкам в школе на основе личностно-ориентированного подхода / А. Ф. Будько // Вестник МГЛУ. Сер. 2, Педагогика. Психология. Методика преподавания иностранных языков. – 2005. – № 2 (8). – С. 114–124.
3. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособ. для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
4. Шевченко, Н. И. Интерактивные методы как условие интерактивного образования / Н. И. Шевченко // Интерактивное образование. – 2018. – № 1-2. – С. 15–21.
5. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению : пособие для учителей иностр. яз. / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1985. – 208 с.
6. Funk, H. Aufgaben, Übungen, Interaktion / H. Funk, C. Kuhn, D. Skiba. – Stuttgart : Ernst Klett Sprachen, 2019. – 183 s.
7. Китайгородская, Г. А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам / Г. А. Китайгородская. – М. : Издательство МГ, 1988. – 176 с.
8. Бартош, Д. К. Организация положительной социализации школьников в условиях социокультурного проектирования / Д. К. Бартош, М. В. Харламова // Педагогика и психология образования. – 2020. – № 2. – С. 39–49.

¹Минский государственный лингвистический университет

²Московский государственный лингвистический университет

Проблемы и резервы развития современного высшего образования

В.Г. ЕРМАКОВ¹, Н.Н. НЕЧАЕВ²

Среди множества проблем развития высшего образования в качестве структурообразующей проблемы рассмотрен вопрос о динамике согласования личностной и предметно-содержательной составляющих образовательного процесса. Исследование на основе историко-генетического подхода показало, что в современных условиях для его решения необходимы серьезные новации в управлении образовательным процессом и в методах контроля, выступающих важнейшей составляющей такого управления. Психолого-педагогические характеристики этих новаций описаны на примерах архитектурного и математического образования.

Ключевые слова: высшее образование, личностное развитие, модели управления, методы контроля.

Among the many problems of the development of higher education as a structure-forming problem, the issue of the dynamics of coordination of the personal and substantive co-educational process is considered. A study based on a historical and genetic approach showed that in modern conditions, serious innovations in the management of the educational process and in control methods, which are the most important component of such management, are needed to solve it. The psychological and pedagogical characteristics of these innovations are described using examples of architectural and mathematical education.

Keywords: higher education, personal development, management models, methods of control.

Развитие системы высшего образования происходит под сильным влиянием коренных изменений в современном мире и под сковывающим воздействием проблем и противоречий, порождаемых переменами. В силу этих обстоятельств достижение основных целей и задач образования наталкивается на значительные трудности различного характера. Так, в Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г. сформулированы два ключевых положения. Первое касается интересов государства: «Современные глобальные экономические и социальные изменения ставят перед Республикой Беларусь новые задачи, среди которых повышение национальной конкурентоспособности, придание большей устойчивости государству в условиях экономических и социальных трансформаций. Эти задачи не могут быть решены без новых технологий и новых знаний, без создания инновационной экономики, важнейшим институтом развития которой является система образования» [1, с. 2]. Ввиду того, что эти требования определены внешними условиями существования государства, вопрос о наличии у системы образования возможностей для их выполнения оставлен без внимания. Приоритет общественно значимых факторов сказался и на формулировке второго положения, задающего целевой уровень развития личности: «Обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые и компетентные личности, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, умеющие выбирать способы сотрудничества» [1, с. 2].

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (статья 2) используется, в частности, такое понятие: «Образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [2, с. 2]. Здесь тоже интересы «человека, семьи, общества и государства» рассматриваются в комплексе и без учета возможного конфликта интересов между разными участниками образовательных отношений, закономерно возникающих в ходе образовательного процесса.

В соответствии с естественным разделением труда до недавнего времени забота о путях достижения поставленных целей и разрешении различных проблем и противоречий в образовании относилась к ведению самих педагогов, но теперь решение этих задач стремительно усложняется. В обоснование этого тезиса достаточно упомянуть экстраординарные изменения в

развитии человеческого сообщества, указанные в работе [3]. К числу таких изменений относятся, в частности, демографический переход, описанный еще С.П. Капицей, завершение этапа развития экономических отношений, основанных на ссудном капитале, резкое обострение экологических проблем, которые в совокупности существенно нарушают устойчивость социально-культурных и образовательных процессов. В результате проблемы образования становятся непарадигмальными и требуют решений, далеко выходящих за рамки сложившихся традиций.

Степень сложности достижения целей, указанных в Концепциях образования, можно оценить на примере так называемого инновационного образования, идея которого возникла в связи с резким сокращением временного интервала между научным открытием и его промышленным массовым использованием, предполагающем соответствующее освоение научных знаний контингентом специалистов, реализующих инновации в самой системе производства. Так как в этих условиях традиционная переподготовка выпускника учебных заведений на рабочем месте не позволяет выдерживать «гонку» инноваций, понадобились, во-первых, более высокие темпы включения в сам процесс образования новых идей и технологий и, во-вторых, такой уровень подготовки будущих специалистов, который позволял бы им в дальнейшем участвовать в разработке необходимых инноваций сразу, без адаптационного периода. На практике, по крайней мере к настоящему времени, попытки реализовать эту идею осуществлялись посредством концентрации финансовых, человеческих и материальных ресурсов в одном учреждении образования или его подразделении. Анализ, проведенный в статье [4], показал, что инновационное образование, сформировавшееся под влиянием этой экономической потребности, существенно опирается на «индивидуальность» педагога-ученого и самодеятельность учащегося, однако начальный задел по этим параметрам формируется не за счет использования каких-либо новых методов обучения, а путем отбора среди тех, кто практически уже вышел на требуемый уровень в рамках традиционного образования. Это означает, что успех реализации самой концепции инновационного образования в решающей степени зависит от достижений всей системы массового образования в личностном развитии учащихся. Закономерно поэтому, что при обсуждении стратегий и механизмов инновационной и технологической модернизации России развитие человеческого потенциала отнесено к числу важнейших.

Но насколько велики резервы развития человеческого потенциала в современных условиях? Если ориентироваться на дальнейшую интенсификацию образовательного процесса, то можно сразу отметить, что такого рода резервы близки к исчерпанию из-за ограничений, накладываемых актуальной проблемой сбережения здоровья человека. По мнению В.Ф. Базарного, «от поколения к поколению все ниже и ниже опускается порог жизнеустойчивости, выносливости, резервов и защитных сил жизни» [5, с. 158]. Согласно его оценкам, состояние здоровья людей на данный момент сильно понизилось, что становится главной опасностью для цивилизации. Вину за это он возлагает прежде всего на дидактогенные причины. Следовательно, два актуальных направления модернизации – сбережение нации, человеческого потенциала и научно-технологическое развитие страны находятся в противоречивом отношении друг другу, причем, как показано в статье [6], его разрешение является очень сложной педагогической задачей.

Сказанное позволяет заключить, что среди неисчислимого количества проблем высшего образования, образующих сильно запутанный узел, принципиально важной, структурообразующей проблемой следует считать обеспечение определенной гармонии между личностной и предметно-содержательной составляющими образовательного процесса. Ее особая значимость вытекает из того, что освоить огромный и быстро растущий объем актуальных сведений, накапливаемых человечеством, без соответствующего напряжения умственных сил, без готовности к преодолению сложившихся стереотипов через формирование навыков их преодоления невозможно. Но и развитие творческого потенциала индивида вне главной задачи – задачи сохранения общекультурного достояния каждым новым поколением людей, вступающих в жизнь, бесперспективно как для развития общества, так и для каждого отдельного человека.

История развития науки убеждает в том, что большинство локальных и глобальных кризисных явлений в образовании связано именно с нерешенными проблемами личностного развития непосредственных участников образовательного процесса. В свое время, например, в результате анализа причин заката математики в Древней Греции Г. Фройденталь отметил: «До тех пор, пока наряду с официальной евклидово-архимедовой математикой преподавались также эв-

ристические методы алгебры и бесконечно малых, молодые люди могли осваиваться со смиренной рубашкой официальной науки. Но как только эти традиции были сломлены, все погибло» [7, с. 13]. Заметим, случилось это после того, как в математику были введены доказательства, базирующиеся на формально-логической основе и обеспечивающие значительное сжатие материала, появились математические теории, повысившие устойчивость в усвоении охватываемых ими сведений. Всего лишь утрата гибкости в осуществлении учебного процесса затруднила адаптацию молодых людей к теориям, застывшим в своей идеальной (казалось бы, оптимальной), но косной форме, и этим привела к спаду в развитии математики на более, чем тысячу лет.

Полноценное возрождение европейской математики уместно отсчитывать с 1535 г., когда Никколо Тарталья в процессе знаменитого математического турнира с Антонио Марио Фиоре получил результат, которого не знали ни математики Древней Греции, ни математики Востока. Характерно, что к открытию привел вызванный турниром взрывной всплеск поисковой активности. Данный момент представляется знаковым в том отношении, что мобилизация личностных усилий требуется и для «распредмечивания» того, что было получено раньше, и для «перепредмечивания» его на какой-то своей основе, и для выхода за границу известного. К настоящему времени история алгебраических уравнений насчитывает более 40 столетий, и если не обращать внимание на ключевые микроэпизоды этой истории, то действительно можно говорить о кумулятивном приращении знаний в этой области. Но из-за неотвратимо слабой позиции личностной составляющей этого процесса реальная картина событий иная. Ближе к истине представление об импульсном характере исторического процесса, порождаемом необходимостью все более значительных мобилизационных усилий участвующих в нем людей, находящихся под незримым, но все более сильным давлением объективного противоречия между ограниченными возможностями отдельной личности и постоянно развивающейся культурой. Общей причиной появления математических турниров в Италии можно считать зарождающийся капитализм, потребовавший развитой личности. Турниры и стали закономерной формой их выявления, но нам важно понять сам механизм формирования таких личностей.

Рассматриваемое нами противоречие между личностной и предметно-содержательной составляющими образовательного процесса обнаруживается и на более длинных промежутках времени развития математического знания. Так Андре Фуше отметил поразительное и постоянно возникающее на протяжении всей истории педагогики математики чередование двух противоположных методов – догматического и эвристического, объяснив его в первую очередь фактором времени. «Главной из этих причин, – пишет А. Фуше, – является увеличение, количественное и качественное, массы знаний, которые нужно приобрести за тот же промежуток времени» [8, с. 18]. Исходя из этого, можно заключить, что чередование названных методов обучения является следствием попыток педагогов спонтанной «сменой галса» соединить края расширяющейся пропасти. В одном случае основные усилия направляются на содействие развитию индивида при помощи эвристического метода, порой, не считаясь с затраченным временем, в другом случае – на удовлетворение потребности общества в полноценном сохранении накапливаемых человечеством знаний и опыта. В этом случае ради буквально понимаемой экономии времени, затрачиваемой на подготовку специалиста, на первый план выходит догматический метод, а интересы развития новых способов математического творчества отдельных учащихся приносятся в жертву.

С формальной точки зрения отсюда следует, что простор для применения эвристического метода обучения будет неумолимо сокращаться, что повсеместно и происходит. Однако для сопротивления этой негативной динамике развития событий в области образования некоторые возможности еще остаются. В качестве резерва могут и должны быть использованы более тонкие психолого-педагогические особенности управления образовательными процессами, вытекающие, в частности, из замечания А. Фуше о том, что, хотя труд открытия бывает продолжительным, мучительным и неблагодарным, в конечном счете он может обеспечить выигрыш времени. «Если открытие доводится до конца, появляется простой закон и может выкристаллизоваться правило, которое облегчит труд приспособления, когда вновь появятся непредвиденные обстоятельства» [8, с. 19]. Имея в виду такие эффекты, эвристический метод обучения целесообразно использовать при каждой возможности.

Реакцией на серьезные опасности для личностного развития можно считать появление университетов – своеобразных институционализированных социальных регуляторов взаимодействий индивида с текстами, внешне сохраняющих массив соответствующих знаний, но де-факто утрачи-

вающих возможности их развития в силу застывшего в неизменности их состояния. Эразму Роттердамскому приписывают слова: «Моя Родина там, где моя библиотека». Американский математик Б. Уиллер в конце XIX столетия и Николай Вавилов в XX столетии тоже высказывались в том смысле, что университет есть некоторое сообщество ученых (и студентов), объединенных вокруг библиотеки. Таким образом, важным условием успешной трансляции культурного достояния в череде поколений стало его распредмечивание, возведенное в систему. В средневековых университетах механизмы распредмечивания и перепредмечивания представлены весьма отчетливо.

Опираясь на книгу «Средневековые университеты» русского историка и правоведа Н.С. Суворова (1848–1909), перейдем к описанию некоторых достаточно универсальных дидактических средств формирования искомых личностных качеств, обеспечивающих творческое воспроизводство знания. Подчеркнем, в это время речь еще не шла о «гонке инноваций», главной задачей было усвоение уже имеющихся сведений и делалось это со всей тщательностью. По словам Н.С. Суворова, «Практические упражнения состояли в репетициях и диспутах. Составление каких-либо письменных работ вообще было неизвестно средним векам. В итальянских университетах репетиция состояла в подробном объяснении отдельного текста, причем принимались в соображение все возможные сомнения и возражения. У парижских декретистов репетиция состояла в проверке всех относящихся к данному вопросу мест источников по различным рукописям и в просмотре комментариев в разных, относящихся к вопросу, сочинениях, чтобы достигнуть ловкости в интерпретации. В германских университетах репетиции или резюмции (*resumptiones*) имели вид живого диалога между учителем и учеником: учитель предлагал вопросы учащемуся и заставлял его отвечать, с тем, чтобы узнать пробелы в его знаниях и восполнить их. ... Но чему в особенности придавалось громадное значение в средневековых университетах – это диспуты. ... Диспуты должны были приучить школяра, вооруженного знанием, защищать приобретённое им сокровище против всякого нападения и убеждать других в истинности того, что сам он научился признавать за догматическую истину» [9, с. 205]. Ценность этих приемов и методов обучения для личностного развития учеников очевидно очень велика, образно говоря, они образуют ожерелье дидактических бриллиантов. В современных условиях их по-прежнему можно считать опорными при организации обучения, нацеленного на сохранение «души» высшего образования как процесса постоянного преодоления сложившегося корпуса сведений, за счет его превращения в «живое знание».

По мере того, как на этапах динамичного развития общества предметно-содержательная составляющая образовательного процесса становилась все более значимой, эти традиции видоизменялись. Например, Политехническая школа в Париже была основана Гаспаром Монжем и Лазаром Карно в 1794 г. в качестве высшей школы для подготовки инженеров. В ответ на запросы государства и общества содержательная составляющая обучения вышла на первый план, но создатели школы не забыли и о его личностной составляющей. Во-первых, особенность замысла Монжа, находившегося под влиянием идеалов Великой французской революции, заключалась в том, чтобы «открыть дорогу для дарований, а не для титулов и денег», «сравнять хижины с дворцами». По словам В.П. Демьянова, Монж решил опереться на два фундамента: «на институт инструкторов (репетиторов), в котором и сам вырос как блестящий педагог, и на высокие личные качества своих учащихся – прежде всего их ответственность и самостоятельность в суждениях» [10, с. 85]. Во-вторых, известные выпускники этой школы писали о Монже: «Он всегда был среди нас; после лекций геометрии, анализа и физики начинались частные беседы, которые еще расширяли и укрепляли наши способности» [10, с. 86]. «Репетиции и диспуты» в духе средневековых университетов сместились во внеурочное время, но и в таком качестве сохраняли свою действенность. «Существенным новшеством по сравнению с прежней постановкой преподавания, – отмечает Демьянов, – является то, что теперь преуспевают не только немногие особенно интересующиеся слушатели, но благодаря целесообразной организации большое число студентов одновременно плодотворно выполняют каждый свою работу. На современников Монжа произвело особенно сильное впечатление, когда он в первый раз вел практические занятия, при которых до 70 человек одновременно работало над своими чертежными досками» [10, с. 88]. Своевременная и адресная поддержка, ориентирующаяся на личностное развитие, позволила

удерживать самостоятельность учеников на высоком уровне, благодаря этому на 1 час лекций слушатели тратили до 4 часов на ее самостоятельную проработку. Монжу удалось достичь ярких результатов даже на первом сокращенном этапе обучения.

Используя в качестве объясняющей метафоры сравнение с течением электрического тока, можно сказать, что процесс обучения в средневековых университетах напоминает течение постоянного тока, а в системе Монжа обучение сродни электромагнитным колебаниям: поддержка личностного развития помогает освоению материала, а проблемы в изучении трудных мест стимулируют педагога на более активную коррекцию личностной составляющей.

Российский физик-экспериментатор Петр Николаевич Лебедев (1866–1912), наряду с яркими научными достижениями (он открыл и измерил давление света на твердые тела и газы), отличился и педагогическими талантами, которые проявились в создании первой русской научной школы физиков. По словам современников, П.Н. Лебедев не любил экзаменов, лекций, хотя лектором был выдающимся, но очень любил живые беседы в рамках коллоквиумов, споры, лабораторные исследования. Беседы иногда затягивались до глубокой ночи. В данном случае вынужденное уменьшение времени на непосредственное взаимодействие педагога и учащихся удалось в полной мере компенсировать повышением качества этого взаимодействия, косвенно подтверждаемого личностными качествами самого Лебедева.

Предыстория появления в короткий срок Московской математической школы мирового уровня под руководством Н.Н. Лузина хорошо известна. Известна также роль в ее стремительном подъеме знаменитой Лузитании. Эти и многие другие аналогичные примеры развития научных школ показывают, что при всех отягощающих обстоятельствах дополнительные резервы для разрешения проблем высшего образования найти удастся и заключаются они в усложнении способов поддержки личностного развития учащихся, обеспечивающего состояние учащихся в их дальнейшем профессиональном росте. Так или иначе опыт средневековых университетов применяется и теперь, но уже на малых отрезках времени.

Ввиду того, что научно-технический прогресс человеческой цивилизации продолжается, создавая в системе образования новые проблемы и противоречия, понадобился осмысленный перенос в массовое образование тех методов педагогики высшего образования, которые сформировались в научных школах в процессе развития науки и профессионально-личностного становления ее участников. Так, например, когда профессия архитектора превратилась в массовую профессию, рассчитывать на стихийную довузовскую подготовку и одаренность студентов, как раньше, было уже нельзя, студенты начинали «специальное обучение для получения высшего архитектурного образования с профессионального нуля» [11, с. 243]. При этом из-за специфики этой профессии от задачи формирования профессионального творчества архитекторов на достаточно высоком уровне уйти было нельзя. Комплексный анализ этой ситуации, осуществленный Н.Н. Нечаевым, привел к выводу о необходимости дополнительного развития психологического и педагогического «инструментария» самих исследований сферы «высшего труда», становление которого проходит в высшей школе. Для этого, в частности, была проработана проблематика моделирования в системе психологического исследования, проведен анализ моделирования как творческого процесса, обосновано и внедрено в практику подготовки положение о том, что проектное моделирование представляет собой сущность профессиональной деятельности архитектора. На этом новом теоретическом фундаменте были разработаны психологические основы высшего архитектурного образования [12], [13]. Из-за вынужденного старта подготовки архитекторов с низкой позиции оптимизация всего процесса обучения и была проведена с акцентом на поэтапное формирование профессионального творчества специалиста, которое, в свою очередь, становится фундаментом профессиональной мобильности [14].

Колебательный контур взаимодействий двух рассматриваемых составляющих образовательного процесса с самой большой «длиной волны» был организован введением трех стадий подготовки. Первая из них занимает особое место. Она «самая несамостоятельная (с точки зрения профессионального архитектора) и в этом смысле самая отдаленная от действительного образа профессиональных действий. Но именно на ней профессиональные действия максимально выделены, четко описаны, предельно детализированы и объективированы. Это самый контролируемый со стороны педагога процесс деятельности учащегося, – и в этом плане внешним обра-

зом самый нетворческий этап» [11, с. 279]. В этом «кипящем слое» перестроек осевую линию образует психологически выверенная и педагогически реализованная траектория усвоения учебного материала, который должен стать фундаментом будущей профессиональной деятельности. Работает важнейший принцип: начинать творить нужно с того, чтобы не творить как дилетант. Предельная детализация материала требуется для того, чтобы не оставить лазеек для ложных представлений и несформированных базовых умений. При этом в соответствии с законами диалектики максимально строгий содержательный контроль оказывается личностно ориентированным, так как серьезно помогает учащемуся сориентироваться и в материале, и в своей учебной деятельности. Сама нацеленность на строгость контроля предполагает плотное общение учащегося с педагогом, в результате чего «репетиции и диспуты» в духе средневековых университетов вновь перемещаются в тщательно подготовленный для этого учебный процесс. На длинные волны рассматриваемых взаимодействий наложились многочисленные локальные переключения между предметно-содержательной и личностной составляющими учебного процесса как необходимое условие успешности обучения на второй и третьей стадиях.

В статье [15] приведен аналогичный пример решения проблемы адаптации первокурсников к обучению в вузе в рамках курса математического анализа. Эта проблема остра сразу по трем причинам – из-за растущего разрыва между уровнем подготовки школьников и потребностями вуза в абитуриентах, отвечающих нормативным требованиям дальнейшей профессионально-специализированной подготовки, необходимой для достижения соответствующего уровня у будущих специалистов. Все это осложняется из-за наличия в этом курсе сложных понятий и развитого формального аппарата, а также из-за сложностей психологической адаптации первокурсников к обучению в вузе. Как и в предыдущем примере стержневой линией педагогических усилий стало формирование и развитие самостоятельности студентов, составляющей суть учебной деятельности в вузе, без которой остальные проблемы неразрешимы. Здесь тоже понадобилась существенная модернизация текущего контроля, описанная в статьях [15] и [16]. Результат его применения превзошел все первоначальные ожидания. Заметим, что формирование профессионального творчества и развитие самостоятельности как необходимые аспекты вузовской формы учебной деятельности, определяющие ее сущность, создают именно ту атмосферу взаимодействий между участниками образовательного процесса, которая соответствует духу высшего образования и нацеливает его на дальнейшее развитие в будущем.

Однако в отдельных случаях даже эта система переключений с разными периодами во времени между основными составляющими учебного процесса оказывается недостаточной. Например, перед начальными понятиями современных аксиоматических теорий в математике большинство учащихся практически беспомощны, так как у них нет никакой возможности самостоятельно восстановить остающуюся скрытой при применении аксиоматического метода длинную предысторию данных понятий. Для создания необходимых психологических условий выхода учащихся из этой тупиковой ситуации педагогу нужно сделать нечто почти невозможное: за предельно малое время осуществить пропедевтику этих понятий с одновременным проведением многоплановой корректирующей работы, касающейся ломки стереотипов, сложившихся как это не покажется парадоксальным благодаря предыдущему этапу обучения, что требует перепредмечивания сложившихся понятий учащихся, формирования их самостоятельности и т. п. Для решения этих задач методы проведения контрольных мероприятий нужно уточнять с еще большей тщательностью. Описание соответствующих деталей приведено в статье [16]. Здесь на микролокальном уровне сосредоточилось то, что уже было отмечено, например, в германских средневековых университетах, когда «учитель предлагал вопросы учащемуся и заставлял его отвечать, с тем, чтобы узнать пробелы в его знаниях и **восполнить их** (выделено нами – В.Е. и Н.Н.)» [9, с. 205]. Из-за значительного сокращения времени, на котором нужно решать столь сложные педагогические задачи, соответствующие методы обучения и контроля уместно называть импульсными.

Выводы. Историко-генетический метод анализа проблемы динамического согласования двух составляющих образовательного процесса – предметно-содержательного и личностного позволяет сформулировать задачи, которые в этом направлении понадобится решать в ближайшем будущем в теории и практике высшего образования. В силу разных причин, в том числе, в связи с цифровизацией образования время прямого взаимодействия педагога с уча-

щимися будет неумолимо сокращаться, в ответ на эту трансформацию образовательных процессов действия педагога должны становиться все более точными, адресными и резонансными. При этом из-за скоротечности активных корректирующих мероприятий объем обратных связей уменьшится, педагогу придется действовать в условиях нарастающей неопределенности, один из аспектов которой описан в работе [17]. Отсюда следует, что актуальной станет разработка неких стохастических методов обучения. Немалый задел для этого в современной науке уже существует, его анализ будет дан в других статьях.

Литература

1. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство образования Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://edu.gov.by/by-be/kontseptsiya-do-2030-goda>. – Дата доступа : 01.11.2022.
2. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 29.12.2012 г., № 273-ФЗ : с изм. 2020 г. – Режим доступа : <https://zakon-ob-obrazovanii.ru/>. – Дата доступа : 01.11.2022.
3. Ермаков, В. Г. Методологические и социально-культурные аспекты обеспечения устойчивости образовательных процессов / В. Г. Ермаков // Педагогическая наука и образование. – 2017. – № 4 (21). – С. 3–11.
4. Ермаков, В. Г. Инновационное образование как объект теории / В. Г. Ермаков, Н. Н. Нечаев // Вестник МГЛУ. Сер.: Педагогическая антропология. – 2008. – Вып. 539. – С. 96–113.
5. Базарный, В. Ф. Главная опасность для цивилизации. Здоровых людей – единицы / В. Ф. Базарный // Народное образование. – 1998. – № 9-10. – С. 157–165.
6. Ермаков, В. Г. Противоречие между сбережением человеческого потенциала и научно-технологическим развитием страны как педагогическая задача / В. Г. Ермаков // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 486–489.
7. Фройденталь, Г. Математика как педагогическая задача / Г. Фройденталь. – М. : Просвещение, 1982. – Ч.1. – 208 с.
8. Фуше, А. Педагогика математики / А. Фуше. – М. : Просвещение, 1969. – 128 с.
9. Суворов, Н. С. Средневековые университеты / Н. С. Суворов. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
10. Демьянов, В. П. Геометрия и Марсельеза / В. П. Демьянов. – М. : Знание, 1979. – 224 с.
11. Архитектура и психология : учебное пособие для вузов / А. В. Степанов, Г. И. Иванова, Н. Н. Нечаев. – М. : Стройиздат, 1993. – 295 с.
12. Нечаев, Н. Н. Проектное моделирование как творческая деятельность (психологическая основа высшего архитектурного образования) : автореф. дис ... д-ра психол. наук : 19.00.07 / Н. Н. Нечаев. – М., 1987. – 40 с.
13. Нечаев, Н. Н. Моделирование как условие и средство становления психологических новообразований / Н. Н. Нечаев // Методологические проблемы развития мышления субъектов образовательного процесса : монография / Под общ. ред. Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2021. – С. 26–51.
14. Нечаев, Н. Н. Профессионализм как основа профессиональной мобильности : материалы к пятому заседанию методологического семинара 8 февраля 2005 г. / Н. Н. Нечаев. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 92 с.
15. Ермаков, В. Г. Формирование самостоятельности студентов средствами контроля / В. Г. Ермаков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2018. – № 2 (107). – С. 18–23.
16. Ермаков, В. Г. Авторская операционализация метода зачётов и его применение к решению проблемы школьной неуспешности / В. Г. Ермаков // Красноярское образование : вектор развития. – 2022. – № 5. – С. 112–120.
17. Ермаков, В. Г. Диагностика мышления и его развития как методологическая проблема / В. Г. Ермаков // Методологические проблемы развития мышления субъектов образовательного процесса : монография / Под общ. ред. Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2021. – С. 72–86.

¹Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

²Московский государственный психолого-педагогический университет

УДК 37.01; 37.02; 37.026; 371.3

Каким образом дидактические средства познания способствуют развитию субъекта мышления в учебном процессе?

Т.Н. ИЩЕНКО

Оперирование понятием как ключом в познании сути окружающей действительности представляет как средство её раскрытия, так и результат развития мыслительных способностей обучающегося. И от того, в какой мере педагог способен создавать педагогические условия по освоению системы понятий в предметной области, зависит проявление субъектности в учебном процессе, становление обучающегося субъектом мышления, субъектом деятельности. Диалектический подход, научный метод познания определяют субъект-субъектный характер отношений в учебном процессе.

Ключевые слова: дидактические средства познания, субъект мышления, субъект деятельности, проблемный вопрос, диалектический подход, дидактическая система.

The operation of the concept as a key in knowing the essence of the surrounding reality represents both the means of its disclosure and the result of the development of the student's mental abilities. The manifestation of subjectivity in the educational process, the formation of the student as the subject of thinking, the subject of activity depends on the extent to which the teacher is able to create pedagogical conditions for mastering the system of concepts in the subject area. The dialectical approach, the scientific method of cognition determine a subject-subject character of relations in educational process.

Keywords: didactic means of cognition, subject of thinking, subject of activity, problem issue, dialectical approach, didactic system.

Открытия в науке осуществлялись постановкой проблем, проблемных вопросов, выявлением противоречий и поиском путей их разрешения, постановкой сложных неразрешенных задач. Открытие нового знания связано как с обнаружением недостаточности имеющихся знаний, так и с наличием определенной системы знаний, позволяющей начать поиск решения проблемы, разрешения противоречия. В этом суть развития научного знания. Но тогда возникает вопрос: в каком случае, при каких условиях студент высшей школы вовлечен в этот порой сложный процесс поиска решения проблемы, открытия нового знания, понятия? Сама постановка проблемы – сложный мыслительный процесс, запускающий движение в понятийном поле, в поле выдвижения идей и последующей их проверки. И если вникнуть в суть компетенций образовательных стандартов высшего образования, то в их трактовке основное внимание уделено развитию мышления студента, его способности мыслить. Так, среди академических компетенций (первой ступени) заявлены следующие: владеть и применять базовые научно-теоретические знания для решения теоретических и практических задач; владеть системным и сравнительным анализом; быть способным генерировать новые идеи (креативность); владеть междисциплинарным подходом при решении проблем и др. Среди социально-личностных компетенций: быть способным к критике и самокритике (критическое мышление); уметь работать в команде; быть способным к социальному взаимодействию; обладать способностью к межличностным коммуникациям и др. Общепрофессиональные компетенции включают развитие способности к осуществлению педагогической деятельности на основе специальных научных знаний, понимание принципов работы современных информационных технологий и использование их для решения задач профессиональной деятельности. Универсальные компетенции касаются развитой способности к осуществлению поиска, критического анализа и синтеза информации, применению системного подхода для решения поставленных задач, осуществления социального взаимодействия и реализации своей роли в команде и другое. Магистерские программы предусматривают развитие способности к организации научного исследования в сфере профессиональной деятельности на основе современной методологии; осуществлению критического анализа проблемных ситуаций на основе системного подхода; выработке стратегии действий по организации и руководству работой команды для достижения поставленной цели и пр. Причем развитие отмеченных способностей у обучающихся свойственно для образовательных стандартов высшей школы и России, и Белоруссии.

С одной стороны, развитие способностей касается непосредственно развития мышления (теоретического, критического, творческого), сознания обучающегося, а с другой – способности к осуществлению коммуникаций, социального взаимодействия и работы в команде. А потому и организация учебного процесса в высшей школе требует таких педагогических условий, которые бы определили успешное развитие этих способностей обучающихся, благодаря чему они становятся самостоятельными и способными осуществлять междисциплинарный подход при решении проблем, содержательные коммуникации, социальное взаимодействие по существу дела, тем самым раскрывая в таком труде самого себя, свои потенциальные возможности. Потому как рефлексия собственной деятельности не только обретает самостоятельный характер, но и позволяет наметить пути развития идей, или, как об этом писал Л.С. Выготский, наметить зону актуального развития. Однако одна из проблем реализации обновленных стандартов высшей школы заключается как в обновлении содержания, так и в выявлении средств его осознанного осмысленного освоения. Разрешение этой проблемы требует научного метода познания, дидактической системы, отражающей содержательный контекст организации учебного процесса, когнитивно-операциональный, организационно-методический и рефлексивный, логических и дидактических средств освоения предметного содержания. Без обращения к методологическим, теоретическим истокам развития мышления – философским основаниям – эту проблему разрешить не представляется возможным. А потому необходимо разобраться, каковы методы познания, дающие возможность студенту оперировать понятием как формой мысли. В каком случае организация учебного процесса обеспечивает переход обыденных представлений в форму понятия? Каковы формы и функции учебного труда, благодаря которым познающий становится субъектом мышления, субъектом деятельности?

Гегель, характеризуя метод, рассматривает его в неразрывном единстве с понятием, отмечая, что «метод есть само знание, для которого понятие дано не только как предмет, но и как его собственное субъективное действие, как *орудие* и средство познающей деятельности, отличное от нее, но как ее собственная существенность» [1, с. 934–935]. Уже далее в своем труде «Наука логики» философ отмечает необходимость в процессе познания метода диалектики. Таким образом, метод познания представляет всеобщую форму движения познающего мышления, то есть открытие понятия связано с методом, который тоже представляет орудие познания и задает определенность понятия. Тем самым метод предстает как мерило открытия понятия, как форма, имманентная содержанию. Об этом впоследствии писал в своих работах Л.С. Выготский, отмечавший, что главной «проблемой, связанной с процессом образования понятий и процессом целесообразной деятельности вообще, является проблема средств, с помощью которых выполняется та или иная психологическая операция, совершается та или иная целесообразная деятельность» [2, с. 149]. Выготский идет далее, акцентировав внимание на том, что именно проблема средств высших форм поведения определяет овладение человеком процессом собственного поведения. Причем проблема, свойственная современному учебному процессу, была отмечена исследователем ранее: «Процесс образования понятий не сводим к ассоциациям, вниманию, представлению, суждению, детерминирующим тенденциям, хотя все эти функции являются непременно участниками того сложного синтеза, каким на деле является процесс образования понятий» [2, с. 157]. То есть количественное увеличение ассоциаций не представляет средство развития мышления, а всего лишь характеризует иллюзию понимания. Рассматриваемая Выготским проблема «псевдопонятий», на наш взгляд, свойственна порой и общему образованию, потому как комплексному мышлению не свойственно мышление в понятиях по сути дела. Не по тому ли ученый делает вывод, что оздоровление поступков человека начинается с оздоровления мыслей. Психолог, педагог, исследователь – Лев Семенович заключает, что историческое рассмотрение проблемы становится ключом к ее логическому пониманию, придавая огромное значение логическому способу исследования, потому как диалектическое мышление «не противопоставляет логический и исторический методы познания». Такой подход ученого предоставляет будущим педагогам понимание механизмов перехода от псевдопонятий к понятию по сути дела, о движении в развитии понятийного мышления у обучающихся дошкольного и школьного возраста. Исследование взаимосвязи мышления и речи, генетических корней мышления и речи привело его к заключению о том, что в образовательной деятельности необходимо создавать условия, при которых в единстве развивается мышление и речь, благодаря чему «мышление становится речевым, а речь становится интеллектуальной» [2, с. 123].

В этих идеях наряду с образованием понятий осуществляется и постановка связанной с развитием мышления проблемы целесообразной деятельности познающего. Принцип единства сознания и деятельности обуславливает в учебном процессе создание не просто социальной ситуации развития, а конструирование такой системы заданий для обучающихся, которая позволит познающему проявлять мыслительную активность как в индивидуальном, так и в совместном с другими труде (коллективном), то есть субъект как носитель активности сознания проявляет себя в деятельности. И если эта деятельность носит целесообразный характер, являясь опосредствованной, то в этих условиях осуществляется преобразование сознания обучающегося посредством идей (понятий), преобразование сообщества обучающихся посредством выстраивания отношений на содержательной основе, преобразование собственно человеческой природы.

По мнению А.Н. Леонтьева, цель связана с предметом деятельности и ее мотивом; «осознание смысла действия и совершается в форме отражения его предмета как сознательной цели... связь предмета действия (его цели) и того, что побуждает деятельность (ее мотива), впервые открывается субъекту». На основе исследований «иерархических отношений деятельности» А.Н. Леонтьев выявил «ядро личности», порожденное ими, отметив, что «узлы, соединяющие отдельные деятельности, образуются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а той системой отношений, в которую вступает субъект» [3, с. 186]. Однако и эти идеи психологов еще не исчерпывают всю сложность рассмотрения проблемы осуществления взаимодействия, сотрудничества в постижении содержания предмета, поскольку существенно положение: «осознается лишь то содержание, которое является предметом целенаправленной активности субъекта», то есть представляет внутреннюю цель в системе той или иной деятельности. Тогда актуальна дидактическая закономерность: успешное освоение содержания субъектом познания осуществляется только при его мыслительной активности.

По Э. Ильенкову, «личность вообще есть единичное выражение жизнедеятельности «ансамбля социальных отношений». Личность проявляется в своей активности, во взаимоотношениях с другими людьми (в том числе при создании конкретных продуктов), в проявлении своего таланта, в деятельности. И, напротив, развитию личности препятствуют шаблоны, стереотипы, догматический репродуктивный характер деятельности, условия, не способствующие проявлению ее лучших качеств. Но тогда велика роль создаваемых педагогических условий, «поэтому сила личности – это всегда индивидуально выраженная сила того коллектива, того «ансамбля» индивидов, который в ней идеально представлен, сила индивидуализированной всеобщности устремлений, потребностей, целей, ею руководящих» [4, с. 413]. Пространство деятельности в этом контексте развития личности представляет «общественный, культурно-исторический смысловой характер».

Приведем пример проекта учебного занятия. При открытии декартовой системы координат на уроке математики педагогом выстроена система заданий для обучающихся, которая сосредоточена на системе уже имеющихся у них «опорных» понятий: числовой отрезок, координатная прямая, начало координат, координата точки и пр. Каждое последующее задание основывается на результатах выполнения предыдущего, углубляясь в предметное содержание. Через проблемные вопросы-понятия осуществляется работа как с понятиями, так и с выполнением конкретных заданий. Что понимается под координатой прямой? Что означает координата точки? Чем объяснить, что точки с координатами А (3) и В (-3) расположены на одинаковом расстоянии от начала координат? И прочее.

После трех-четырёх выполненных заданий появляется задание, выполнение которого затруднено, потому что точка С имеет координату 4, и точка Д, расположенная не на числовой прямой, а на одну единицу выше над точкой С (над числовой прямой). Некоторые обучающиеся называют для двух несовпадающих точек одинаковую координату 4. Но кто-то из учеников замечает, что эти точки не совпадают, а значит, и координата их совпадать не может, и тем самым запускается процесс определения местонахождения точки Д. После предложения достроить еще одну координатную прямую для определения местонахождения точки Д начинается моделирование системы координат на плоскости. Предложение разных моделей обучающимися завершается тем, что есть одно начало координат, через которое проходит и вторая координатная прямая. Учитывая расположение домов к земле, клеток в тетради по математике появляются юные Декарты, которые предлагают модель системы координат (под прямым углом) и название – *прямоугольная система координат*. Далее предлагается небольшая информация о Рене Декарте, который впервые ввел прямоугольную систему координат в своей работе «Геометрия» в 1637 г. Какое интеллектуальное удовлетворение и эмоциональное насыщение получили обучающиеся, которые самостоятельно открыли прямо-

угольную систему координат! Далее следуют задания по определению координат точек в каждой из четвертей системы координат, расположенных на осях (работа может быть на карточках, на доске). Работа в группах под руководством юных Декартов обретает качественно иной смысл, потому как совместное выведение системы координат порождает внутренний побудительный мотив к постижению нового знания посредством выполнения заданий, определения понятий, моделирования и постановки проблемных вопросов. Чем объяснить, что у точки, лежащей на оси X, вторая координата будет равна нулю? В каком случае первая координата точки будет равна нулю? Почему координаты точек, лежащих в третьей четверти, обе отрицательные? Проблемные вопросы конструируют как педагог, так и сами обучающиеся. Причем, если допущена ошибка, то на неё также учениками формулируется проблемный вопрос.

Такой подход обеспечивает вовлечение обучающихся в открытие нового знания (понятия) и оперирование понятиями в процессе всего занятия, что обуславливает процесс понимания и обеспечивает содержательные коммуникации. Проблемные вопросы в этом процессе выполняют ряд функций, среди которых – познавательная, информационная. Искусство конструирования проблемных вопросов по структуре, выявлению изменений в движении (в процессе), в развитии предмета и по установлению, выявлению взаимосвязей в постигаемом материале позволяет, с одной стороны, организовать мыслительную деятельность обучающихся в овладении содержанием, понятием, а с другой – сознательно осуществить пропедевтику ошибок. Понимание проблемных вопросов осмысленно запускаются процессы интериоризации, присвоения знания и встраивания нового понятия в систему уже имеющихся понятий. И тогда можем говорить об обучающемся как о субъекте деятельности с понятием со знанием дела, а значит, и о субъекте мышления, так как в работе с системой понятий субъект деятельности совпадает с субъектом мышления. И в этом процессе велика роль теоретической способности педагога, умеющего на основе принципов противоречия, обратной связи, единства сознания и деятельности запустить путь совместного открытия понятия посредством мыслительной активности, мыслительной деятельности обучающихся. В отличие от сообщенного знания (дается в готовом виде), знание становится выводным, деятельность обретает творческий продуктивный характер. В этом контексте понятие представляет обобщение, но «обобщение не чувственных предметных свойств, а *формы деятельности*» [5, с. 96]. И тогда познающий субъект обладает способностью преобразовать предмет, поскольку его труд связан с мыслительной формой, отражающей его (предмета) суть. Условия труда и формы труда «порождают *особенности конкретного синтеза всеобщих субъективно-психических способностей и их конкретного нравственно-человеческого содержания*» [5, с. 96].

Задействование такого дидактического средства, как проблемный вопрос, позволяет организовать мыслительную деятельность на занятиях при работе с материалом, заданиями, в вузе – с научными текстами. Каковы основные виды проблемных вопросов и какова их структура? Ответ на эти вопросы лежит в логике, потому как основные формы мысли (понятие и суждение) определяют два основных вида проблемных вопросов: вопрос-понятие и вопрос-суждение [6]. Тем самым вопрос как форма постановки проблемы связан с формами общечеловеческой мысли, выявляя необходимость оперировать понятиями и суждениями в процессе постижения содержания предмета («мысленное принуждение»). В таком понимании роль проблемных вопросов становится определяющей в процессе познания. Диалектическая зависимость между вопросом и ответом требует задействовать противоположное отношение, при котором ответ является исходной основой для последующего вопроса. Если проблемные вопросы составлены в логике, то они запускают процесс движения понятия во взаимосвязи с другими понятиями.

Проблемные вопросы позволяют проникать в суть исследуемого предмета; их конструирование в индивидуальном и коллективном труде позволяет организовать работу в простой и сложной кооперации на ином качественном уровне. Так, одна группа конструирует проблемные вопросы-суждения для другой группы и чем сложнее такой вопрос, тем больше баллов набирает группа, автор вопроса. Если группа затрудняется ответить на вопрос (или ответ не полон), то группа – инициатор вопроса осуществляет дополнения к ответу либо аргументированное возражение по сути исследуемого предмета, проблемы.

В этих условиях в учебном процессе проявляется диалектика отношений через функции учебного труда и формы. В приведенном примере совместного открытия декартовой системы координат теоретическая функция (иначе – мыслительная) и практическая (исполнительская) переданы обучающимся через систему заданий, через самостоятельное моделирование системы координат и конструирование проблемных вопросов как по аналогии вопросам педагога,

так и на основе всеобщих признаков окружающего мира (как мировоззренческих ориентиров), управленческая функция передана частично, когда осуществляется работа в группах в простой кооперации под управлением юных Декартов. Однако обучающиеся, осуществляющие учебный труд в такой дидактической системе и владеющие логическими и дидактическими средствами познания, становятся способными управлять собственной деятельностью и деятельностью других в условиях простой и сложной кооперации. Тем самым ими осваиваются функции учебного труда и формы, что позволяет быть свободными при самоопределении в группы по решению мыслительных задач, выбору задания, способа решения задачи и прочее. При такой организации учебного процесса проявляется субъект, свободная личность, способная на разрешение проблем в исследуемом материале. Взаимодействие, сотрудничество, содержательные коммуникации посредством дидактических средств познания обеспечивают продуктивный характер деятельности и расширенное воспроизводство знаний самими обучающимися и представляют необходимое условие развития каждого обучающегося.

Компоненты дидактической системы: содержательный, когнитивно-операциональный, организационно-коммуникативный и оценочно-регулятивный, описанные ранее в статье [7], – предоставляют педагогу возможность варьировать систему заданий на каждое учебное занятие, организовывать учебный труд учащихся, студентов на основе научных методов познания и принципов их реализации. Режиссура учебного занятия свидетельствует о синтезе чувственного и логического, что создает и определяет условия развития личности. Задействование дидактических средств познания (проблемных вопросов двух видов, разработка сборников понятий и образов и др.) делает занятие живым, потому как открываются перспективы развития мыслящей способности каждого и группы обучающихся в целом. Реализация дидактической системы, диалектики форм и функций учебного труда на основе диалектического подхода [8] обеспечат овладение обучающимися системой понятий, идей в изучаемой, исследуемой научной области и дидактическими средствами познания, предоставляющими обучающемуся возможность познать самого себя, открыть собственный потенциал. В этих условиях человек становится субъектом своих собственных отношений. Благодаря такому подходу субъекты учебного процесса оперируют реальными инструментами познания, отношениям свойственен субъект-субъектный характер, демократический стиль общения и активно-преобразующий характер деятельности.

Если педагогом, преподавателем преодолевается «ползучий эмпиризм», и он способен организовать процесс овладения понятием как процесс понимания, открытия нового знания в совместном труде с познающими, то есть обыденные представления перерабатываются в форму понятия, то тогда познающий способен на преобразование предмета, а это означает – достижение целей образования, порождение в учебном процессе субъекта мышления, нравственной основы личности.

Литература

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Изд-во «Мысль», 1998. – 1072 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – СПб. : Питер, 2017. – 432 с.
3. Леонтьев, А. Н. Деятельность и личность. Деятельность как основание личности / А. Н. Леонтьев // Психология личности. – Самара : Изд. дом «БАХРАХ-М», 2000. – Т. 2 : Хрестоматия. – С. 165–96.
4. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – 464 с.
5. Лобастов, Г. В. Идеальное. Образ. Знак / Г. В. Лобастов. – М., 2017. – 232 с.
6. Гончарук, А. И. Концепция школы XXI века (диалектика учебного процесса) : монография / А. И. Гончарук. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2002. – 68 с.
7. Ищенко, Т. Н. Реализация принципа обратной связи в контексте развития субъекта мышления / Т. Н. Ищенко // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2022. – № 2 (131). – С. 11–15.
8. Ищенко, Т. Н. Каково понятие, таков и труд / Т. Н. Ищенко // Проблема субъекта познания : развитие мыслящей способности : монография ; под общ. ред. Г. В. Лобастова, Т. Н. Ищенко. – Красноярск, 2022. – 284 с.

Сибирский государственный университет
науки и технологий имени М.Ф. Решетова

Красноярский краевой институт повышения
квалификации и профессиональной
переподготовки работников образования

Поступила в редакцию 01.11.2022

Управление процессами самоопределения и самореализации будущих специалистов в области образования: методология исследования

М.С. КОВАЛЕВИЧ, Н.А. ЛЕОНИК

Способность личности регулировать свое состояние, управлять своим поведением в различных жизненных и профессиональных ситуациях является важным показателем готовности будущего специалиста к осуществлению поставленных целей и достижению успеха в профессиональной и личной жизни. В статье представлена Концепция иерархического (уровневого) построения методологии исследования проблемы управления процессами самоопределения и самореализации будущих специалистов. Методология представлена в виде четырех уровней: философского, общенаучного, конкретно-научного, технологического.

Ключевые слова: методология, самоуправление, самоопределение, саморазвитие, самореализация, концепция стратегии жизни, учение о стремлении к смыслу жизни, образовательно-педагогическая прогностика, аксиология, концепция самоактуализации, гуманистическая стратегия, культурологический, акмеологический, личностно ориентированный подходы, концепция самоуправления.

The ability of a person to regulate their condition, to manage their behavior in various life and professional situations is an important indicator of the readiness of a future specialist to achieve their goals and achieve success in professional and personal life. The article presents the concept of hierarchical (level) construction of a methodology for the study of the problem of managing the processes of self-determination and self-realization of future specialists. The methodology is presented in the form of four levels: philosophical, general scientific, concrete scientific, and technological.

Keywords: methodology, self-government, self-determination, self-development, self-realization, the concept of life strategy, the doctrine of striving for the meaning of life, educational and pedagogical prognostics, axiology, the concept of self-actualization, humanistic strategy, culturological, acmeological, personality-oriented approaches, the concept of self-government.

Проблема профессионального самоопределения и самореализации студентов, формирования их готовности к будущей деятельности представляет особую актуальность для теории и практики высшего профессионального образования на сегодняшний день. В условиях реализации новых образовательных стандартов значительно возрастают требования к формированию личностно-профессиональных качеств будущих специалистов в процессе обучения в вузе. В связи с этим, одна из целей современного образования заключается в создании таких психолого-педагогических условий, которые могли бы обеспечивать развитие у студентов способности *целесолагания, планирования, организации, контроля, коррекции* своей деятельности, т. е. способности к самоуправлению. Способность личности регулировать свое состояние, управлять своим поведением в различных жизненных и профессиональных ситуациях является важным показателем готовности будущего специалиста к осуществлению поставленных целей и достижению успеха в профессиональной и личной жизни.

Исходным действием всякого педагогического исследования является определение его теоретико-методологической базы, на основе которой выполняется всесторонний анализ проблемы, осуществляется разработка теоретических и практических положений, обосновываются концептуальные идеи, разрабатываются педагогические условия, образовательные технологии, даются методические рекомендации педагогам-практикам. Вопросы методологии чрезвычайно важны для любой науки, особенно для педагогики в связи с тем, что «... педагогика как наука, имеющая непосредственное воздействие на формирование личности, ее развитие и саморазвитие, требует четкого и последовательного определения и соблюдения методологических основ ее функционирования, чтобы быть эффективным источником знаний, действенным фактором создания межличностных отношений...» [1, с. 9].

Методологическую основу нашего исследования способности к самоуправлению у будущих специалистов в области образования составила *Концепция иерархического (уровневого) построения методологии научного познания*. Методология представлена в виде четырех

уровней: философского, общенаучного, конкретно-научного, технологического (конкретные методики и техники исследования). Данное представление о методологии признано большинством методологов.

Содержание *первого, высшего философского уровня методологии* в данном исследовании, на наш взгляд, может быть представлено:

Философско-антропологическим учением (В.С. Библер, Н.А. Бердяев, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер), которое выступает как мировоззренческая основа решения проблемы развития способности к самоуправлению у будущих специалистов. Принцип антропоцентризма в педагогике предусматривает обращение к субъектности человека, к пониманию его жизни как самосозидания, его развития как самоопределения и саморазвития. В педагогической антропологии стратегическая роль образования реализуется через педагогическую поддержку личности в ее самоопределении и саморазвитии.

Учением философской антропологии о человеке, которое понимает его как самоценную, творческую и свободную личность. Самым ценным качеством человека является его принципиальная незавершенность, открытость миру и к возможному действию, способность к самоуправлению собственной деятельностью. Поэтому педагогическая поддержка развития способности личности к самоуправлению – это деятельность, связанная с созданием условий для самоопределения, саморегуляции и саморазвития личности, обеспечением для нее свободы выбора, возможностей свободного и творческого действия. Идея самосозидающего человека, открытого для всех возможностей, – центральная идея философской антропологии. Сущность человека – в развитии, в постоянном духовном преобразовании самого себя, в самоуправлении.

Философско-антропологический подход к проблеме исследования можно раскрыть, опираясь на *концепцию стратегии жизни*, которая утверждает жизнь в качестве самодостаточной реальности, подлинного бытия. Одним из первых ее представителей был Ф. Ницше. Самоценность жизни Ф. Ницше понимает, как напряженный процесс становления, самореализации всего существующего, как проявление инстинкта роста, власти, накопления сил, твердости в достижении целей. Для педагогики очень важной является ницшевская идея самосозидающей личности – воспитание человека духовно богатого, открытого, уверенного в будущем [2].

С.Л. Рубинштейн формулирует концепцию личности как субъекта жизни, раскрывает деятельностную сущность личности: «Только та жизнь является настоящей, которая осуществляется, строится самим человеком... Человек становится субъектом и в том смысле, что он вырабатывает способ решения жизненных противоречий, осмысливая свою ответственность перед собой и людьми за результаты такого решения» [3, с. 351]. Большую роль в создании собственной профессиональной судьбы играет ответственность как воплощение принципиального отношения к жизни. Ответственность проявляется в свободе выбора, в осмыслении права на него и возможность его отстоять. Чем больше человек продумывает, осмысливает свою жизнь, чем больше он стремится ее организовать, определить направление, тем более уникальной, ценной, творческой она становится.

Учением о стремлении к смыслу жизни, которое рассматривает потребность в самоопределении, саморазвитии как потребность в развитии конкретной смысловой системы, где главным компонентом является представление о смысле собственной жизни. Основной тезис учения о стремлении к смыслу – «человек стремится найти смысл и чувствует фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным» [4, с. 11].

Именно в юношеском возрасте, по мнению В. Франкла, вопросы о смысле жизни возникают наиболее часто и являются наиболее злободневными. Поскольку профессиональное самоопределение является важнейшим компонентом жизненного самоопределения, можно предположить, что оно невозможно, если личность не нашла своего смысла жизни и находится в «экзистенциальном вакууме». С другой стороны, профессиональное самоопределение личности будет содействовать выходу ее из этого положения, нахождению смысла собственной жизни.

Из закономерностей нахождения человеком смысла жизни возникают специфические задачи и ограничения в педагогической поддержке будущих специалистов в сфере образования, которые находятся в ситуации поиска смыслов или экзистенциальной фрустрации. Нельзя предлагать человеку готовый смысл, но можно расширить его представления о воз-

возможностях, потенциальных смыслах. «Смыслы определяются, а не придумываются», «смыслы не могут даваться произвольно, а должны находиться ответственно». Навязывание педагогом своего смысла другому человеку недопустимо, «образование должно дать человеку средства для нахождения смысла» [5, с. 310].

В связи с этим образование должно быть направлено не только на формирование знаний, но и на раскрытие, поиск смысла человеческой жизни, который поможет юноше осуществить свое профессиональное самоопределение, сформировать способность к самоуправлению собственной деятельностью. Педагог должен помочь студенту осмыслить ответственность за реализацию своих целей.

Положениями образовательно-педагогической прогностики, версией о самореализации через поиск смысла жизни, которые ориентируют нас на воспитание человека не только разумного, но и высокоморального, духовно богатого, который знает смысл своей жизни, верит в возможность осуществления этого смысла, целенаправленно и активно трудится во имя наиболее полной жизненной и профессиональной самореализации.

Версию о том, как этого достигнуть, обосновали Б.С. Гершунский и Я. Пруха [5]. Они назвали ее прогностической гипотезой образовательного триумфа. На наш взгляд, она в наибольшей мере соответствует представлениям о соотношении проблемы смысла жизни и личностно-профессионального самоопределения и развития. Согласно этой версии, которая построена на основе концепции синтеза Знаний и Веры, смысл жизни – в наиболее полной личностной и профессиональной самореализации, Веры человека в возможность такой самореализации. Полнота самореализации обозначает максимально возможную пользу, которую может принести человек самому себе, своим близким, обществу.

С точки зрения *концепции самоактуализации А.Х. Маслоу и В.Э. Франкла*, потребность в самоактуализации – это важнейшая человеческая потребность. В концепции иерархии потребностей А.Х. Маслоу она занимает высшую ступень. Развитие личности представляется как возвышение ее биологических потребностей, надстройка над ними социальных и духовных, вершиной которых является потребность в самореализации. А.Х. Маслоу признает, что дело самоактуализации может быть сделано лучше через влюбленность значимой работой [6].

Активность личности проявляется в том, что она преобразует обстоятельства, направляет ход жизни, формирует жизненную позицию на основе своих ценностей и потребностей. Вот почему так важно развивать стремление личности к самосовершенствованию и самоуправлению собственной жизнью: такая позиция обеспечивает успех в личностном и профессиональном самоопределении.

Аксиологией как учением о ценностных ориентациях личности. В учении подчеркивается важнейшая роль ценностей в личностном и профессиональном развитии. Определение человеком себя в обществе имеет в виду самоопределение относительно социокультурных ценностей. Жизнь имеет смысл, если она посвящена реализации ценностных целей. Поиск смысла жизни – поиск ценностей [7, с. 66]. Использование аксиологического подхода дает возможность актуализировать ценность образования как единственного способа самореализации человека в современном мире, нахождения себя, раскрытия своей сущности.

Общенаучный уровень методологии исследования может быть реализован с помощью разнообразных общенаучных методов нефилософского характера, и в первую очередь с помощью таких, как методы системного, структурного и функционального анализа, моделирования, вероятностно-статистические методы, и представлен *синергетическим и культурологическим подходами.*

Наиболее широкое распространение получил системный подход, ибо нет такой среды, где бы системы отсутствовали. При этом любой объект можно рассматривать как частную систему и как элемент более широкой системы.

Системным подходом (работы философов Н.Т. Абрамовой, В.Ф. Беркова, М.М. Бахтина, В.С. Библера, И.В. Блауберга, М.И. Вишневого, М.С. Когана, В.Ф. Сержантова и др., посвященные проблемам системного изучения мира, человека и его деятельности), с точки зрения которого процесс личностно-профессионального развития – это самый длительный процесс профессионального становления личности.

Управление процессом саморазвития и самореализации личности органично согласовывается с *вероятностным подходом*, так как развитие осуществляется благодаря сочетанию вероятностного характера с детерминантным фактором – сознательным отбором внешних факторов и соотносением их с собственной информационной программой личности.

С *позиции синергетики* управление процессами саморазвития и самореализации личности заключается в выборе таких воздействий на открытую неравновесную систему, которые бы соответствовали ее внутренним тенденциям развития. Синергетика не принимает метод прямого воздействия на систему, вместе с тем правильно организованные, резонансные воздействия на открытую сложную систему, которой и является управление процессами саморазвития и самореализации, очень эффективны. Резонансные педагогические воздействия подталкивают систему на один из собственных путей ее развития [8]. Синергетический подход дает нам возможность выхода на новые смысложизненные ориентиры, которые можно сформулировать как «самоопределение человека в самоорганизующемся динамическом мире», по-новому посмотреть на управление процессами саморазвития и самореализации личности, оптимально организовать педагогическую поддержку будущего специалиста.

В контексте *культурологического подхода* (В.С. Библер, М.С. Каган, М.К. Мамардашвили, В.М. Розин, И.И. Цыркун, Н.З. Чавчавадзе и др.) эффективное управление процессами саморазвития и самореализации личности, развитие человека в качестве субъекта трудовой и профессиональной деятельности – это процесс усвоения способов и смыслов этой деятельности. Культура предстает как совокупность разнообразных профессиональных достижений людей в материальном и духовном творчестве. Она задает высшие ценности, жизненные смыслы. Усваивая мир культуры, человек создает себя, свой духовный мир. Усвоение подрастающим человеком достижений культуры носит деятельностный характер – личность не пассивна в этом процессе, не приспособляется к условиям своей жизни, а является активным субъектом их преобразования, развивает собственные способности [9].

Конкретно-научный уровень методологии может быть представлен личностно ориентированным (Е.В. Бондаревская, О.С. Газман, В.В. Сериков, И.С. Якиманская) и акмеологическим (Б.Г. Ананьев, О.С. Анисимов, Г.С. Альтшуллер, Н.Ф. Вишнякова, А.Х. Маслоу, К.Р. Роджерс) подходами, концепцией самоуправления Н.М. Пейсахова.

В основе личностно ориентированного подхода признание человека в нестабильном и слабо прогнозируемом мире не до конца познаваемым, учет его индивидуальности, самобытности, самооценности, развитие его не только как коллективного субъекта, но и как индивида, наделенного своим неповторимым «субъектным опытом». Управление процессами саморазвития и самореализации личности предусматривает прежде всего «заказ личности», в зависимости от которого организуется дальнейший процесс профессионализации [10].

Акмеологический подход основную функцию определяет, как обогащение, развитие личности со всеми ее характерными качествами, способностями и ресурсами, формирование веры в возможность и необходимость собственной реализации, понимания смысла жизни [11].

В соответствии с концепцией самоуправления Н.М. Пейсахова самоуправление представлено как целенаправленное изменение поведения, в котором цель ставит сам субъект самоуправления, а структура самоуправления состоит из определенного набора элементов (этапов) [12].

Методический уровень исследования может быть представлен технологией перевода идеальных теоретических установок в практические операции по управлению процессами саморазвития и самореализации личности. На этом уровне используются модели-предписания и технологические карты последовательности реализации методических предписаний, учитывается специфика организации в синергетической и кибернетической фазах процесса личностно-профессионального развития.

Таким образом, в качестве теоретической аргументации концептуальных оснований управления процессами саморазвития и самореализации личности будущего педагога выступают концепция стратегии жизни, учение о стремлении к смыслу жизни, образовательно-педагогическая прогностика, аксиология, концепция самоактуализации, гуманистическая стратегия, культурологический, акмеологический и личностно ориентированный подходы, концепция самоуправления Н.М. Пейсахова, которые соответствуют синергетическим представлениям об открытости, нелинейности и неравновесности самоуправляемой и самоопределяющейся личности как системы.

Литература

1. Васянович, Г. Методологічні контексти педагогічної науки на сучасному етапі розвитку / Г. Васянович // Педагогіка і психологія професійної освіти. – 2013. – № 3. – С. 9–30.
2. Ницше, Ф. Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм [и др.]. – М. : Политиздат, 1989. – 398 с.
3. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 416 с.
4. Франкл, В. Э. Человек в поисках смысла / В. Э. Франкл ; пер. с англ. и нем. ; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1990. – 367 с.
5. Гершунский, Б. С. Дидактическая прогностика = Didactica prognostika: Некоторые актуальные проблемы теории и практики / Б. С. Гершунский, Я. Пруха. – Киев : Вища шк., 1979. – 240 с.
6. Маслоу, А. Х. Психология бытия / А. Х. Маслоу ; отв. ред. С. Н. Ивашенко. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. – 300 с.
7. Фокина, Т. П. Концепция жизни и роль философской теории в ее формировании / Т. П. Фокина // Социальные функции философии. – Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1981. – С. 66–80.
8. Касперович, Г. И. Синергетические концепции управления: курс лекций / Г. И. Касперович. – Минск : Акад. упр. при Президенте РБ, 2005. – 258 с.
9. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин ; под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. – М. : Педагогика, 1989. – 560 с.
10. Якиманская, И. С. Личностно ориентированное обучение в современной школе / И. С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 1996. – 96 с.
11. Рахимов, А. З. Педагогическая акмеология : наука о закономерностях достижения профессиональных вершин / А. З. Рахимов. – Уфа, 1999. – 245 с.
12. Пейсахов, Н. М. Закономерности динамики психических явлений / Н. М. Пейсахов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 235 с.

Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 01.07.2022

УДК 37.091.3:796.015.57:797.21

Оптимизация тренировочных нагрузок высококвалифицированных пловцов в зоне смешанного аэробно-анаэробного воздействия

С.В. МЕЛЬНИКОВ

В статье представлены результаты исследований, на основании которых возможно оптимизировать использование нагрузок смешанного аэробно-анаэробного воздействия в виде двух зон интенсивности. Данное разделение позволяет точно дозировать тренировочную нагрузку, повышая показатели функциональной и физической подготовленности высококвалифицированных пловцов, и, как следствие, способствуя эффективному управлению процессом спортивной тренировки.

Ключевые слова: спортивное плавание, управление, функциональная подготовленность, анаэробные возможности, аэробные возможности, гликолиз, потребление кислорода, эргоспирометрия, педагогическое тестирование.

The article presents the results of studies on the basis of which it is possible to optimize the use of loads of mixed aerobic-anaerobic effects in the form of two intensity zones. This division makes it possible to accurately dose the training load, increasing the functional and physical fitness of highly qualified swimmers, and, as a result, contributing to the effective management of the process of sports training.

Keywords: sports swimming, management, functional readiness, anaerobic abilities, aerobic abilities, glycolysis, oxygen consumption, ergospirometry, pedagogical testing.

Введение. В современном плавании для эффективной реализации соревновательных действий уровень спортивной работоспособности во многом определяется энергетическими возможностями человека – мощностью и емкостью аэробных и анаэробных источников энергообеспечения мышечной деятельности. Установлено, что при выполнении физических упражнений, как правило, задействованы три основные энергетические системы: окислительная, гликолитическая и алактатная, однако вклад вышеуказанных источников энергообеспечения при выполнении различных циклических упражнений неодинаков [1]. В этой связи определение оптимальных двигательных режимов и интенсивности физических нагрузок, а также их соотношения с учетом работы в различных физиологически обоснованных зонах является целью исследований ряда специалистов [2], [3], [4], [5].

Считается, что основоположником распределения физиологической нагрузки по зонам относительной мощности является В.С. Фарфель, выделивший в своих трудах умеренную, большую, субмаксимальную и максимальную зоны, каждая из которых характеризуется своей продолжительностью, физиологическим ответом и временем восстановления после выполненной нагрузки [5]. В дальнейшем многие специалисты использовали данную классификацию в качестве основы тренировочных нагрузок и детализировали ее в своих исследованиях [6], [7].

Так, П. Янсен [3] выделяет 6 зон интенсивности в границах 60–100 % от HR max, предлагая для расчета границ интенсивности тренировочной работы использовать показатель максимальной частоты сердечных сокращений.

В свою очередь, Г.И. Петрович [8] при подготовке высококвалифицированных пловцов предлагает использовать 7 режимов работы (V_1 – V_7), основанных на скорости проплывания контрольных заданий.

Обобщив опыт специалистов зарубежных стран, В.Н. Платонов [9] выделил 6 групп тренировочных упражнений, используемых для повышения различных видов выносливости пловцов в соответствии с механизмами энергообеспечения.

Можно отметить, что в современном плавании в целях оптимизации и строгого дозирования тренировочной нагрузки используется разделение тренировочных и соревновательных нагрузок на 5 зон интенсивности (аэробная восстановительная, аэробная развивающая, смешанная аэробно-анаэробная, анаэробная гликолитическая, анаэробная алактатная), имеющих определенные физиологические границы и педагогические критерии [10].

Однако однозначного подхода к определению границ зон интенсивности среди специалистов нет, также как и нет четкого физиологического обоснования данных зон. В своих трудах Е.И. Ширковцом [11] была предложена методика тестирования, суть которой заключалась в выполнении спортсменами специального плавательного теста с постепенным повышением скорости плавания и измерением концентрации лактата по окончании каждого из повторений. Выполнение данного контрольного задания позволило соотнести зоны интенсивности работы с физиологическим ответом организма пловцов, где в 1 зоне уровень молочной кислоты не превышает 2–3 ммоль/л, во 2 зоне – 4 ммоль/л, в 3 зоне – 4–8 ммоль/л, в 4 зоне – от 8 до 20 ммоль/л, а в 5 зоне лактат, как правило, не достигает высоких значений и может находиться на уровне до 12 ммоль/л. Аналогичная характеристика зон плавательных нагрузок на основании концентрации молочной кислоты приводится и в учебных программах для специализированных учебно-спортивных учреждений и училищ олимпийского резерва по плаванию [12], [13].

Для аэробно-восстановительной, или 1 зоны интенсивности, в которую включаются упражнения малой аэробной мощности при дистанционном потреблении кислорода от 40 до 60 % от $\dot{V}O_2 \max$, характерны невысокая скорость, но длительное время ее выполнения (от 20 минут до 3 часов и более). При HR 110–140 уд/мин и содержании La в крови до 2,5–3 ммоль/л плавательная дистанция составляет 5000–6000 м при равномерном способе плавания; также может использоваться интервальная работа на отрезках от 400 до 1000 м. Работа в данной зоне интенсивности используется в большом объеме во время подготовительного периода (как равномерное дистанционное плавание), а также на всех других этапах подготовки (для восстановления после напряженной мышечной деятельности) [14], [15].

Аэробная развивающая (2 зона) характеризуется как зона анаэробного порога. Предельная продолжительность плавания в данной зоне интенсивности находится в диапазоне до 60 мин при средней продолжительности 10–30 мин (HR 140–160 уд/мин, лактат до 3,5–4,0 ммоль/л). При этом объем плавания у высококвалифицированных спортсменов может значительно различаться, находясь в диапазоне от 300–800 до 1500–3500 м при дистанционном потреблении кислорода 50–80 % от $\dot{V}O_2 \max$ [15], [16].

Следует отметить, что работа на уровне анаэробного порога приводит к развитию общей выносливости путем увеличения аэробной производительности и оптимизации деятельности сердечно-сосудистой системы. Для этой зоны характерны как равномерное дистанционное плавание, так и плавание с переменной скоростью, которая соответствует анаэробному порогу и является одним из важнейших показателей, применяемых в качестве критерия управления тренировкой. Это обусловлено тем, что при превышении скорости анаэробного порога начинается быстрый прирост концентрации лактата в крови и работа начинает приобретать анаэробную направленность воздействия.

3 зона интенсивности представляет собой зону смешанного аэробно-анаэробного воздействия с предельной продолжительностью работы в сериях до 30 минут (при продолжительности выполнения однократных упражнений от 5 до 15 минут). При этом потребление кислорода при выполнении тренировочных заданий от 300 до 1000 м в данной зоне достигает 80–100 % от $\dot{V}O_2 \max$ (HR до 175–180 уд/мин, концентрация лактата в крови от 4,0 до 8,0–9,0 ммоль/л) [14], [15], [16].

4 зона интенсивности – анаэробно-гликолитическая, суммарная продолжительность работы в которой для пловцов высокой квалификации находится в диапазоне до 10 минут (при выполнении однократной работы от 25 до 120 секунд на дистанциях 400–500 м и HR 180–210 уд/мин и более) [16]. Потребление кислорода постепенно снижается от 100 до 80 % от $\dot{V}O_2 \max$, происходит значительное повышение концентрации лактата (до 20 ммоль/л и выше), легочной вентиляции и кислородного долга [15]. В процессе выполнения тренировочной работы в данной зоне стимулируется воспитание силовой выносливости и анаэробных гликолитических возможностей.

5 зона интенсивности – работа анаэробной алактатной направленности, предельная продолжительность которой не превышает 20 секунд (тренировочные отрезки длиной от 10 до 50 м), в результате чего лактат в крови и легочная вентиляция не успевают достигнуть высоких показателей [12], [13], [15]. Основная задача тренировки в 5-й зоне заключается в развитии или поддержании скоростных и скоростно-силовых качеств. Так как нагрузки данной зоны имеют абсолютную интенсивность и невысокую продолжительность, их увеличение в многолетнем аспекте тренировки происходит незначительно [2].

В проведенных ранее исследованиях нами была определена взаимосвязь объема тренировочной работы высококвалифицированных пловцов, выполненной в различных зонах интенсивности, с основными показателями, отражающими функциональное состояние системы внешнего дыхания и газообмена спортсменов, а также с уровнем их физической подготовленности. Было установлено, что объем выполненной работы во 2 зоне интенсивности имеет сильную корреляционную взаимосвязь с показателем HR (AT), а также результатами, показанными в контрольном тесте 2000 м. Объем работы в 3 зоне интенсивности имеет среднюю корреляционную взаимосвязь с показателями VO_2 (AT) и VO_2 max и результатами в тесте 10×100 м. Сильная корреляционная взаимосвязь показателей VCO_2 max, La max и HR max, а также средняя корреляционная взаимосвязь результатов теста 4×50 м была выявлена с объемом выполненной работы в 4 зоне интенсивности. Вместе с тем, объем работы в 5 зоне интенсивности имел среднюю тесноту взаимосвязи с показателями La max и HR max, а также результатами в контрольном тесте 25 м [17], [18].

Стоит отметить, что выявленная нами средняя статистическая взаимосвязь объема выполненной работы в 3 зоне интенсивности с показателями VO_2 (AT) и VO_2 max может объясняться результатами исследований, в которых отдельные специалисты предлагают разделять данную зону на подзоны «а» и «б», характеризующиеся, соответственно, как зона аэробно-анаэробного и анаэробно-аэробного воздействия [11], [13]. Так как, согласно имеющимся данным, в 3а зоне в большей мере происходит преобладание аэробных процессов (когда происходит повышение уровня лактата во время выполнения работы от 4 до 6 ммоль/л), а в 3б зоне активизируется вклад анаэробных гликолитических процессов (вызывающих прирост лактата от 6 до 8 ммоль/л), очевидной является необходимость использования различных тренировочных нагрузок с целью целенаправленного повышения показателей VO_2 (AT) и VO_2 max в отдельности.

Цель исследования заключалась в определении взаимосвязи объема тренировочных нагрузок в зонах аэробно-анаэробного и анаэробно-аэробного воздействия с основными показателями, отражающими функциональную и физическую подготовленность высококвалифицированных пловцов.

Методы и организация исследования. В исследовании, проводимом на базе научно-исследовательской лаборатории олимпийских видов спорта УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», приняли участие 19 высококвалифицированных пловцов, членов национальной команды Республики Беларусь.

Определение объема тренировочной работы, выполненной спортсменами в 3а и 3б зонах интенсивности, проводилось на основании анализа тренировочных планов и дневников спортсменов.

При проведении процедуры эргоспирометрического тестирования, позволяющего регистрировать параметры газообмена и внешнего дыхания при помощи портативного эргоспирометра «Cortex MetaMax 3B» во время выполнения нагрузочной пробы на эргометре, нами изучались основные показатели, отражающие функциональную подготовленность высококвалифицированных спортсменов: частота сердечных сокращений на уровне порога анаэробного обмена (HR (AT), уд/мин), потребление кислорода на уровне порога анаэробного обмена (VO_2 (AT), мл/кг/мин), максимальное потребление кислорода (VO_2 max, мл/кг/мин), максимальное выделение углекислого газа (VCO_2 max, мл/кг/мин), максимальная концентрация лактата (La max, ммоль/л), а также максимальная частота сердечных сокращений (HR max, уд/мин). Забор капиллярной крови с последующим анализом уровня молочной кислоты осуществлялся в процессе проведения нагрузочного тестирования при помощи портативного лактометра Lactate Scout+.

Для исследования специальной физической подготовленности пловцов нами применялись контрольные тесты, выполняемые в плавательном бассейне: 2000 м с интенсивностью 60 % от соревновательной, 4×400 м с интенсивностью 70 % от соревновательной с интервалами 30 с и 6×100 м с интенсивностью 95 % от соревновательной с интервалами 1 мин, 4×50 м с максимальной скоростью и интервалами отдыха 10 с и 25 м с максимальной скоростью.

Определение взаимосвязи показателей объема и интенсивности тренировочных нагрузок с функциональной и физической подготовленностью высококвалифицированных пловцов осуществлялось на основании вычисления коэффициента корреляции Бравэ-Пирсона. С целью выявления тесноты взаимосвязи между исследуемыми показателями нами использовались общепринятые диапазоны значений [19].

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенное нами исследование позволило установить тесноту взаимосвязи основных показателей, характеризующих функциональную подготовленность высококвалифицированных пловцов, с объемом выполненной нагрузки в 3а и 3б зонах интенсивности. Также представилось возможным сопоставить полученные данные с проведенными нами ранее исследованиями корреляционной взаимосвязи функциональных показателей с 3 зоной (смешанного аэробно-анаэробного воздействия), где разделения на подзоны «а» и «б» не проводилось (таблица 1).

Таблица 1 – Взаимосвязь объема тренировочных нагрузок в 3а и 3б зонах интенсивности с показателями, отражающими функциональную подготовленность высококвалифицированных пловцов

	HR (AT)	VO ₂ (AT)	VO ₂ max	VCO ₂ max	La max	HR max
3а зона	0,539	0,706	0,521	0,348	0,156	0,322
3б зона	0,425	0,559	0,713	0,407	0,218	0,371
3 зона*	0,489	0,633	0,612	0,377	0,186	0,346

*ранее выявленная теснота взаимосвязи

Проведенный нами в предыдущих исследованиях [18] анализ корреляционной взаимосвязи позволил определить, что показатели VO₂ (AT) и VO₂ max имели среднюю тесноту взаимосвязи с объемом выполненной работы в 3 зоне смешанного аэробно-анаэробного воздействия ($r = 0,633$ и $r = 0,612$ соответственно). При этом слабая корреляционная взаимосвязь выявлена с показателями HR (AT) ($r = 0,489$), VCO₂ max ($r = 0,377$) и HR max ($r = 0,346$), а с показателем La max выявлена очень слабая взаимосвязь ($r = 0,186$). Мы полагали, что, так как работа в смешанной аэробно-анаэробной зоне интенсивности выполняется в тренировочных заданиях продолжительностью от 5 до 15 минут и приводит к довольно широкому диапазону изменения уровня лактата в крови (от 4 до 8 ммоль/л), то с целью более рационального управления спортивной тренировкой высококвалифицированных пловцов необходимо использовать детализацию тренировочных нагрузок, выполняемых в данной зоне интенсивности, на 2 подзоны, что также косвенно подтверждается исследованиями других авторов [10], [11], [15].

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что объем выполненной тренировочной работы в 3а зоне интенсивности имеет сильную тесноту взаимосвязи с показателем VO₂ (AT) ($r = 0,706$), в то время как с показателями VO₂ max и HR нами была отмечена средняя теснота взаимосвязи (при $r = 0,559$ и $r = 0,539$ соответственно). Слабая статистическая взаимосвязь с исследуемой зоной интенсивности наблюдалась с показателями VCO₂ max ($r = 0,348$) и HR max ($r = 0,322$), а очень слабая теснота взаимосвязи была определена с показателем La max ($r = 0,156$).

При корреляционном анализе взаимосвязи объема тренировочной работы, выполненной в 3б зоне интенсивности, сильная статистическая взаимосвязь была отмечена с показателем VO₂ max ($r = 0,713$), в то время как с величиной VO₂ (AT) теснота взаимосвязи была средней ($r = 0,521$). С остальными рассматриваемыми показателями функциональной подготовленности была выявлена слабая статистическая взаимосвязь: с HR (AT) – $r = 0,425$, VCO₂ max – $r = 0,407$, HR max – $r = 0,371$ и La max – $r = 0,218$.

Полученные данные позволяют утверждать, что нагрузки, выполняемые в смешанной аэробно-анаэробной зоне интенсивности с преобладанием аэробных источников энергообеспечения и вызывающие прирост концентрации молочной кислоты в крови от 4 до 6 ммоль/л (3а зона), в большей степени способствуют приросту показателя VO₂ (AT), характеризующего аэробную емкость организма пловцов. Установлено [20], что величина данного показателя при прохождении дистанции является не менее важным показателем, чем VO₂ max, что свидетельствует о важности широкого использования в тренировочном процессе упражнений, направленных на повышение степени реализации аэробных возможностей высококвалифицированных пловцов.

Поскольку в работах ряда исследователей [3], [15], [21] указывается возможность повышения показателя VO₂ max на 20–30 % и более от исходного уровня, тренировочная работа в смешанной аэробно-анаэробной зоне интенсивности с преобладанием анаэробного гликолиза и вызывающая прирост концентрации лактата в крови от 6 до 8 ммоль/л (3б зона) может успешно применяться с целью повышения величины VO₂ max, отражающего максимальную аэробную мощность организма спортсмена.

В таблице 2 отражена теснота взаимосвязи объема выполненных тренировочных нагрузок в 3а и 3б зонах интенсивности с результатами контрольных тестов, используемых в ходе исследования уровня специальной физической подготовленности высококвалифицированных пловцов.

Таблица 2 – Взаимосвязь объема тренировочных нагрузок в 3а и 3б зонах интенсивности с показателями, характеризующими специальную физическую подготовленность высококвалифицированных пловцов

	2000 м	4 × 400 м	6 × 100 м	4 × 50 м	25 м	10 × 100 м*
3а зона	-0,544	-0,725	-0,559	-0,354	-0,373	–
3б зона	-0,303	-0,567	-0,744	-0,372	-0,421	–
3 зона*	-0,417	-	-	-0,363	-0,411	-0,625

*ранее выявленная теснота взаимосвязи

Выполненный ранее корреляционный анализ результатов, зафиксированных при выполнении высококвалифицированными пловцами контрольного теста 10 × 100 м и объемом работы в 3 зоне интенсивности, показал среднюю отрицательную статистическую взаимосвязь ($r = -0,625$), что может свидетельствовать о возможности применения данного теста с целью оценки аэробной мощности или выносливости в смешанной аэробно-анаэробной зоне энергообеспечения. При этом слабая отрицательная корреляционная взаимосвязь была зафиксирована в контрольных тестах 2000 м ($r = -0,417$), 4 × 50 м ($r = -0,363$) и 25 м ($r = -0,411$) [17]. Однако с учетом деления смешанной аэробно-анаэробной зоны интенсивности на самостоятельные зоны «а» и «б» очевидной является необходимость использования дополнительных контрольных тестов, результаты выполнения которых будут отражать физическую подготовленность пловцов в детализируемых зонах интенсивности.

Так, изучение данных, полученных в ходе проведения корреляционного анализа показателей объема тренировочных нагрузок в изучаемых зонах интенсивности и результатов выполненных контрольных тестов показало наличие сильной отрицательной тесноты взаимосвязи результатов контрольного теста 4 × 400 м с объемом выполненной тренировочной работы в 3а зоне интенсивности (при $r = -0,725$). Средняя отрицательная теснота корреляционной взаимосвязи объема данной зоны была отмечена нами с результатами контрольных тестов 6 × 100 м ($r = -0,559$) и 2000 м ($r = -0,544$), в то время как результаты тестов 4 × 50 м и 25 м имели слабую отрицательную тесноту взаимосвязи с объемом работы в 3а зоне интенсивности ($r = -0,354$ и $r = -0,373$ соответственно).

При корреляционном анализе объема тренировочной работы, выполненной в 3б зоне интенсивности, с результатами контрольно-педагогических тестов, нами была отмечена сильная отрицательная теснота взаимосвязи с тестом 6 × 100 м ($r = -0,744$); средняя отрицательная теснота взаимосвязи – с результатами контрольного теста 4 × 400 м ($r = -0,567$); слабая отрицательная корреляционная взаимосвязь – с результатами контрольных тестов 25 м, 2000 м и 4 × 50 м (при $r = -0,421$, $r = -0,383$ и $r = -0,372$ соответственно).

Таким образом, в ходе проведенных нами исследований установлено, что для осуществления контроля за уровнем тренированности организма пловцов в 3а зоне интенсивности целесообразно использовать контрольный тест 4 × 400 м с интервалом отдыха 30 с и скоростью плавания 70 % от соревновательной (концентрация лактата 4–6 ммоль/л). Контроль за тренированностью в 3б зоне следует осуществлять, используя контрольное тестовое задание 6 × 100 м с интервалом отдыха 1 минута со скоростью 80 % от соревновательной (концентрация лактата – 6–8 ммоль/л).

Заключение. Высокий уровень функциональной подготовленности спортсменов является одним из основных условий достижения высоких спортивных результатов. Поэтому анализ динамики показателей, отражающих функциональную и физическую подготовленность и характеризующих эффективность выполненной тренировочной работы в различных зонах интенсивности, несомненно, будет способствовать более рациональному управлению спортивной подготовкой. Выявление взаимосвязи функциональных показателей, наиболее изменчивых при выполнении тренировочных заданий в 3а и 3б зонах интенсивности, а также определение педагогических тестов, применяемых с целью контроля за уровнем физической

подготовленности высококвалифицированных пловцов в данных зонах энергообеспечения, позволит более рационально управлять спортивной тренировкой, планомерно повышая емкость и мощность аэробной системы энергообеспечения организма спортсменов.

Литература

1. Ширковец, Е. А. Биоэнергетические критерии и тесты работоспособности спортсменов высокой квалификации / Е. А. Ширковец, Е. Д. Митусова, А. Ю. Титлов // Вестник спортивной науки. – 2020. – № 2. – С. 32–35.
2. Гилязова, В. Б. Структура тренировочных нагрузок у пловцов на этапах многолетней подготовки / В. Б. Гилязова // Построение тренировки юных спортсменов ; под общ. ред. В. В. Ивочкина. – М. : ВНИИФК, 1988. – С. 31–36.
3. Янсен, П. ЧСС, лактат и тренировки на выносливость / П. Янсен. – Мурманск : Тулома, 2006. – 160 с.
4. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты / Л. П. Матвеев. – СПб., 2005. – 384 с.
5. Фарфель, В. С. Исследование по физиологии выносливости / В. Л. Фарфель. – М.–Л. : Физкультура и спорт, 1949. – 122 с.
6. Васильев, Г. Ф. Системная функциональная подготовка – путь к личному рекорду спортсмена / Г. Ф. Васильев, Г. И. Савин // Моделирование спортивной деятельности в искусственно созданной среде (стенды, тренажеры, имитаторы). – М., 1999. – С. 265–268.
7. Сонькин, В. Д. Энергетика оздоровительных упражнений / В. Д. Сонькин // Теория и практика физической культуры. – 2001. – № 2. – С. 51–57.
8. Петрович, Г. И. Оценка специальной физической подготовленности пловцов : метод. рекомендации / Г. И. Петрович. – Минск, 1990. – 54 с.
9. Спортивное плавание : путь к успеху : в 2 кн. / В. Н. Платонов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Платонова. – К. : Олимпийская литература, 2012. – Кн. 2. – 544 с.
10. Холодов, Ж. К. Теория и методика физического воспитания и спорта : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2003. – 470 с.
11. Ширковец, Е. А. Управление тренировкой пловцов путем определения зон мощности по лактатной кривой / Е. А. Ширковец // Плавание : сборник. – М., 1988. – С. 79–85.
12. Прилуцкий, П. М. Плавание. Программа для специализированных учебно-спортивных учреждений и училищ олимпийского резерва / П. М. Прилуцкий, Е. И. Иванченко. – Минск, 2008. – 138 с.
13. Плавание : примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва / А. А. Кашкин, О. И. Попов, В. В. Смирнов. – М. : Советский спорт, 2004. – 216 с.
14. Научное обеспечение подготовки пловцов: педагогические и медико-биологические исследования / Т. М. Абсалямов [и др.]. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 191 с.
15. Голубев, Г. Ю. Нормирование тренировочных нагрузок в годичной подготовке высококвалифицированных пловцов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Г. Ю. Голубев ; Всерос. науч.-исслед. инст. физич. культ. и спорта. – М., 2000. – 18 с.
16. Чертов, Н. В. Теория и методика плавания : учебник / Н. В. Чертов. – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2011. – 452 с.
17. Мельников, С. В. Функциональная и физическая подготовленность высококвалифицированных пловцов в аспекте годичного объема тренировочных нагрузок / С. В. Мельников, А. Г. Нарский, И. М. Корниенко // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 5 (128). – С. 37–43.
18. Мельников, С. В. Взаимосвязь показателей объема и интенсивности нагрузок с функциональной подготовленностью высококвалифицированных пловцов / С. В. Мельников, А. Г. Нарский, И. М. Корниенко // Мир спорта. – 2021. – № 1 (82). – С. 45–48.
19. Старчанка, У. М. Спартыўная метралогія : падручнік / У. М. Старчанка. – Мінск, 2021. – 368 с.
20. Булгакова, Н. Ж. Срочный тренировочный эффект и систематизация специальных тренировочных упражнений в зависимости от уровня развития аэробных и анаэробных возможностей пловцов высокого класса / Н. Ж. Булгакова, В. Р. Соломатин, А. Журавик // Теория и практика физической культуры. – 1996. – № 1. – С. 37–39.
21. Михайлов, С. С. Биохимия мышечной деятельности: учебник для вузов и колледжей физической культуры / С. С. Михайлов. – М. : Спорт, 2016. – 296 с.

УДК 37.018.43:004:378.4(510)

Практика применения массовых открытых онлайн-курсов (МООК) в учреждениях высшего образования Китая

СУНЬ СЯО

Статья посвящена изучению практики применения открытых онлайн-курсов в учреждениях высшего образования КНР. С наступлением эпохи «экономики знаний» и развитием интернет-технологий методы онлайн-обучения постепенно осваиваются всеми участниками образовательного процесса. Благодаря удобной инфраструктуре Интернета и его доступности, онлайн-обучение воспринимается большинством учащихся как эффективная альтернатива традиционному образовательному процессу.
Ключевые слова: онлайн-курс, учебное взаимодействие, открытый курс, рефлексия преподавания.

The article is devoted to the study of the practice of using open online courses in institutions of higher education in China. With the advent of the era of the «knowledge economy» and the development of Internet technologies, online learning methods are gradually being mastered by all participants in the educational process. Due to the convenient infrastructure of the Internet and its availability, online learning is perceived by most students as an effective alternative to the traditional educational process.

Keywords: online course, learning interaction, open course, teaching reflection.

Массовые открытые онлайн-курсы, известные также, как МООК, (Massive Open Online Courses, MOOC), являются электронными образовательными комплексами для широких масс, где учебные процессы проводятся исключительно в онлайн-режиме. МООК – это новейшая разработка в области дистанционного образования, созданная с помощью открытых образовательных ресурсов. С точки зрения методики организации процесса обучения, МООК напоминают традиционную университетскую систему, а успешное прохождение выбранного курса может подтверждаться сертификатом. Однако МООК имеют три отличительные особенности:

1. открытый доступ (Open access): участие не предполагает обязательную регистрацию и оплату, а доступ к лицензируемым ресурсам является свободным;
2. масштабность (Scalability): возможность обучения неограниченного числа участников;
3. интерактивность (Interaction): учащиеся могут взаимодействовать друг с другом и участвовать в обсуждениях на форумах, стимулируя таким образом свой интерес к обучению.

Появления МООК в Китае в 2013 г. стало причиной огромных изменений, произошедших и в организации процесса обучения в вузах, и в методике преподавания дисциплин. Глубокая интеграция информационных технологий в сферу образования открыла широкие возможности для инновационных процессов и совершенствовании методов преподавания в системе высшего образования Китая. В 2015 г. было издано «Заключение Министерства образования об укреплении прикладного и управленческого подхода к созданию открытых онлайн-курсов в высших учебных заведениях», в котором содержались руководящие указания по созданию и организации МООС в высших учебных заведениях Китая. В результате было создано и внедрено в образовательный процесс более 1800 национальных высококачественных открытых онлайн-курсов в период с 2017 по 2019 гг. Согласно неполным статистическим данным, число массовых открытых онлайн-курсов в Китае достигло 32 тысяч, число обучающихся на них достигло 490 миллионов, а число студентов, получивших сертификаты МООК, достигло 140 миллионов.

В то же время Китай изучает новые возможности применения МООК в колледжах и университетах и создает новые формы открытых онлайн-курсов такие, как МООК, SPOC (англ. Small Private Online Course), МООК+SPOC, гибридное обучение онлайн / оффлайн и совместное обучение 1+M+N.

На Всемирном конгрессе МООК в 2020 г. было заявлено, что китайские МООК являются крупнейшими в мире по количеству слушателей и масштабам применения. В весеннем семестре 2020 г., проходившем в условиях карантина из-за вируса COVID-19, китайские МООК сыграли огромную роль в организации и проведении онлайн-обучения, обеспечив мощную поддержку образовательной деятельности в тысячах университетов.

Запуск китайской платформы МООК начался с функционирования «онлайн школы» («Xue Tang Online») в октябре 2013 г. при университете Цинхуа, а в марте 2014 г. Пекинский университет открыл «Северный большой класс» («Beida Classroom (MOOC & SPOCS)»), впоследствии к МООС присоединились многие университеты. Например, Фуданьский университет, Шанхайский университет транспорта, Гонконгский университет и т. д. также подписали контракт с международными платформами МООС для запуска онлайн-курсов. Университет Фудань разработал собственную «Платформу МООК Фуданьского университета», Шанхайский университет Цзяо Тун создал «Хороший университет онлайн» и так далее. Основное количество китайских пользователей МООС сосредоточено в городах первого уровня (мегаполисах) и в развитых в образовательном отношении провинциях, среди которых выделяется провинция Гуандун. Высокий спрос на курсы МООС в провинциях Чжэцзян, Шаньдун и Хубэй.

По состоянию на август 2016 г. на единой китайской платформе МООК (Chinese University MOOC Platform) насчитывалось 1402 различных по содержанию курсов, которые включали в себя 559 инженерно-технических курсов, 190 курсов по литературе и искусству, 80 курсов по философии и истории, 124 курса по экономике, управлению и праву, 671 курс по фундаментальным наукам, 88 курсов по сельскому, лесному хозяйству и медицине и 31 курс для довузовской подготовки. Необходимо отметить, что на платформе «Xuedang Online» университета Цинхуа насчитывается 1148 курсов с более широким содержанием предлагаемых курсов, однако в количественном отношении данная платформа уступает Chinese University MOOC и является базовой.

В единую китайскую платформу МООК Сычуаньская консерватория загрузила 19 курсов с участием 62 преподавателей. Рассмотрим предлагаемую структуру учебных курсов на примере дисциплины «Основы песенной формы». В настоящее время данный курс состоит из 25 уроков, каждый урок имеет четыре части: вводная часть, сам урок, оценка и обсуждение. Каждая часть состоит из нескольких разделов с четкими названиями, а продолжительность каждого раздела варьируется от 5 до 10 минут. В основной части преподаватель представляет содержание занятия, показывая презентацию и объясняя текстовые и аудиоматериалы. Раздел «Оценка» – это тест и домашнее задание, предназначенное для выполнения учащимися после занятия, оценка выставляется дважды, а наивысшим баллом считается «десять». Дискуссионная часть, в свою очередь, разделена на зону комплексного обсуждения, зону ответов преподавателей на вопросы и зону обмена мнениями между участниками курса с общим количеством 1857 человек. В настоящее время курс «Основы песенной формы» проходит пятую открытую сессию, в которой приняли участие в общей сложности 1262 человека. Главная страница состоит из трех разделов: введение в курс, план курса и оценка студентов. Когда студенты записываются на курс, они могут следовать установленной преподавателем последовательности обучения и внеурочного обсуждения. Продолжительность каждого занятия варьируется от 10 до 20 минут, а в конце каждого занятия преподаватель дает 5–10 тем для обсуждения в зоне общения между участниками, и учащиеся свободно их обсуждают.

Нанкинская академия искусств загрузила в единую китайскую платформу МООК в общей сложности 30 курсов, в которых приняли участие 126 преподавателей (в основном опытные доценты и профессора). Курсы включают в себя танцевальные, вокальные и инструментальные курсы.

Курс с наибольшим количеством студентов на данный момент – это «Введение в этномузыкологию» (2299 участника). Профессор представил четкое и интересное введение к курсу, которое завершается утверждением: «Этномузыкология фокусируется не на расширении знаний об этномузыке, а на развитии умения видеть и понимать всю музыку в мире» [1, с. 15]. В программе курса значительное место занял практический компонент, что повысило интерес студентов, по окончании курса многие из участников дали очень хорошие комментарии такие как «содержание детализировано, четко структурировано, практико-ориентированно». Студенты также спрашивали, будет ли продолжение курса, и в целом результаты от курса были очень хорошими.

Согласно статистике в 2020 г. в Китае сформировались две основные категории музыкальных курсов МООС, а именно: курсы базовой теории музыки и курсы по получению профессиональных навыков. Общее количество музыкальных курсов МООС составило 32, из которых 21 – теоретические курсы, что составляет 66 % от общего числа музыкальных курсов МООС и, соответственно, 34 % составляют практические курсы. Из этого следует, что курсов по развитию музыкальных навыков значительно меньше по сравнению с теоретиче-

скими курсами. Причина этого заключается в том, что в традиционной педагогической деятельности курсы по обучению и развитию исполнительских навыков основываются на тесном взаимодействии студента и преподавателя. Эффективность таких курсов определяется своевременной коррекцией ошибок и неточностей. Преподавание же теоретических курсов в онлайн-режиме мало чем отличается от традиционных аудиторных форм [1, с. 15].

Наличие соответствующих статистических данных свидетельствует о том, что автономность, разнообразие и интерактивность MOOK оказывают значительное положительное влияние на заинтересованность учащихся в эффективности обучения, что вдохновляет студентов проявлять инициативу и активно участвовать в учебной деятельности. Разнообразие MOOK заключается не только в тематическом отношении, но и в отсутствии ограничений в доступе по регионам и часовым поясам, а также в возможности выбора широкого спектра образовательных подходов и стилей обучения и т. д. Платформы MOOK способны удовлетворить различные потребности, цели и предпочтения учащихся, могут обеспечить учащихся разнообразными учебными ресурсами и оказывают им содействие и поддержку на протяжении всего процесса обучения.

Интерактивность MOOK в основном проявляется в общении между обучающимися и во взаимодействии между учащимися и преподавателями. Цель подобного взаимодействия заключается в обмене возникающими вопросами и проблемами. Совместное использование ресурсов не только стимулирует распространение знаний, но и является источником вдохновения для их создания [2, с. 107].

Необходимо отметить, что в онлайн-преподавании наметился ряд проблем. Так, в настоящее время единая китайская платформа MOOK состоит в основном из базовых курсов, способных удовлетворить потребность учащихся в знаниях на начальном уровне, а для более подготовленных студентов трудно подобрать инновационные курсы с углубленным содержанием. Движущая сила обучения в MOOK – это интерес, поэтому необходимо разрабатывать программы непрерывного обучения. Ещё одна проблема связана с тем, что некоторые студенты не могут завершить полное обучение на одном курсе, а отсутствие мотивации к обучению приводит к неудовлетворительным результатам.

На основе единой китайской платформы MOOK было проведено исследование состояния учебной коммуникации и взаимодействия в ряде национальных открытых онлайн-курсов. В результате было установлено, что общий объем учебного общения и взаимодействия был значительным, но крайне неравномерным, что отражает отсутствие общения и взаимодействия между преподавателями и студентами. Со стороны преподавателя данная проблема проявляется в несвоевременной обратной связи, в нечетком изложении целей обучения и необоснованных критериях оценки. А студенты слабо осознают важность коммуникативного взаимодействия и недостаточно участвуют в процессе обучения [3, с. 7].

Некоторые учащиеся считают, что модели обучения MOOK не хватает инноваций на педагогическом уровне. До сих пор большинство курсов используют устаревшие педагогические методы, полагаясь в основном на передачу информации, компьютерное тестирование и взаимную оценку студентов. Данные методы могут быть весьма результативными для определенных видов обучения, но вряд ли научат студентов овладеть критическим мышлением, креативностью, коммуникацией и умением работать в команде. Данные навыки являются наиболее востребованными в современном обществе, основанном на знаниях [4, с. 3].

Рассел-Пулин, американский исследователь в области высшего образования, писал: «На доктринальном уровне сертификаты (дипломы) являются ядром высшего образования, и именно в этом направлении идет развитие MOOKов». В условиях фрагментации учебного процесса и диверсификации учебных платформ, а также объективного формирования рынка высшего образования внедрение взаимного признания дипломов является неизбежной тенденцией для мотивации индивидуального обучения и содействия оптимальному распределению образовательных ресурсов. В Китае практическое изучение взаимного признания дипломов консорциумом УООС, созданным Шэньчжэньским университетом, послужило непосредственным опытом для других высших учебных заведений [5, с. 40].

Для того, чтобы лучше использовать возможности MOOK, мы предлагаем следующие стратегии. Во-первых, необходимо создать систему дифференциации ресурсов курсов, с помощью которой платформа MOOK сможет сортировать курсы с похожим содержанием и

разделять их по уровням сложности, направляя выбор учащихся в соответствии с их когнитивным уровнем. Таким образом будет реализовано многоуровневое обучение, адаптированное к потребностям учащихся, это обеспечит получение качественного образования, которое позволит стимулировать и поддерживать мотивацию к обучению на разных уровнях.

Учебным заведениям можно рекомендовать организовать проведение тестов до начала первых занятий, чтобы оценить текущий уровень знаний учащихся, а затем предлагать подходящие курсы и планировать способы обучения. В преподавании МООК преподавателям следует активно изучать контекстно-ориентированное, проблемно-ориентированное преподавание в цифровой среде в соответствии с различным содержанием и целями обучения, например, знакомить учащихся с ситуациями, близкими к их повседневной жизни, использовать методы обучения, ориентированные на решение практических задач, представлять курс в форме вопросов, рассматривать, анализировать и обсуждать кейсы с учащимися для построения содержания курса.

Кроме того, разработчики МООК могут создавать интерактивные тесты, чтобы инициировать у учащихся деятельность по самоконтролю. А настройка модели «основной преподаватель + ассистент преподавателя» может помочь решить проблемы, связанные с различиями в уровне освоения материала студентами. Исходя из практической деятельности МООК-платформ в Китае и за рубежом, можно утверждать, что работа по поддержке процесса обучения может выполняться как цифровыми помощниками, так и реальными ассистентами. Первые обеспечивают коррекцию домашнего задания и интеллектуальную оценку учащихся, а вторые помогают учащимся получить ответы на возникающие вопросы через Интернет, обеспечивая эффективные услуги по поддержке обучения в течение всего процесса. С помощью такого сочетания человеческого участия и компьютерного оборудования учащиеся могут получать своевременную обратную связь и оценку [6, с. 166].

Бесспорно, что все явления и процессы имеют две стороны, и МООК не являются исключением. Тенденция развития МООК не заменит традиционную университетскую модель обучения, но неизбежно приведет к гибридной модели обучения, то есть к сочетанию онлайн и офлайн обучения. Как отметила Сьюзан Хокфилд, президент Массачусетского технологического института, «среда кампуса предоставляет возможности и опыт, которые не могут быть повторены онлайн-образованием, и это означает, что МООК призваны улучшить, а не заменить опыт кампуса. Интеграция онлайн- и офлайн-образования станет доминирующей тенденцией» [6].

Влияние МООК в китайском высшем образовании становится все более масштабным, и все большее количество университетов участвуют в этой практике трансформации образования. Одни университеты используют МООК в качестве дополнительного средства обучения в высших учебных заведениях, другие – в качестве источника дополнительного образования для всех желающих в обществе. Мы надеемся, что разумное применение возможностей МООК в конечном итоге принесёт пользу всему человечеству.

Литература

1. Qian, L. Research on the optimization strategy of music MOOC education in Chinese / L. Qian. – Jiangxi Science and Technology Normal University, 2020. – P. 56.
2. Jiali, P. A study on MOOC design. Learners engagement and learning performance / P. Jiali. – Zhe Jiang University Press, 2015. – P. 129.
3. Jing, Z. Study on learning interaction of MOOC courses in China / Z. Jing // Open Education Research. – 2021. – Vol. 27 (№ 5). – P. 8.
4. Di, G. Sober thoughts on popular MOOCs / G. Di // Journal of Distance Education. – 2014. – № 4. – P. 27.
5. Ying, A. The status problems and countermeasures of MOOC development in Chinese Universities / A. Ying // Higher Education Exploration. – 2015. – № 9. – P. 41.
6. Yichi, Z. An analysis of differences in student participation in MOOCs in Chinese Universities / Z. Yichi // China educational technology equipment – 2022. – № 5. – P. 177.

Право

УДК 349.3:347.71(476)

О правовом моделировании социального предпринимательства в Республике Беларусь в контексте мировых практик

В.А. БРИЛЁВА

Статья посвящена правовому моделированию института социального предпринимательства в Республике Беларусь в контексте мировых практик деятельности социальных предприятий и их правового регулирования. Методологию исследования составляют всеобщие диалектический и метафизический, общенаучные и частные методы познания, в том числе историко-сравнительный, компаративистский, методы системного анализа и толкования. В результате исследования правового регулирования института социального предпринимательства в Италии, Португалии, Испании, Бельгии, Франции, Финляндии, Великобритании, Польше, Российской Федерации автором выделены характерные черты европейской модели института социального предпринимательства. На основании анализа европейского опыта развития института социального предпринимательства автор формулирует ряд выводов. Исследование направлено на обеспечение эффективного правового моделирования социального предпринимательства в Беларуси, выявление проблемных вопросов и определение направлений их решения, опираясь на зарубежный опыт.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, социальный кооператив, кооператив социальной инициативы, европейская модель, американская модель, меры поддержки.

The article focuses on legal modeling of the social entrepreneurship institute in the Republic of Belarus in the context of world practices of social enterprises and their legal regulation. General dialectical and metaphysical, general scientific and private methods of knowledge, including historical-comparative, comparative, system analysis and interpretation methods constitute the methodology of the research. As a result of the study of the legal regulation of the institute of social entrepreneurship in Italy, Portugal, Spain, Belgium, France, Finland, Great Britain, Poland and the Russian Federation the author has identified the characteristic features of the European model of the institute of social entrepreneurship. Based on the analysis of the European experience in the development of the institute of social entrepreneurship, the author formulates a number of conclusions. The research is aimed at providing an effective legal model of social entrepreneurship in Belarus, identifying the problematic issues and defining the directions of their solution, based on the foreign experience.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, social cooperative, social initiative cooperative, European model, American model, support measures.

Введение. Институт социального предпринимательства представляет научный интерес для белорусских и зарубежных исследователей. В Республике Беларусь следует отметить наличие доктрин, касающихся видов деятельности социальных предприятий в Беларуси, источников доходов, препятствий на пути их деятельности (М.А. Подберезкин, О.Н. Ерофеева [1]); социальных и экономических факторов, обуславливающих становление и развитие социального предпринимательства (Е.В. Ванкевич, К.И. Краенкова [2], [3]); концептуальных основ социального предпринимательства: дефиниции, роли как элемента гражданского общества, типологии (В.А. Брилёва [4], [5]); эффективных практик в контексте социального предпринимательства (Ю.Н. Макейчик [6]). Несмотря на создание в 2017 г. министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь межведомственной рабочей группы для разработки концепции социального предпринимательства, в государстве концепция института социального предпринимательства находится на стадии формирования. Отсутствует комплексный нормативный правовой акт.

При осуществлении правового моделирования, то есть в процессе формирования идеологии белорусского закона о социальном предпринимательстве следует опираться на доктрины и правовое регулирование института социального предпринимательства в зарубежных странах.

Цель исследования состоит в комплексном изучении, научном анализе национальной правовой системы Италии, Португалии, Испании, Бельгии, Франции, Финляндии, Великобритании, Польши, Российской Федерации в контексте регламентации института социального предпринимательства, правоприменительной практики.

Гипотеза исследования: зарубежный опыт правового регулирования института социального предпринимательства обуславливает эффективность правового моделирования социального предпринимательства в Беларуси.

Постановка цели обусловила следующие задачи исследования:

1. Рассмотреть национальную правовую базу Италии, Португалии, Испании, Бельгии, Франции, Финляндии, Великобритании, Польши, Российской Федерации в контексте правового регулирования социального предпринимательства.

2. Проанализировать характерные черты европейской модели института социального предпринимательства, отличия от американской модели.

Цель исследования предопределяет использование следующих методов: историко-сравнительного, сравнительно-правового, системного анализа, толкования.

Историко-сравнительный метод обеспечил сопоставление политико-правового положения социального предпринимательства в Италии, Португалии, Испании, Бельгии, Франции, Финляндии, Великобритании, Польше, Российской Федерации как во времени (в определенный исторический период), так и в пространстве.

Сравнительно-правовой метод использовался для выяснения общего и особенного в правовом положении социального предприятия в разных странах со схожими политико-правовыми условиями.

Рассмотрение форм деятельности социальных предприятий в рамках европейской и американской моделей в направлении взаимодействия с социальными и политическими институтами обусловлено использованием метода системного анализа.

Метод толкования обеспечил возможность выявления воли законодателя в процессе анализа правового регулирования общественных отношений в сфере социального предпринимательства в зарубежных странах.

Основная часть. Европейский опыт правовой регламентации социального предпринимательства берет свое начало в Италии.

Италия. Исторически социальная кооперация в Италии трансформировалась из банковских учреждений монахов-францисканцев, которые не признавали ростовщичество. Основной формой деятельности таких учреждений было предоставление займов по низким процентным ставкам гражданам, имевшим низкий уровень дохода. Согласно Конституции Италии 1947 г. «Республика признает социальную функцию кооперации, основанной на взаимопомощи и не преследующей целей частной спекуляции. Закон содействует развитию кооперации, поощряет ее необходимыми средствами и обеспечивает путем надлежащего контроля характер и цели кооперации» [7, ст. 45]. Конституционные нормы получили свое дальнейшее развитие в Законе о социальной кооперации 1991 г. № 381 и Законе о социальном предпринимательстве 2006 г. № 155. Итальянский закон 1991 г. № 381 урегулировал две формы социального предпринимательства: социальные услуги (уход за пожилыми людьми, оказание медицинской помощи, образовательные услуги) и социальная деятельность, в фокусе которой находится реализация трудового потенциала социально уязвимых лиц. Удельная доля физически, умственно неполноценных, трудоспособных пациентов психиатрических клиник, лиц с наркотической, алкогольной зависимостью, несовершеннолетних трудоспособного возраста – минимум 30 % от общей численности работников [8].

Закон Италии о социальном предпринимательстве 2006 г. № 155 закрепил прогрессивное положение, признающее социальное предпринимательство новой юридической интеграционной категорией, в которую могут быть включены любые субъекты хозяйствования, отвечающие двум требованиям: частная форма собственности предприятия и осуществление предпринимательской деятельности в направлении реализации социальных задач общества, а не с целью получения прибыли [9].

Португалия. Общественные отношения в сфере социального предпринимательства в Португалии урегулированы Указом 1974 г. № 441-А/82, Указом 1998 г. № 323/81, Законом от 15 января 1998 г. № 7/98. Первоначально в фокусе социальной направленности предприни-

материнства находились родители детей с инвалидностью. Дальнейшее развитие правового регулирования социального предпринимательства обусловило обеспечение прав таких социально уязвимых категорий населения, как дети, молодежь, португальские эмигранты, престарелые люди, безработные в направлении образования, реализации трудового потенциала. Португальское законодательство в сфере социального предпринимательства предусматривает ограничения в распределении прибыли.

Испания. Закон Испании 1999 г. № 27 определил в 12 автономных регионах правовое положение кооперативов социальной интеграции, деятельность которых направлена на образовательные, социальные, медицинские услуги. Кроме социальной направленности услуг, оказываемых кооперативами социальной интеграции, закон регламентирует, что целью деятельности кооператива является реализация трудового потенциала социально уязвимых категорий населения, а не получение прибыли [10, с. 220].

Франция. Закон, одобренный 28 июня 2001 г. Национальным собранием Франции, закрепил новую форму социального предпринимательства – социальные кооперативы общего интереса, которым предоставлена возможность заниматься предпринимательской деятельностью, пользоваться государственным финансированием, спонсорской помощью. Французский законодатель предусмотрел три категории членов кооперативов: работники, пользователи, волонтеры.

Бельгия. Основной формой социального предпринимательства Бельгии выступают компании социального назначения, имеющие социальную цель деятельности и получившие правовое положение на основании закона 1995 г. Например, критерием отнесения к социальному предприятию является деятельность, направленная на реализацию трудового потенциала людей с инвалидностью или психическими расстройствами. Субъект хозяйствования любой организационно-правовой формы может получить статус компании социального назначения при условии превалировании социальных целей деятельности над коммерческими [10, с. 223].

Великобритания. В соответствии с законодательством Великобритании, коммерческие и некоммерческие организации, которые трансформируют свою прибыль и активы в общественно значимые сферы (социальное жилье, уход за детьми, общественный транспорт или отдых), могут действовать в форме компаний с общественными интересами. Закон не устанавливает ограничений в контексте сферы экономической деятельности, не предусматривает налоговые льготы, в тоже время возможно частичное перераспределение прибыли компании с общественными интересами. Такие компании обладают правом выпуска акций, что обеспечивает привлечение денежных средств в интересах деятельности компании, а также возможность поддержки местными жителями местных предприятий.

Финляндия. С целью реализации трудового потенциала людей с инвалидностью, обеспечения рабочими местами лиц, которые не могли трудоустроиться в течение длительного периода времени, в 2004 г. в Финляндии был принят закон о социальном предпринимательстве. Национальный правовой акт установил для субъектов хозяйствования в качестве требования отнесения к социальным предприятиям наличие в штате предприятия не менее 30 % работников с инвалидностью или длительно безработных. При этом законодатель не устанавливает условия ограниченного распределения прибыли.

Польша. Организационные основы социального предпринимательства закреплены польским Законом 2006 г. № 94 о социальных кооперативах [11]. В результате правового регулирования получили нормативное закрепление предмет, цель социального предпринимательства, дефиниции «социальной интеграции» и «профессиональной интеграции» [11, ст. 2]. Определены условия отнесения к социальному кооперативу, закреплена возможность осуществления волонтерами деятельности для социального кооператива [11].

Россия. Федеральный закон 2019 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 245-ФЗ предусматривает комплексное регулирование института социального предпринимательства начиная от определения социального предприятия и социального предпринимательства (ст. 3), заканчивая критериями отнесения к социальному предприятию и мерами их поддержки (ст. 24¹) [12].

Заключение. В результате проведенного анализа европейского опыта развития института социального предпринимательства представляются целесообразными следующие выводы:

1) в исследуемых практиках социальных предприятий европейских стран создана нормативно-правовая база обеспечения деятельности социального предпринимательства в результате длительного исторического процесса функционирования исследуемого института социального предпринимательства;

2) исходя из дефиниций социального предпринимательства в различных странах можно отметить, что в фокусе последнего находится защита прав социально незащищенных категорий населения, выполнение социальных задач и решение экологических проблем. При этом в некоторых странах превалирует одно из направлений (например, Португалия, Бельгия), в других посредством социального предпринимательства обеспечивается несколько (например, Италия, Испания, Россия, Польша);

3) исследуемые страны закрепляют широкий спектр лиц, относящихся к категории социально уязвимых лиц и подпадающих по действие института социального предпринимательства, например, трудоспособные пациенты психиатрических клиник, лица с алкогольной, наркотической зависимостью, несовершеннолетние трудоспособного возраста, эмигранты, престарелые люди и другие;

4) некоторые страны распространяют действие законодательства о социальном предпринимательстве только на некоммерческие социальные предприятия (например, Польша), частную форму собственности (например, Италия), другие – не предусматривают такого требования (например, Великобритания, Финляндия);

5) в качестве основных мер поддержки социального предпринимательства следует выделить государственные субсидии, направленные на организацию социального бизнеса; компенсацию государством 50 % расходов на выплату заработной платы социальным предприятиям, использующим труд социально уязвимых категорий населения; налоговые преференции; оказание имущественного, информационного, методического, консультативного содействия; профессиональное обучение, упрощенную процедуру регистрации, освобождение от оплаты государственной пошлины; выпуск акции с целью привлечения финансирования и другие;

6) правовое закрепление в законодательстве ряда стран ограничений применительно к распределению прибыли (например, в Италии, Бельгии, Великобритании, Португалии);

7) в фокусе европейской модели социального предпринимательства не находится формирование прибыли.

Социальный кооператив стал первой организационно-правовой формой института социального предпринимательства в Европе и имеет отличительные черты от американской модели социального предпринимательства. Характерная особенность американской модели заключается в том, что источником финансовых вливаний выступает не государство, а развитая система частных фондов [4]. В европейской модели социального предпринимательства основным источником финансирования социальных предприятий выступает государственное бюджетное финансирование в русле социальной направленности государства. В фокусе европейской модели находится достижение социальных благ. В отличие от европейской модели социального предпринимательства, американская модель не имеет ограничений в получении и распределении прибыли. В контексте идеологии закона Республики Беларусь о социальном предпринимательстве целесообразно правовое регулирование двуканальной системы поддержки социальных предприятий: государство и негосударственные фонды.

Литература

1. Результаты исследования социального предпринимательства в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://by.odb-office.eu/files/social_enterprises_in_belarus_ru.pdf. – Дата доступа : 25.05.2022.
2. Ванкевич, Е. В. Предпосылки и факторы развития социального предпринимательства в Республике Беларусь / К. И. Краенкова, Е. В. Ванкевич // Вестник Витебского гос. технологич. ун-та. – 2018. – № 1 (34). – С. 164–178.
3. Ванкевич, Е. В. Социальное предпринимательство: социально-экономическая основа и направления развития в Республике Беларусь / К. И. Краенкова, Е. В. Ванкевич // Бел. экон. журнал. – 2020. – № 4. – С. 52–65.

4. Брилёва, В. А. Виды (типы) института социального предпринимательства как элемент гражданского общества / В. А. Брилёва // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2021. – № 13. – С. 104–107.
5. Брилёва, В. А. Теоретические основы института социального предпринимательства в Республике Беларусь / В. А. Брилёва // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2022. – № 2 (131). – С. 66–72.
6. Макейчик, Ю. Н. Практические аспекты социального предпринимательства в Беларуси : пособие / Ю. Н. Макейчик. – Минск : Капитал Принт, 2018. – 226 с.
7. Конституция Республики Италия 1947 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf>. – Дата доступа : 25.04.2022.
8. О Социальных кооперативах [Электронный ресурс] : Закон Республики Италия, 8 ноября 1991, № 381. – Режим доступа : https://it.wikisource.org/wiki/L._8_novembre_1991_n._381_-_Disciplina_delle_cooperative_sociali. – Дата доступа : 25.04.2022.
9. Wilda, M. Vanek. Italian Social Cooperatives [Electronic resource] / M. Vanek Wilda. – Access mode : http://www.caledonia.org.uk/papers/Italian_Social_Cooperatives.doc. – Access date : 25.04.2022.
10. Galera, G. Social enterprise : an international overview of its conceptual evolution and legal implementation / G. Galera, C. Borzaga // Social Enterprise Journal. – 2009. – November. – P. 210–228.
11. О социальных кооперативах [Электронный ресурс] : Закон Польши, 27 апреля 2006 г., № 94. – Режим доступа : <https://soccoop-by.info/assets/downloads/1.pdf>. – Дата доступа : 23.05.2022.
12. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 26.07.2019, № 245-ФЗ. – Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907260077?index=0&rangeSize=1>. – Дата доступа : 27.06.2022.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 28.06.2022

Проблемы и перспективы развития форм прямого народовластия в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ

В.В. ГОНЧАРОВ

Настоящая статья посвящена конституционно-правовому анализу проблем и перспектив развития прямых форм народовластия в Российской Федерации. Во введении определены объект и предмет, а также цель и задачи исследования. В основной части статьи обоснованы роль и значение конституционного принципа народовластия в Российской Федерации как базового условия сохранения и развития российской государственности и многонационального народа России; проведен анализ и даны авторские определения понятиям «народовластие», «прямые формы народовластия», «опосредованные формы народовластия»; дана классификация прямых форм народовластия в мире и в Российской Федерации; исследованы этапы развития прямых форм народовластия в России; выявлены основные проблемы развития прямых форм народовластия в России. В заключении работы сформулирована и обоснована система предложений по разрешению основных проблем развития прямых форм народовластия в Российской Федерации в целях обеспечения перспектив их развития. В статье использован ряд методов научного исследования, в частности, анализ, синтез, классификация, формально-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой и т. д.

Ключевые слова: проблемы, перспективы, развитие, формы, прямое народовластие, Российская Федерация, конституционно-правовой анализ, референдум, выборы, общественный контроль.

This article is devoted to the constitutional and legal analysis of the problems and prospects for the development of direct forms of democracy in the Russian Federation. The introduction defines the object and subject, as well as the purpose and objectives of the study. In the main part of the article the role and significance of the constitutional principle of democracy in the Russian Federation as a basic condition for the preservation and development of Russian statehood and the multinational people of Russia are substantiated. The author analyzes and defines the concepts of «democracy», «direct forms of democracy», «indirect forms of democracy». The classification of direct forms of democracy in the world and in the Russian Federation is given. The stages of development of direct forms of democracy in Russia are investigated. The main problems of development of direct forms of democracy in Russia are identified. In the conclusion of the work, a system of proposals for solving the main problems of the development of direct forms of democracy in the Russian Federation in order to ensure the prospects for their development is formulated and substantiated. The article uses a number of methods of scientific research, in particular, analysis, synthesis, classification, formal-logical, comparative-legal, historical-legal methods, etc.

Keywords: problems, prospects, development, forms, direct democracy, Russian Federation, constitutional and legal analysis, referendum, elections, public control.

Введение. Настоящая статья посвящена конституционно-правовому анализу проблем и перспектив развития прямых форм народовластия в Российской Федерации.

Вопросы конституционного закрепления и реализации принципа народовластия в Российской Федерации широко исследованы в работах Н.М. Чепурновой [1, с. 55–62] В.А. Лебедева [2, с. 3–6] А.Ф. Малого [3, с. 21–31] Н.В. Селихова [4, с. 63–71] С.А. Авакьяна [5, с. 4–13], В.Е. Чиркина [6, с. 13–27] В.В. Гриба [7, с. 3–13], Л.И. Ковалевой [8, с. 72–75], а также ряда иных авторов. Однако усложнение современной международной политической обстановки, угрозы возникновения условий для развязывания странами Запада новой мировой войны диктуют необходимость поэтапного укрепления, с одной стороны, механизма публичной власти, а с другой стороны, демократических начал в организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Ведь без повышения легитимности аппарата публичной власти в глазах избирателей невозможно аккумулятивное усилие общества и государства в обеспечении сохранения и развития российской государственности и многонационального народа Российской Федерации. В связи с этим конституционно-правовой анализ основных проблем и перспектив развития форм прямой демократии в России представляет особый научный и практический интерес и значимость.

Основная часть. Последнее десятилетие мировой истории охарактеризовалось ростом геополитических конфликтов, глобальными пандемиями, экономическим кризисом и рядом

иных глобальных социально-политических и экономических катаклизмов. Во многом это обусловлено кризисом мировой капиталистической системы, которая накопила издержки и противоречия в своем развитии, разрешение которых чревато, как это уже показала история первой и второй мировых войн, новыми глобальными военными конфликтами, риски инициирования которых мы и наблюдаем в последние месяцы. В этой связи представляется, что сохранение и развитие российской государственности и российского общества требуют, с одной стороны, укрепления системы публичного управления в РФ, а с другой стороны, возрастания реального участия многонационального народа России в управлении делами государства. Игнорирование необходимости реализации, охраны и защиты конституционных принципов народовластия и участия народа РФ в управлении делами государства, которые закреплены в Конституции России 1993 г. [9], чревато, с одной стороны, ростом процессов отстраненности общества от аппарата публичной власти и дальнейшей его судьбы, а с другой стороны, увеличением рисков возникновения и реализации населением различных форм деструктивного протеста против власти (от стихийных бунтов и волнений до революций).

Таким образом, реализация, охрана и защита вышеназванных конституционных принципов выступает базовым условием сохранения и развития, с одной стороны, российской государственности, а с другой стороны, – многонационального народа Российской Федерации.

Конституция России 1993 г., формализуя принцип народовластия, закрепила положение о том, что многонациональный народ Российской Федерации является носителем суверенитета в стране и единственным источником власти в государстве. Он может осуществлять свою власть как непосредственно, так и опосредованно. Однако Основной закон России, хотя и упомянул понятия народовластия, его прямых и опосредованных форм, но не закрепил детальных определений данных понятий, не дал исчерпывающий перечень прямых и опосредованных форм народовластия, в связи с чем, содержание вышеназванных понятий носит дискуссионный характер. В этой связи, проведем анализ таких конституционно-правовых понятий, как «народовластие», «прямые формы народовластия», «опосредованные формы народовластия», дав им авторские определения.

Представляется, что народовластие как социально-политическое и правовое явление присуще лишь государственно организованному обществу, то есть народовластие возможно лишь при наличии института государства. В догосударственный период существования человеческого общества власть априори принадлежала всем членам общества (племени, рода и т. п.), осуществлялась ими от имени всего общества при использовании коллективных форм принятия решений, при которых собирались все взрослые члены общества (либо мужского или женского пола в зависимости от того, относилось ли данное общество к патриархальному или матриархальному). Народы в этот период существования общества еще как социальное явление не сформировались. Они – продукт государственно организованного общества.

В связи с этим понятию «народовластие» присущ ряд обязательных признаков:

– во-первых, возможность и необходимость осуществления власти народом закрепляется в конституции (основном законе) страны, правовых обычаях, подтверждается системой судебных прецедентов (в Российской Федерации как стране с континентальной системой права, где единственным источником права выступает нормативно-правовой акт, это напрямую установлено в ст. 1 и 3 Основного закона страны);

– во-вторых, наличие у населения страны, вернее, его части, связанной с государством отношениями гражданства, верховного, неограниченного суверенитета (что в России также отражено в ст. 3 Конституции);

– в-третьих, наличие у народа возможности осуществления власти непосредственно, когда властное воздействие формируется и осуществляется народом страны (либо части государства) без делегирования полномочий каким-либо третьим лицам (в частности, Конституция Российской Федерации особо подчеркивает принадлежность власти народу с возможностью ее прямой реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях), либо опосредованно – через деятельность каких-либо органов публичной власти и их должностных лиц (эта возможность закреплена в ст. 3 Основного закона страны, детализируясь в ряде отдельных его глав);

– в-четвертых, закрепление в конституции (основном законе) страны, а также действующем законодательстве достаточно репрезентативной подборки форм прямого властного

волеизъявления народа. Так, в Конституции Российской Федерации к прямым формам народовластия отнесены, прежде всего, институты свободных выборов и референдум. Однако, как справедливо отмечает ряд авторов, данные формы более актуальны для федерального уровня. На местном же уровне важную роль играет и ряд иных институтов прямой демократии, таких как правотворческая инициатива граждан, а также голосование по отзыву депутатов или должностных лиц органов местного самоуправления и т. п. [10, с. 20];

– в-пятых, наличие в конституции (основном законе) страны системы юридических гарантий реализации, охраны и защиты права граждан страны на осуществление своей власти как непосредственно, так и через опосредованные формы демократии;

– в-шестых, наличие организационно-правового механизма, позволяющего народу осуществлять не только контроль за делегированными каким-либо органам публичной власти и их должностными лицами полномочиями, но и отстранение данных органов власти и должностных лиц от реализации делегированных полномочий в том случае, если последние осуществляют данные полномочия во вред народу, нарушая его права, свободы и законные интересы, либо, если данные полномочия узурпированы, присвоены, удерживаются вне сроков, объемов, предусмотренных конституцией (основным законом) страны, а также действующим законодательством. В Российской Федерации к элементам подобного механизма можно отнести, например, институт отзыва депутатов или должностных лиц органов местного самоуправления, которых было указано выше.

Обобщая вышеизложенное, можно дать следующее авторское определение понятию «народовластие» – закрепленные в действующем законодательстве, а также системе правовых обычаев и судебных прецедентов (при их наличии в качестве источников права) право и возможность народа (связанного с государством институтом гражданства), обладающего верховным суверенитетом и являющегося единственным источником власти в стране, осуществлять свою власть через систему прямых и опосредованных форм демократии, что обеспечивается системой юридических гарантий реализации, охраны и защиты, а также наличием организационно-правового механизма, который позволяет народу осуществлять не только контроль за делегированными каким-либо органам публичной власти и их должностными лицами полномочиями, но и отстранение данных органов власти и должностных лиц от реализации делегированных полномочий в том случае, если последние осуществляют данные полномочия во вред народу, нарушая его права, свободы и законные интересы, либо, если данные полномочия узурпированы, присвоены, удерживаются вне сроков, объемов, предусмотренных конституцией (основным законом) страны, а также действующим законодательством.

Как уже отмечалось выше, принято различать прямые и опосредованные формы народовластия. Рассмотрим основные признаки, отличающие каждую группу форм народовластия, дав им авторские определения.

Представляется, что прямые формы народовластия характеризуются рядом признаков: во-первых, они являются основными (базовыми) формами народовластия, без их существования сам институт народовластия носит фиктивный характер; во-вторых, в их осуществлении участвуют граждане страны, которые достигли возраста, когда они обладают активным избирательным правом; в-третьих, их осуществление предполагает совершение гражданами страны определенных активных действий, которые позволяют идентифицировать характер и содержание их волеизъявления (например, реализация такой формы прямого народовластия, как выборы предполагает, что гражданин примет участие в выборах в онлайн или офлайн режиме путем получения избирательного бюллетеня, выставления в нем соответствующих отметок, его перемещения в избирательную урну, либо отправку иным способом в избирательную комиссию).

Ряд авторов в качестве признаков прямого народовластия выделяет также наличие прямого волеизъявления как способа социального действия, а также единство народа как субъекта публичной власти и единство воли данного субъекта [11, с. 150].

Обобщая вышеизложенное можно дать следующее авторское определение прямых форм народовластия: основные (базовые) формы народовластия, носящие обязательный характер, которые осуществляются гражданами страны, достигшими возраста, при котором они обладают активным избирательным правом, путем совершения активных действий, позволяющих идентифицировать характер и содержание их волеизъявления.

В отличие от них, опосредованные формы народовластия характеризуются тем, что они представляют собой реализацию гражданами страны своих властных полномочий через деятельность третьих лиц (в частности, через функционирование органов публичной власти и деятельность их должностных лиц).

В современной России и мире имеется значительное число форм прямой демократии (на федеральном уровне, уровне регионов и на уровне местного самоуправления). Однако, как справедливо отмечает Е.А. Кочеткова: «Тенденция развития современных государственно-политических систем – это уменьшение количества прямых демократий и увеличение представительных, плебисцитарных её форм» [12, с. 31]. Действительно, мы можем констатировать практически повсеместную деградацию форм прямой демократии (за исключением, пожалуй, лишь Швейцарии) [13, с. 53]. Особняком стоит Республика Беларусь, где формы прямой демократии активно продвигаются и защищаются Президентом А.Г. Лукашенко, который сохранил (а во многом и развил) в последней редакции Конституции Республики Беларусь формы прямой демократии как возможность прямого волеизъявления народа. Кроме того в стране активно работают такие формы прямой демократии, как республиканское и местные собрания, являющиеся по мнению ряда авторов, визитной карточкой демократического характера белорусской государственности [14, с. 439–444]. Применительно к РФ следует отметить, что число форм прямого народовластия в стране выросло (по сравнению с советским периодом), но некоторые из ранее существовавших форм прямого народовластия, например, институт народного контроля, о чем мы писали ранее [15, с. 72–88], [16, с. 28–36], являлись более демократическими и эффективными, чем современные их аналоги (институт общественного контроля).

В числе прямых форм народовластия в мире можно выделить выборы, референдумы, народную правотворческую инициативу, народное вето, отзыв выборных должностных лиц органов публичной власти, роспуск органов публичной власти, инициативное бюджетирование, институт общественного контроля, институт народного контроля, институт общих собраний (сходов) граждан по месту жительства, институт императивного мандата, различные виды митингов, шествий, манифестаций, пикетирований и т. п.

В Российской Федерации формы прямого народовластия представлены на федеральном, региональном и местном уровне, в частности, следующими основными формами:

- 1) Системой выборов в органы публичной власти.
- 2) Системой референдумов, которые в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» представлены федеральным, региональными и местными референдумами [17].
- 3) Системой общественного контроля [18].
- 4) Системой митингов, шествий, демонстраций, мирных собраний, пикетирований [19].
- 5) Деятельностью общественных организаций и объединений. Так, как отмечает В.В. Комарова: «Общественные объединения участвуют в реализации форм прямой демократии путем: инициирования; участия в подготовке и проведении; контроля за подготовкой, проведением, реализацией принятых решений; взаимодействия с органами власти и иными институтами гражданского общества в процессе реализации решений, принятых с использованием форм прямого народовластия» [20, с. 1523].
- 6) Голосованием по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления (ст. 24 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») [21].
- 7) Голосованием по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования (ст. 24) [21].
- 8) Правотворческой инициативой граждан (ст. 26) [21].
- 9) Деятельностью схода граждан, осуществляющего полномочия представительного органа муниципального образования (ст. 25) [21].
- 10) Деятельностью схода граждан (ст. 25.1) [21].
- 11) Путем внесения гражданами инициативного проекта (ст. 26.1) [21].
- 12) Через создание территориального общественного самоуправления и деятельность старост сельских населенных пунктов (ст. 27 и 27.1) [21].

13) Через публичные слушания и общественные обсуждения (ст. 28) [21].

14) Через конференции граждан и собрания делегатов (ст. 30) [21].

15) Через опросы граждан и их обращения в органы местного самоуправления (ст. 31 и 32) [21].

При этом действующее законодательство оставляет открытым перечень форм прямого народовластия на муниципальном уровне.

В своем историческом развитии прямые формы народовластия в России прошли ряд этапов (при этом ряд авторов справедливо отмечает, что прямое народовластие было присуще нашей стране всю историю ее существования в тех или иных формах [22, с. 3], [23, с. 44–66], [24, с. 7–11], что крайне выгодно отличает ее от иностранных государств. Эти этапы можно классифицировать, например, по критерию общественно-экономической формации (рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический, современный (эпохи реставрации капитализма в России)). Ряд авторов предпочитает выделять исторические временные промежутки (например, возникновение народовластия Древней Руси) [22, с. 3].

Представляется, что реализация, охрана и защита форм прямого народовластия в России сопряжены с рядом проблем, в числе которых можно выделить следующие:

– во-первых, несовершенство конституционного и законодательного закрепления форм прямого народовластия в стране. Как справедливо отмечает ряд авторов, это несовершенство выражено в двух аспектах: пробельности, когда ряд прямых форм народовластия не упомянуты в нормативно-правовых актах; дефектности, когда нормативно-правовые акты разного уровня противоречат или не соответствуют друг другу [10, с. 20]. И действительно, Конституция Российской Федерации, упоминая формы прямого народовластия, внятно говорит лишь об институтах свободных выборов и референдумов. Остальные формы представлены в Основном законе не в полном объеме. Кроме того, в Конституции страны нет прямой оговорки относительно того, что упомянутые формы прямого народовластия, реализуемые на федеральном и региональном уровне, носят открытый характер (могут быть дополнены на уровне федерального, регионального законодательства). Эта проблема породила то обстоятельство, что региональные уставы и конституции по-разному перечисляют формы прямого народовластия, которые могут быть реализованы на региональном и местном уровне в конкретных субъектах Российской Федерации. Это подрывает универсальный характер российской правовой системы на региональном уровне;

– во-вторых, ряд важнейших форм прямого народовластия вообще не упомянут в Конституции Российской Федерации (в частности, институт общественного контроля), что уменьшает их авторитет в глазах как органов публичной власти, так и самого народа;

– в-третьих, значительной проблемой в развитии форм прямой демократии в России является неразработанность правовой базы, с одной стороны, использования электронных онлайн технологий и площадок в реализации данных форм народовластия, а с другой стороны, контроля общества за данными технологиями. В частности в Российской Федерации на последних выборах в Государственную Думу была опробована возможность онлайн (электронного) голосования. Однако действующее законодательство о выборах не предусмотрело никакого механизма общественного контроля как за процессом электронного голосования, так и за процедурой подсчета голосов, полученных в онлайн режиме;

– в-четвертых, значительной проблемой в использовании форм прямого народовластия в Российской Федерации является слабое использование такой его разновидности, как референдум. Данная проблема отчасти вызвана тем, что законодательство о референдумах содержит значительное число требований к их организации и проведению. Кроме того, искусственно сужено количество разновидностей вопросов, которые могут быть вынесены на федеральный, региональные и местные референдумы.

Заключение. Для разрешения указанных выше проблем, связанных с реализацией, охраной и защитой форм прямого народовластия, на наш взгляд, необходима реализация системы предложений: 1) следует закрепить в Конституции РФ либо исчерпывающий перечень форм прямого народовластия, которые реализуются на федеральном, региональном и местном уровне, либо прямо указать, что упомянутый в Основном законе перечень форм прямого народовластия является открытым, может быть детализирован в федеральном и региональном законодательстве; 2) необходимо, проведя анализ конституций и уставов субъектов РФ, универсализировать закрепленные формы прямого народовластия под руководством Министерства юстиции РФ; 3) в фе-

деральном и региональном законодательстве, а также муниципальных нормативно-правовых актах следует расширить перечень форм прямого народовластия, используя зарубежный опыт формализации, реализации, охраны и защиты форм прямой демократии (например, следует использовать положительный опыт закрепления и реализации форм прямой демократии, который нарабатывала за последние 30 лет Республика Беларусь); 4) необходимо расширить в действующем законодательстве перечень вопросов, которые можно выносить на федеральный, региональные и местные референдумы в РФ (как образец, можно использовать опыт Швейцарии, где действующее законодательство практически не содержит ограничений по перечню вопросов, которые могут выносить на референдум; 5) следует разработать и закрепить широкий перечень форм прямого народовластия с использованием цифровых технологий, сети Интернет, социальных сетей и т. п. (что позволит, например, оперативно в режиме реального времени осуществлять реализацию такой формы прямого народовластия, как местный референдум (который можно проводить в онлайн режиме), а сама онлайн форма местных референдумов экономически дешевле, что позволит более часто и по большему кругу вопросов ее использовать).

Литература

1. Чепурнова, Н. М. Конституционный принцип народовластия в Российской Федерации : проблемы реализации / Н. М. Чепурнова // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 55–62.
2. Лебедев, В. А. Народовластие и публичная власть / В. А. Лебедев // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 3–6.
3. Малый, А. Ф. Народовластие – фундамент демократического государства / А. Ф. Малый, А. А. Нигметзянов, И. Г. Никитенко // Правовое государство : теория и практика. – 2021. – № 3 (65). – С. 21–31.
4. Селихов, Н. В. Народное государство как форма народовластия / Н. В. Селихов // Право и государство : теория и практика. – 2019. – № 10 (178). – С. 63–71.
5. Авакьян, С. А. Народовластие как совокупность институтов непосредственной и представительной демократии : проблемы эффективности / С. А. Авакьян // Российское государственное управление. – 2014. – № 2. – С. 4–13.
6. Чиркин, В. Е. Народовластие и система органов публичной власти / В. Е. Чиркин // Российское государственное управление. – 2014. – № 2. – С. 13–27.
7. Гриб, В. В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации / В. В. Гриб // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 11. – С. 3–13.
8. Гончаров, В. В. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации / В. В. Гончаров, Л. И. Ковалева // Власть. – 2009. – № 1. – С. 72–75.
9. Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993 на всенародном референдуме) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа : 01.08.2022.
10. Пирбудагова, Д. Ш. Конституционно-правовые формы непосредственного участия граждан Российской Федерации в осуществлении публичной власти / Д. Ш. Пирбудагова, А. А. Магомедова // Современное право. – 2021. – № 8. – С. 20–24.
11. Шишкин, А. А. Демократия непосредственная или прямая : от сущности к законодательному использованию понятий / А. А. Шишкин // Проблемы управления. – 2019. – № 1 (71). – С. 150–154.
12. Кочеткова, Е. А. Проблема идентификации «прямой формы демократии» / Е. А. Кочеткова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2019. – № 39. – С. 30–35.
13. Соломонова, С. А. Особенности прямой демократии в Швейцарии / С. А. Соломонова // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 49–55.
14. Антонова, О. А. О порядке организации и проведения республиканских и местных собраний по законодательству Республики Беларусь / О. А. Антонова // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : сб. / В. Н. Шимов (гл. ред.). – Минск, 2016. – С. 439–444.
15. Гончаров, В. В. Использование позитивного опыта организации и осуществления народного контроля власти в СССР в процессе оптимизации общественного контроля в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) / В. В. Гончаров // Право и политика. – 2019. – № 5. – С. 72–88.
16. Гончаров, В. В. Формы и объекты общественного контроля в Российской Федерации: современные проблемы и пути их разрешения / В. В. Гончаров // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 28–36.
17. О референдуме Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный конституционный закон, 28.06.2004, № 5-ФКЗ. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221. – Дата доступа : 01.08.2022.

18. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон, 21.07.2014, № 212-ФЗ // СЗ РФ. – 28.07.2014. – № 30 (часть 1). – Ст. 4213.
19. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон, 19.06.2004, № 54-ФЗ // СЗ РФ. – 21.06.2004. – № 25. – Ст. 2485.
20. Комарова, В. В. Общественный объединения в системе прямой демократии / В. В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12 (37). – С. 1523–1528.
21. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 06.10.2003, № 131-ФЗ. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571. – Дата доступа : 01.08.2022.
22. Кереева, Л. Х. Возникновение института народовластия Древней Руси / Л. Х. Кереева // Экономика, педагогика и право. – 2017. – № 2. – С. 3.
23. Перевезенцев, С. В. Традиции народовластия в России в XV–XVII вв. / С. В. Перевезенцев // Вестник Московского университета. – 2017. – № 3. – С. 44–66.
24. Овчинников, А. И. Народовластие в истории государственности России: политические и правовые традиции / А. И. Овчинников, Н. А. Бойко // Философия права. – 2016. – № 5 (78). – С. 7–11.

Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина

Поступила в редакцию 30.08.2022

Родство и свойство как препятствия к браку по законодательству Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX вв.)

Н.В. ДЕНИСЕНКО

В статье рассматриваются нормы законодательства Российской империи о различных видах родства и свойства как препятствиях к браку, выявляются основные тенденции его развития. Делается вывод о том, что гражданское законодательство Российской империи не содержало правил о родстве и свойстве как препятствиях к браку, а отсылало к нормам церковного права. Выявлена тенденция постепенного сокращения числа запрещенных для брака степеней родства и свойства.

Ключевые слова: брак, семья, родство, свойство, законодательство, Российская империя, препятствия к браку.

The norms of the legislation of the Russian Empire on various types of kinship and kin as obstacles to marriage are investigated, the main trends in its development are revealed in the article. It is concluded that the civil legislation of the Russian Empire did not contain rules on kinship and kin as obstacles to marriage, but referred to the norms of church law. The tendency of a gradual reduction in the number of degrees of kinship and kin prohibited for marriage has been revealed.

Keywords: marriage, family, kinship, kin, legislation, Russian Empire, obstacles to marriage.

Введение. В Республике Беларусь законным признается брак, заключенный в органах, регистрирующих акты гражданского состояния. Согласно части второй статьи 4 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье религиозные обряды, касающиеся вопросов брака и семьи, правового значения не имеют [1]. Заключение брака не допускается между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями (удочерителями) и усыновленными (удочеренными) [1, ст. 19]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что по белорусскому законодательству возможен брак, например, дяди и племянницы или двоюродных брата и сестры. Однако брачно-семейное законодательство Республики Беларусь прошло долгий путь развития. С целью наиболее правильного понимания сущности положений современного законодательства необходимо знать истоки его становления и эволюции.

По законодательству Российской империи брак заключался путем венчания. Гражданские браки не имели законной силы. Основным источником брачно-семейного законодательства являлся «Свод законов гражданских». Нормы семейного права содержались также в актах церковного права: в Уставе духовных консисторий 1841 г., «Инструкции благочинному приходских церквей», Книге правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец, книге «О должностях пресвитеров приходских».

В Российской империи семейное право не являлось самостоятельной отраслью. Проблемы брачно-семейных отношений рассматривались в рамках гражданского права. Так, условия вступления в брак были предметом рассмотрения таких дореволюционных ученых, как Г.Ф. Шершеневич [2], К.П. Победоносцев [3], Д.И. Мейер [4]. Поскольку брак имел смешанную религиозно-юридическую природу, то брачно-семейные отношения исследовали также учёные-специалисты в сфере церковного права – А.С. Павлов [5], Н.С. Суворов [6].

Одним из первых источников, в котором были систематизированы нормы о браке, а также содержались подробные графические схемы, позволяющие определить разрешенные степени родства и свойства для вступления в супружество, являлась Кормчая книга – сборник светских и церковных законов. Вторая часть 50 главы Кормчей книги «О сродствах в тайне супружества» содержала в себе положения о различных видах родства как препятствия к браку [7, с. 8]. 50 глава Кормчей книги стала предметом исследования в трудах А.С. Павлова [7] и М.И. Горчакова [8].

Современные исследователи также уделяют внимание вопросам брачно-семейных отношений периода Российской империи. Так, А.П. Грахоцкий рассматривал применение норм церковно-

го права в регулировании порядка заключения брака в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. [9], а Н.В. Анофренко на примере западных губерний исследовала религиозные и светские аспекты брачного законодательства Российской империи в первой половине XIX в. [10].

Целью данной работы является рассмотрение норм законодательства Российской империи о родстве и свойстве как препятствиях к браку и выявление основных тенденций его развития. Исследуются правила православной церкви о родстве и свойстве как препятствиях к браку.

Основная часть. Отсутствие определенных степеней родства и свойства являлось одним из условий вступления в брак в Российской империи. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 37 «Свода законов гражданских» «брачные сопряжения лиц, состоящих в близком, то есть в запрещенных Церковными правилами степенях, кровном или духовном родстве или свойстве» признавались недействительными [11, п. 2, ст. 37]. Таким образом, «Свод законов гражданских» не содержал правил о родстве и свойстве как препятствиях к браку, а отсылал к нормам церковного права. Родство подразделялось на кровное, духовное, физическое (незаконное), а также родство по усыновлению (гражданское) [12, с. 5].

Кровное родство и свойство. Кровное родство представляет собой связь двух или нескольких лиц, образующуюся вследствие происхождения их друг от друга или от одного общего родоначальника [12, с. 5]. Для определения близости родства в праве Российской империи был принят способ исчисления по степеням и линиям. Степенью называлась связь одного лица с другим посредством рождения. Связь непрерывно продолжающихся степеней составляла линию [11, ст. 197, 198].

Степени считались исходя из правила «сколько рождений, столько и степеней». Так, в прямой восходящей линии первую степень составлял отец, вторую дед, третью прадед и т. д., в прямой нисходящей первую степень составлял сын, вторую внук, третью правнук и т. д. В боковых линиях степени считались сначала по одной линии, начиная от данного лица и восходя к общему родоначальнику, а от него спускаясь по линии нисходящей к тому родственнику, степень родства которого устанавливалась. Число рождений по обеим линиям складывалось. Поэтому родные братья или сестры находились во второй степени, дядя и племянник состояли в третьей степени, двоюродные братья в четвертой и т. д. [6, с. 361].

Свойством называлась родственная связь, возникавшая через брак лица одного рода с лицом другого рода. Свойство возникало между одним супругом и родственниками другого или между родственниками обоих супругов [12, с. 30]. Понятие о свойстве было заимствовано из римского права, из него оно перешло в каноническое право греческой церкви, а оттуда было заимствовано русским законодательством [4, с. 72]. Степени свойства исчислялись следующим образом: в какой степени родства стоял один супруг к своему родственнику, в такой степени свойства находился к нему другой супруг [5, с. 347]. Свойство подразделялось на двухродное, трехродное и т. д. Так, брат жены и сестра мужа, находились в свойстве двухродном, так как представляли род мужа и жены. Трехродное свойство, в свою очередь, устанавливалось между одним супругом и свойственниками другого [12, с. 37]. Кроме того, трехродное свойство устанавливалось при последовательном вступлении одного и того же лица в два брака: свойственники лица по первому браку и его же свойственники по второму браку состояли в трехродном свойстве (например, брат первого мужа и сестра второго мужа) [6, с. 360], [5, с. 347]. Степени в трехродном свойстве определялись так же, как и в двухродном, то есть по числу степеней родства в данных трех родах. При этом муж и жена, как и при исчислении двухродного свойства, считались за одну нераздельную степень [5, с. 348].

Важно отметить, что поскольку решение вопроса о родстве как препятствии к браку основывалось на церковных правилах [11, ст. 37, п. 2; ст. 64], то определение близости родства, препятствовавшего браку, отличалось крайним разнообразием. В Кормчей книге запрещение браков по кровному родству простиралось до седьмой степени, по двухродному свойству браки в некоторых случаях разрешались в шестой степени и запрещались в седьмой, а в некоторых – запрещались в шестой и разрешались в седьмой степени свойства [7, с. 238].

Важной тенденцией развития законодательства Российской империи о препятствиях к браку явилось постепенное сокращение запрещенных степеней родства и свойства. Так, уже в Указе от 31 марта 1767 г. [13] Святейшему Синоду предписывалось не расторгать браки, заключенные в дальних степенях трехродного свойства, а представлять такие случаи на решение Святейшего Синода [7, с. 138]. Святейший Синод предоставлял право и самим епархиальным архиереям решать указанные дела [7, с. 139].

Ярким примером такой практики является представление Святейшему Синоду белорусского епископа Георгия Конисского о «неудоб рассудительных случаях», встречающихся в его епархии, сделанное в 1756 г. Белорусский епископ говорил о наличии в своей епархии браков лиц, находившихся между собой в дальних степенях кровного родства. За вступление в такие брачные союзы супруги были отлучены от церкви, вследствие чего указанные лица собирались перейти в униатство. В ответ Святейший Синод указом от 14 октября 1756 г. определил: брачный союз между лицами, степень родства которых превышает 6-ю, не разводиться, имея в виду, что «по тамошнему, яко заграничному, месту» им может быть оказано снисхождение [14, с. 244], [7, с. 139–140]. В 1768 г. Синод предписал Георгию Конисскому о браках в 5-й и 6-й степенях двухродного или трехродного свойства «чинить его преосвященству надлежащее рассмотрение и решение в силу святых отец правил», учитывая при этом указ к нему 1756 г. [8, прилож., с. 15–18].

Как указывал М.И. Горчаков, в конце XVIII – начале XIX вв. Святейший Синод не расторгал браки, которые запрещались Кормчей книгой – в 5–7 степенях кровного родства и двухродного свойства и в 2–4 степени трехродного свойства [8, с. 293]. Так, ученый отмечал, что браки, заключенные в шестой степени родства, расторгались Синодом только до 1781 г., в пятой степени – до 1791 г. [8, с. 339]. Однако, чаще всего браки, заключенные в отдаленных степенях родства и свойства, были оставлены в силе [8, с. 291]. Кроме того, такие брачные союзы не расторгались даже тогда, когда об этом просили супруги, указывая в качестве причины расторжения брака наличие между ними родственных связей [7, с. 153].

А.С. Павлов выделял следующие причины сокращения запрещенных для брака степеней родства и свойства: 1) указанные ограничения браков препятствовали заключению брачных союзов «особ царского дома», нередко вступавших в брак с принцами и принцессами, с которыми они находились в родстве или свойстве [5, с. 354]; 2) данные препятствия затрудняли браки крепостных крестьян, которые «в какие-нибудь 20–30 лет могли все породниться и покумиться между собою до степеней, запрещенных Кормчею для брака». Поэтому помещики, чтобы не покупать невест для крестьян, часто вынуждены были женить молодых парней на взрослых женщинах; 3) государство было заинтересовано в сокращении препятствий к браку в целях содействия увеличению рождаемости [5, с. 355].

Таким образом, с середины XVIII в. в Святейшем Синоде установилась практика, по которой браки в четвертой степени родства и свойства не разрешались, однако если они уже были заключены, то расторжению не подлежали. Только лица, заключившие такой брак, подвергались епитимии (церковному покаянию) [5, с. 355]. Однако определенных правил, которые устанавливали бы степени запрещенного родства и свойства к браку, закон не сохранил. Следствием такого пробела законодательства явилось дело смоленских шляхтичей, длившееся более 25 лет [8, с. 247–271].

Только 19 января 1810 г. был принят Указ Святейшего Синода, которым были установлены запрещенные к браку степени родства и свойства. Браки по прямой линии запрещались безусловно, а в линии боковой и в двухродном свойстве – в первых четырех степенях на основании книги Ветхого Завета Левит и 54-го правила шестого вселенского собора [15], [5, с. 357]. Так, брак между двоюродным братом и сестрой или между дядей и племянницей был невозможен. Наличие между лицами, вступавшими в брак, 5–7 степени родства и двухродного свойства не являлось разрывающим брачный союз препятствием: заключенное супружество оставалось в силе. Вступить в такой брак можно было с разрешения епархиального архиерея. При этом последний не мог запретить такой брак, в силу чего профессор А.С. Павлов отмечал, что это правило можно было бы отменить [7, с. 225].

Следовательно, в Указе 19 января 1810 г. были не только отражены принципы, выработанные церковно-судебной практикой Святейшего Синода во второй половине XVIII в. [17, с. 294], но и дано право епархиальным архиереям разрешать брак в таких степенях родства или свойства, при которых ранее браки расторгались или оставались в силе только из снисхождения к супругам [8, с. 295–296].

Так, Минская духовная консистория отказала крестьянину Василию Градовцу в заключении брака с Агафьей Гаркуновой, поскольку они находились в третьей степени двухродного свойства (Гаркунова была племянницей первой жены Градовца) [9, с. 142]. В 1900 г. был

признан незаконным брак между Адамом Броневицким и Еленой Кунцевич, которые поженились ещё в 1892 г. В ходе следствия выяснилось, что супруги находились в четвертой степени двухродного свойства (Кунцевич была племянницей мачехи Броневицкого) [9, с. 142].

Как отмечал М.И. Горчаков, Святейший Синод не только не расторгал браки, заключенные в таких степенях родства, при которых вступление в брак обуславливалось разрешением епархиального архиерея, но и «сепаратными указами на имя отдельных преосвященных, по частным прошениям, разрешал брак даже в пределах того родства, которыми очерчен запрещенный для браков родственный круг» [8, с. 230–231]. Так, в Указе от 23 августа 1872 г. на имя епископа Минского содержалось разрешение на брак лица с двоюродной сестрой его умершей жены [8, с. 230], то есть в четвертой степени двухродного свойства.

По циркулярным указам Святейшего Синода 25 апреля 1841 г. и 28 марта 1859 г. в трехродном свойстве браки запрещались лишь в первой степени. Брак в трехродном свойстве во второй и третьей степени епархиальные архиереи могли разрешать «по уважительным причинам» (Указ 1841 г.) или «по усмотрению нужды» (Указ 1859 г.) [5, с. 357].

В начале XX в. тенденция сокращения объема степеней родства и свойства, препятствовавших заключению брака, сохранилась. Так, циркулярным указом от 7 мая 1903 г. № 5 Святейший Синод предоставил епархиальным архиереям в случае нужды и неизбежности со стороны лиц, вступающих в брачный союз, разрешать бракосочетание в четвертой степени двухродного свойства, за исключением браков с сестрой невестки (жены брата) и с сестрой зятя (мужа сестры). Разрешения необходимо было представлять на усмотрение Святейшего Синода [12, с. 35]. Циркулярным указом от 20 июня 1904 г. № 13 Святейший Синод предписал епархиальным архиереям разрешать такие браки (за исключением двух указанных случаев) беспрепятственно, без утверждения Святейшего Синода [12, с. 22]. 17 апреля 1905 г. был принят указ «Об укреплении начал веротерпимости», по которому разрешался переход в другие исповедания. Под влиянием этого указа, с целью недопущения перехода православных в иные христианские исповедания, в которых браки разрешались в более близких степенях свойства, в епархиях со смешанным населением разрешались браки в тех случаях, которые составляли исключение в двух вышеназванных указах, то есть с сестрой невестки (жены брата) и с сестрой зятя (мужа сестры) «по особому исключительным ходатайствам преосвященных архиереев» [12, с. 36]. В 1906 г. относительно браков с сестрой невестки и с сестрой зятя было предписано представлять их на рассмотрение Святейшего Синода, который давал свое разрешение отдельно на каждый случай [16, с. 3].

Духовное родство. В Российской империи брак запрещался при наличии определенных степеней не только кровного, но и духовного родства, которое устанавливалось вследствие «восприятия от купели крещения» [5, с. 349]. Относительно определения степеней духовного родства как препятствия к браку Кормчая книга содержала противоречия. Об этом ещё в 1759 г. Георгий Конисский указывал в своем доношении Святейшему Синоду [8, прилож. с. 14].

В Указах от 23 ноября 1752 г. [17] и от 31 марта 1767 г. [13] Святейшему Синоду предписывалось расторгать браки только по самым законным причинам, «ежели учинены будут от кого-либо в противность правилам Святых Апостол и Отец и Духовного Регламента» и не расторгать браки, заключенные в дальних степенях духовного родства, а представлять такие случаи на решение Святейшего Синода [7, с. 138].

Указом Святейшего Синода от 19 января 1810 г. духовное родство было признано препятствием ко вступлению в брак лишь между крестными родителями с одной стороны и крестниками и их родителями – с другой: «Ежели которую восприимет от Святаго крещения, не может оную посем пояти себе в жену, понеже уже есть ему дочь, ниже мать ея» [15]. Затем 31 декабря 1837 г. было признано несуществующим родство между крестным и крестной [12, с. 10], однако было сказано, что на браки между крестными родителями необходимо разрешение епархиального архиерея [4, с. 565]. Далее в сепаратных определениях по делам о разрешении вступить в брак в духовном родстве (например, в Указе 31 октября 1875 г. № 2861) Святейший Синод указал, что духовное родство признается только между биологическими родителями крестного младенца и его крестными родителями одинакового с ребенком пола. Таким образом, духовное родство признавалось и служило препятствием к браку только между крестным отцом и матерью «восприятого» сына и между крестной матерью и отцом

«воспринятой» дочери [12, с. 10]. Хотя ранее запрещение браков по духовному родству простиралось до седьмой степени [12, с. 11]. Таким образом, круг духовного родства как препятствия к браку был сужен. А.С. Павлов указывал, что в этом состоял главный недостаток церковных законов Российской империи о духовном родстве как препятствии к браку [7, с. 180].

Физическое (незаконное) родство. Проблемным являлся вопрос о распространении указанных запретов на лиц, находившихся в родстве незаконном (физическом), которое происходило от внебрачного полового сожителства [12, с. 26]. О влиянии незаконного родства на брак законодательство Российской империи ничего не говорило [6, с. 366]. По мнению А.С. Павлова, запрещение браков по родству должно было быть распространено и на незаконное родство. Еще в 54-м правиле Трулльского собора запрет браков по кровному родству был вызван тем, чтобы через браки между близкими родственниками «естество само себя не смешивало». Ученый говорил о сохранении силы этого мотива и по отношению к незаконному родству, «ибо естественные права крови, естественная связь родителей и детей, братьев и сестер в том и другом родстве одинаково крепки» [5, с. 358].

Тем не менее, в Святейшем Синоде установилась практика, согласно которой незаконное родство признавалось равносильным кровному и считалось таким же препятствием к браку [12, с. 27]. Так, в определении Святейшего Синода от 17 марта 1877 г. № 488 говорилось о признании незаконнорожденных детей по родству и свойству наравне с законными детьми. В определении от 7 октября 1864 г. № 2581 Святейший Синод определил значение физического родства еще точнее [12, с. 27].

Гражданское родство. Гражданское родство возникало вследствие усыновления [5, с. 352]. Усыновление служило препятствием к браку только до тех пор, пока оно совершалось в церковной форме. Но с XVIII в. церковная форма усыновления вышла из употребления [12, с. 11]. Гражданское законодательство Российской империи умалчивало о запрете брака по усыновлению в отношении православных [5, с. 357]. Справедливо замечание профессора А.С. Павлова: «отсюда поспешно было бы заключать о совершенном несуществовании такого препятствия. Уже простое нравственное чувство запрещает усыновителю вступать в брак с усыновленной дочерью или усыновленному сыну с матерью и дочерью усыновителя. В этом объеме родство по усыновлению признается безусловным препятствием к браку в законодательстве всех христианских народов» [5, с. 358].

Нарушение правил о родстве и свойстве как препятствиях к браку влекло уголовную ответственность. Так, православные лица, заведомо вступившие в брак при наличии запрещенных степеней родства или свойства, подлежали наказанию в виде заключения в тюрьму на срок от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев и церковному покаянию [18, ст. 1559]. Лица, вступившие в брак при наличии между ними первой и второй степени родства, подвергались наказанию, определенному за кровосмешение, – лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь для заключения там в тюрьму на 3 года и 4 месяца (по ст. 1594) или 6 лет и 8 месяцев (по ст. 1593), после этого они пожизненно отдавались в монастырь «для употребления на тяжкие в оном работы» [18, ст. 1593, 1594]. Так, в 1889 г. в Речицком уезде сводные брат и сестра были арестованы на 3 дня и преданы суду за вступление друг с другом в брак [19, с. 66]. В Могилёвском земском суде рассматривалось дело двоюродных брата и сестры Гриневичей о незаконном вступлении в брак [19, с. 66].

Родители или опекуны также подлежали уголовной ответственности, если заведомо допустили брак в запрещенных степенях родства или свойства [18, ст. 1562].

Заключение. Брачно-семейные отношения в Российской империи регулировались церковными нормами. Данные нормы были имплементированы в гражданское законодательство Российской империи. Положения о родстве и свойстве не стали исключением: «Свод законов гражданских» не содержал правил о родстве и свойстве как препятствиях к браку, а отсылал к церковному законодательству, определение запрещенных к браку степеней родства и свойства основывалось на канонических нормах. Правила о родстве и свойстве содержались в канонических источниках: Кормчей книге, Указах Синода от 19 января 1810 г., 25 апреля 1841 г., 28 марта 1859 г., «Инструкции благочинному приходских церквей». Исходя из этого, законодательство Российской империи в качестве препятствия к браку устанавливало наличие не только кровного родства (что обуславливалось недопустимостью кровосмешения), но и духовного.

К началу XX в. прослеживалась тенденция существенного сокращения препятствий к браку, связанных с родством и свойством, что расширило возможность заключения брака. Таким образом, современное белорусское законодательство является исторически обоснованным и представляет собой итог длительной эволюции норм о браке и семье, в том числе о родстве и свойстве как препятствиях к браку.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич, А. Л. Маковский, В. С. Ем. – М. : Статут, 2021. – Т. 2 : Учебник русского гражданского права (по 11-му изданию, 1914–1915 гг.). – 896 с.
3. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права : в 3 ч. / К. П. Победоносцев. – М. : «Статут», 2003. – Ч. 2 : Права семейственные, наследственные и завещательные. – 639 с.
4. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер ; ред. А. И. Вицын. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1910. – 720 с.
5. Курс церковного права. Посмертное издание, выполненное под наблюдением доцента Московской духовной академии П. М. Громогласова / А. С. Павлов. – Сергиев Посад, 1902. – 552 с.
6. Суворов, Н. Учебник церковного права / Н. Суворов. – М. : Печ. А.И. Снегирёвой, 1912. – 531 с.
7. Павлов, А. С. 50-я глава Кормчей книги, как исторический и практический источник русского брачного права / А. Павлов // Соч. – М. : Унив. тип. (М. Катков), 1887. – 452 с.
8. Горчаков, М. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги / М. Горчаков. – СПб. : Тип. В.С. Балашева и К°, 1880. – 445 с.
9. Грахоцкі, А. П. Прымяненне нормаў царкоўнага права ў рэгуляванні парадку заключэння шлюбу ў Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. П. Грахоцкі // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 5. – С. 139–146.
10. Анофранка, Н. В. Рэлігійныя і свецкія аспекты шлюбнага заканадаўства Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. (на прыкладзе заходніх губерняў) / Н. В. Анофранка // Історія релігій в Україні : науковий збірник світлій пам'яті професора Ярослава Дашкевича (1926–2010) / За заг. ред. М. Капралія, О. Киричук, І. Орлевич. – Львів : Інститут релігієзнавства філія Львівського музею історії релігії, «Логос», 2016. – Ч. 1. : Церковна історія. – С. 282–293.
11. Законы гражданские // Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб., 1900. – Т. 10, ч. 1. – 94 с.
12. Препятствия к Венчанию и к восприимчивости при Крещении / С. П. Григоровский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 56 с.
13. Синодский указ «О подтверждении Епархиальным Архиереям, чтоб они сами собою не разводили браков между лицами, состоящими в сватовстве или кумовстве» от 31 мар. 1767 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I : в 45 т. – Т. 18. – № 12860.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (1753 – 28 июля 1762 гг.). – Том 4 : Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. – СПб. : Синодальная типография, 1912. – 642 с.
15. Синодский указ «О степенях родства и свойства духовного (кумовства) брак воспрещающих, и об обязанности Епархиальных Архиереев представлять Св. Синоду о браках венчанных в степенях воспрещенных» от 19 янв. 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I : в 45 т. – Т. 31. – № 24091.
16. Красножен, М. Новейшее законодательство по делам Православной Русской Церкви / М. Красножен. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1909. – 71 с.
17. Именной, объявленный Синоду Духовником Ея Императорского Величества, Протоиереем Федором Дубянским «О неразводе бракосочетавшихся за кумовство, учиненное в противность правил Святых Отец и Духовного Регламента, без предварительного доклада Ея Императорскому Величеству» от 23 ноябр. 1752 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I : в 45 т. – Т. 13. – № 10050.
18. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н. С. Таганцев. – 5-е изд., доп. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.
19. Сям'я і сямейны быт беларусаў / пад рэд. В. К. Бандарчыка, Г. М. Курыловіча, Л. В. Ракава [і інш.]. – Мінск, 1990. – 256 с.

К вопросу об обеспечении нотариальной тайны

Е.М. КАРАВАЕВА

В статье анализируются нормативные аспекты обеспечения нотариальной тайны. Рассмотрены изменения положений Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности», касающихся обеспечения принципа нотариальной тайны. Предложено внести отдельные изменения в Закон Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности», учитывая опыт зарубежного законодательства и мнение практических работников.

Ключевые слова: нотариус, нотариальная тайна, обеспечение, принципы, гарантии, нотариальная деятельность, профессиональная этика, разглашение, сведения, информация, частная жизнь, персональные данные.

The article analyzes the normative aspects of ensuring notarial secrecy. The amendments of provisions of the Republic of Belarus Law «On notaries and notarial activity» concerning ensuring the principle of notarial secrecy are considered. It is proposed to make some amendments to the Law of the Republic of Belarus «On notaries and notarial activity» taking into consideration the experience of rule-making activity of foreign legislation and the opinion of the practical workers.

Keywords: notary, notarial secrecy, security, principles, guarantees, notarial activity, professional ethics, disclosure, details, information, privacy, personal data.

Введение. Особое место и значение в деятельности нотариуса Республики Беларусь занимает принцип обеспечения нотариальной тайны. Данный принцип возникает ещё до совершения нотариусом нотариального действия, на стадии обращения заинтересованного лица. Уже само по себе посещение лицом нотариальной конторы, нотариального бюро может являться тайной информацией для разглашения её другим лицам.

Основная часть. Отметим, что принцип «тайна нотариального действия», закрепленный в законодательстве ранее изменен на понятие «нотариальная тайна». Также установлен перечень сведений, которые не составляют нотариальную тайну.

Это размещенные на официальном сайте Белорусской нотариальной палаты в глобальной компьютерной сети Интернет сведения:

– о доверенности (фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) гражданина или наименование юридического лица, выдавших доверенность, дата удостоверения доверенности, фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) нотариуса, должностного лица заграничного учреждения, удостоверивших доверенность, порядковый номер в реестре для регистрации нотариальных действий, дата отмены доверенности (если доверенность отменена));

– об открытии наследственного дела (фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) наследодателя и дата его смерти, фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) нотариуса, ведущего наследственное дело).

На наш взгляд, необходимо расширить вышеуказанный перечень, дополнив его информацией о совершенной нотариусом исполнительной надписи (сведения о дате совершения исполнительной надписи, нотариусе, совершившем исполнительную надпись), используя опыт Республики Казахстан (ст. 3 п. 10 Закона о нотариате Республики Казахстан), дополнив ч. 2 п. 1 ст. 9 Закона о нотариате и нотариальной деятельности Республики Беларусь (далее – Закон о нотариате) после абзаца третьего абзацем следующего содержания:

« – о совершенной нотариусом исполнительной надписи (сведения о дате совершения исполнительной надписи, нотариусе, совершившем исполнительную надпись)». Это имеет практическую важность в защите прав участников сделок, так как позволяет получить сведения в момент, когда такая информация потребуется.

Так же считаем целесообразным п. 3. ст. 9 Закона о нотариате «Обеспечение нотариальной тайны» дополнить п.п. 3.12: « – *нотариусов в связи с совершаемыми нотариальными действиями*» в соответствии со ст. 5 Модельного закона СНГ «О нотариате» и используя опыт стран СНГ (Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, ст. 5), рас-

ширив перечень субъектов, по письменному требованию (или требованию, оформленному в виде электронного документа) которых выдаются сведения, составляющие нотариальную тайну, а также содержащие такие сведения документы.

Необходимым является конкретизировать понятие нотариальной тайны, так как она является гарантом неприкосновенности частной жизни, поскольку лицо, обратившееся к нотариусу, должно предоставить те или иные факты, касающиеся его личной жизни.

В соответствии с Законом о нотариате нотариальная тайна – это сведения по совершенному нотариальному действию, а также иные сведения, полученные при совершении нотариального действия или обращении к нотариусу либо иному уполномоченному должностному лицу заинтересованного лица, в том числе о его личных неимущественных и (или) имущественных правах и обязанностях [1, ч. 1 ст. 9].

Обязанность соблюдать нотариальную тайну закреплена не только в ст. ст. 9, 25 Закона о нотариате, а также предусмотрена Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 16.11.2004 «Об утверждении Правил профессиональной этики нотариуса», Законом Республики Беларусь от 12.07.2013 «О медиации».

Статья 25 Закона о нотариате обязывает нотариуса не разглашать сведения, составляющие нотариальную, коммерческую и (или) иную охраняемую законом тайну, другую информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, в том числе без письменного согласия физического лица сведения о его частной жизни и персональные данные, если иное не установлено законодательными актами [1].

Правила профессиональной этики также обязывают нотариуса соблюдать тайну совершенного нотариального действия, сохранять конфиденциальность в отношении сведений, полученных от клиентов. Информация, полученная от клиента, не может быть использована нотариусом в личных целях [2, п. 7.3].

Следует отметить, что ст. 25 Закона о нотариате пусть и не содержит понятие «конфиденциальность информации», но раскрывает её содержание, закрепляя, что нотариус обязан не разглашать сведения, составляющие нотариальную, коммерческую и (или) иную охраняемую законом тайну, другую информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, в том числе без письменного согласия физического лица сведения о его частной жизни и персональные данные, если иное не установлено законодательными актами.

Законодательство содержит понятие информации, в соответствии с которым это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления и понятие конфиденциальности информации, что предполагает требование не допускать распространения и (или) предоставления информации без согласия ее обладателя или иного основания, предусмотренного законодательными актами [3]. Таким образом, к конфиденциальной информации в широком понимании относятся все виды информации.

Обращает на себя внимание тот факт, что применительно к тайне нотариального действия, законодатель использует термин «сведения», а не «информация». В то же время в законодательстве, регулирующем общественные отношения, которые имеют информационную составляющую, в том числе о тайнах, наиболее распространен термин «информация», что, на наш взгляд требует изменение понятия «сведения» в ст. 25 Закона о нотариате на «информация». Таким образом, ч. 10 п. 1 ст. 25 необходимо изложить в новой редакции: *«нотариус обязан... не разглашать информацию, составляющую нотариальную, коммерческую и (или) иную охраняемую законом тайну, другую информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, в том числе без письменного согласия физического лица сведения о его частной жизни и персональные данные, если иное не установлено законодательными актами».*

Обязанностью нотариуса является хранить в тайне не только задокументированную информацию, но и ту, которая стала известна в личной беседе. К такой информации относится информация о частной жизни физического лица и персональные данные, информация, составляющая коммерческую, профессиональную, банковскую тайну, сведения, составляющие государственные секреты и др. Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими, осуществляются с письменного согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь.

В Республике Беларусь на законодательном уровне закреплено требование для организаций и физических лиц обеспечить защиту персональных данных при осуществлении их обработки [4, ч. 2 ст. 28].

10.11.2021 приказом Председателя Белорусской нотариальной палаты утверждена Политика в отношении обработки персональных данных, действующая в отношении всех категорий, обрабатываемых БНП персональных данных (включая биометрические и специальные персональные данные): в информационных (электронных) ресурсах (системах) БНП, в том числе единой электронной системе учета нотариальных действий и наследственных дел; работников БНП; претендентов, в отношении которых принято решение о допуске к осуществлению нотариальной деятельности и выдаче свидетельства на осуществление нотариальной деятельности; членов БНП; при исполнении договоров; при рассмотрении обращений; иных обрабатываемых данных [5].

Отметим, что Закон о нотариате, Правила нотариального делопроизводства так же приведены в соответствие с нормами Закона «О защите персональных данных» в части обеспечения законодательства о защите персональных данных, с целью урегулирования вопроса получения и использования персональных данных физического лица при совершении нотариальных действий (абзацы 4–6 п. 1 ст. 24, абз. 9 п. 1 ст. 25 Закона о нотариате). Необходимо отметить, что данные нормы не наделяют нотариуса новыми полномочиями, а лишь конкретизируют нормы о составлении и направлении нотариусами запросов для получения сведений и документов (ст. 60), необходимых для совершения нотариального действия.

В целом, законодательство о нотариате Республики Беларусь соответствует требованиям Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных». Однако, на наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения практических работников, которые утверждают, что ознакомление наследников с документами, содержащимися в наследственном деле, не в полной мере соответствует требованиям по обеспечению защиты персональных данных [6]. Считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 81 Закона о нотариате п. 9 следующего содержания: *«на заявлении с просьбой наследника предоставить наследственное дело для ознакомления, производить запись за подписью наследника о том, что наследник ознакомился с материалами наследственного дела, с указанием даты ознакомления, наименования (реквизитов) документов, с которыми был ознакомлен наследник, а также копии каких документов получил на руки либо была произведена фото-съемка»*. Так же соответствующую норму необходимо внести в Инструкцию о порядке совершения нотариальных действий, дополнив п. 117 ч. 7 аналогичного содержания.

Субъектами обеспечения нотариальной тайны в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о нотариате являются, прежде всего, нотариусы, уполномоченные должностные лица местных исполнительных и распорядительных органов, дипломатических агентов дипломатических представительств Республики Беларусь и консульских должностных лиц консульских учреждений Республики Беларусь. п. 6 ст. 9 распространяет ответственность так же на лиц, утративших статус нотариус, и лиц, которым сведения, составляющие нотариальную тайну, стали известны в связи с исполнением этими лицами служебных обязанностей, а также на стажера нотариуса, в том числе после освобождения от должности (увольнения).

Осуществляя сравнение данного принципа с законодательством зарубежных государств можно заимствовать опыт Республики Казахстан, где перечень субъектов, на которых распространяется обязанность соблюдения нотариальной тайны гораздо шире: В соответствии со ст. 4-1 Закона Республики Казахстан от 14 июля 1997 г. № 155-І «О нотариате» (по состоянию на 12.01.2022 г.) обязанность распространяется на стажеров, помощников нотариусов, свидетеля, переводчика, лицо, подписавшее вместо гражданина нотариальный документ вследствие физического недостатка, болезни или неграмотности последнего, а также работников нотариальных палат и лиц, осуществляющих сопровождение и системно-техническое обслуживание единой нотариальной информационной системы.

Так же значимым представляется мнение белорусского нотариуса О. Колесневой, которая считает необходимым включить в перечень субъектов лиц, обучающихся в учебных заведениях и направленных для прохождения практики не только в нотариальную контору, но и в нотариальную палату, нотариальный архив, так как студенты, проходящие практику, фактически получают доступ к документам, присутствуют при совершении нотариального действия,

беседе клиента с нотариусом. В связи с чем, должны быть законодательно закреплены последствия раскрытия такими лицами нотариальной информации. Так же требует закрепление ответственности рукоприкладчика за разглашение полученной нотариальной информации [6].

Таким образом, считаем целесообразным расширить перечень субъектов, дополнив п. 6 ст. 9 Закона о нотариате ч. 2 следующего содержания: *«граждане, участвующие в ходе нотариального производства в качестве представителей, рукоприкладчиков, переводчиков, свидетелей, а также лица, обучающиеся в учебных заведениях и направленные для прохождения соответствующего вида учебной, производственной, преддипломной и иной практики в нотариальную контору, получившие доступ к информации, составляющей нотариальную тайну, обладателями которой являются нотариус и обратившиеся за совершением нотариального действия лица, в случае умышленного или неосторожного разглашения этой информации при отсутствии в действиях таких лиц состава преступления должны нести гражданскую ответственность в соответствии с законодательством».*

Заключение. Несмотря на значимое обновление законодательства о нотариате, ряд вопросов все так же требует внимания. В частности, представляется целесообразным более детально рассмотреть вопросы, касающиеся нотариальной тайны, внести изменения в законодательство Республики Беларусь, используя опыт зарубежных государств и опираясь на мнение практических работников. Предлагаем расширить в Законе о нотариате перечень сведений, которые не составляют нотариальную тайну, дополнив его информацией о совершенной нотариусом исполнительной надписи (сведения о дате совершения исполнительной надписи, нотариусе, совершившем исполнительную надпись; включить нотариусов в перечень субъектов, по письменному требованию (или требованию, оформленному в виде электронного документа) которых выдаются сведения, составляющие нотариальную тайну, а также содержащие такие сведения документы; расширить перечень субъектов, на которых распространяются требования о соблюдении нотариальной тайны; вместо понятия «сведения» применять понятие «информация» (и другие), что позволит более полно обеспечить реализацию принципа нотариальной тайны при осуществлении нотариальной деятельности.

Литература

1. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-З : текст по состоянию на 12 апреля 2022 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Об утверждении правил профессиональной этики нотариуса [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, 16 ноября 2004 г., № 37 : текст по состоянию на 18 июня 2014 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 455-З : текст по состоянию на 10 октября 2022 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. (с изм. и доп. от 12 октября 2021 г. № 124-З) // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Политика в отношении обработки персональных данных [Электронный ресурс] : приказ Председателя Белорусской нотариальной палаты от 10.11.2021 № 210/1 // Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа : <https://belnotary.by/o-palate/politika-v-otnoshenii-obrabotki-personalnykh-dannykh/>. – Дата доступа : 16.10.2022.
6. Колеснева, О. О некоторых вопросах обеспечения нотариальной тайны [Электронный ресурс] / О. Колеснева // Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа : <https://belnotary.by/novosti/notarialnaya-praktika/oksana-kolesneva/o-nekotorykh-voprosakh-obespecheniya-notarialnoy-tayny/>. – Дата доступа : 16.10.2022.

УДК 349:796(4/5СНГ)

Правовой статус профессионального спортсмена: сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и стран СНГ

Н.П. КОВАЛЁВА, В.В. ХИМАКОВ

В статье проводится анализ правового регулирования отношений с участием профессиональных спортсменов, уделяется внимание толкованию понятия «профессиональный спортсмен», исследуется правовой статус профессионального спортсмена по законодательству Республики Беларусь и стран СНГ, выдвигаются предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: профессиональный спорт, профессиональный спортсмен, правовой статус, спортсмен.

The article analyses the legal regulation of relations with the participation of professional athletes, pays attention to the interpretation of the concept of «professional athlete», examines the legal status of the professional athlete under the legislation of the Republic of Belarus and CIS countries, and offers suggestions for improving the legislation in the area under study.

Keywords: professional sport, professional athlete, legal status, athlete.

Введение. Спорт, несомненно, является важной частью общественной жизни, так как способствует укреплению здоровья нации, формированию у населения приверженности к здоровому образу жизни. В целом спорт в современном понимании – это деятельность, предусматривающая достижение высоких соревновательных результатов наряду с укреплением здоровья и общим физическим развитием человека. Рассмотрение вопросов, связанных не только со спортом, направленным на достижение спортсменами высоких спортивных результатов и деятельностью учреждений по подготовке спортивного резерва и спортсменов высокого класса, требует детализации и правовой статус не только любительского, но и профессионального спорта.

Основная часть. В Республике Беларусь созданы предпосылки для развития профессиональной спортивной деятельности и соответственно Государственная программа «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы определяет, что на достижение определенных показателей в области спорта определенное влияние оказывают правовые риски, и связываются с изменением законодательства и длительным периодом формирования нормативной правовой базы [1]. Одной из мер борьбы с правовыми рисками, несомненно, должна стать адаптация белорусского законодательства к реалиям спорта, для чего необходимо провести сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и стран Содружества Независимых Государств.

Основу белорусского законодательства в спорте составляет Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», который определяет не только правовые и организационные основы деятельности в сфере физической культуры и спорта, но и направлен на создание условий для развития спорта высших достижений и участия в нем спортсменов, в том числе и профессиональных спортсменов.

Одной из основных правовых проблем при регулировании спорта является определение правового статуса работника в сфере профессионального спорта. Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» содержит две дефиниции лиц, занимающихся спортом, это «спортсмен» и «спортсмен высокого класса». В соответствии со статьей 1 «спортсмен – это физическое лицо, проходящее спортивную подготовку по избранному виду спорта», а «спортсменом высокого класса» признаётся спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов [2].

В русском языке эти понятия изложены иначе, более кратко и обобщенно, в частности под «спортсменом понимается человек, занимающийся спортом и владеющий его высокими достижениями» [3, с. 57].

Белорусский законодатель к субъектам профессионального спорта кроме юридических и физических лиц, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта (федерации, союзы, ассоциации), относит также профессиональных спортсменов, профессиональных тренеров и иных лиц, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта [2, ст. 56].

Согласно п. 2 ст. 56 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» профессиональный спортсмен – это спортсмен, для которого занятие профессиональным спортом является основным видом деятельности, осуществляющий деятельность на основании трудового, гражданско-правового договора или в качестве индивидуального предпринимателя и получающий заработную плату (вознаграждение) за спортивную подготовку, участие в спортивных соревнованиях и достигнутые спортивные результаты [2]. Следовательно, профессиональный спортсмен признается полноправным субъектом профессионального спорта, его части, включающей предпринимательскую, трудовую и иную не запрещенную законодательством деятельность, направленную на достижение высоких спортивных результатов.

Наиболее близким к понятию профессионального спортсмена является именно понятие «спортсмена высокого класса», несмотря на отсутствие одного из главных критериев профессионала – использования своего профессионального занятия в качестве основного способа получения дохода.

Аналогично понятие профессионального спортсмена не нашло законодательного закрепления в Российской Федерации, в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» содержится лишь определение спортсмена высокого класса [4, ст. 2], аналогичное с понятием содержащимся в законодательстве Республики Беларусь.

На наш взгляд, в Модельном Законе «О профессиональном спорте», принятом на Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ, данный вопрос решён более детально, он прямо закрепляет не только понятие профессионального спортсмена как физического лица, для которого занятия профессиональным спортом являются основным видом деятельности [5], но и указывает на такой квалифицирующий признак профессионального спортсмена как получение вознаграждения (заработной платы).

Данное определение соответствует мнению учёных о профессиональной деятельности как о деятельности, направленной на получение дохода лицом, обладающим необходимыми для этого профессиональными навыками и компетенциями, признаками которой являются систематичность, самостоятельность, рисковый характер и имущественная ответственность [6, с. 131].

Таким образом, деятельность профессионального спортсмена с позиции вышеуказанного Модельного закона может осуществляться только в рамках трудового законодательства. Вместе с тем о признании спорта в качестве профессии свидетельствует наличие соответствующих норм в законодательстве о труде разных стран.

В Трудовом кодексе (далее – ТК) Республики Беларусь вопросам регулирования труда работников в сфере профессионального спорта посвящена глава 26-1, в аналогичном правовом акте Российской Федерации – глава 54.1 [7], [8], и в значительной части правовые нормы двух государств совпадают по содержанию.

При этом говорить об идентичности регулирования спортивных отношений нормами права в странах СНГ не приходится, в частности Трудовой кодекс Республики Казахстан не содержит норм, посвящённых труду работников области спорта [9], но вопросам профессионального спорта посвящена глава 6 Закона «О физической культуре и спорте» [10], в соответствии с которой профессиональный спортсмен может заниматься профессиональным спортом как основным видом деятельности на основании гражданско-правового договора, что, на наш взгляд, не является достаточно верным, поэтому в научном сообществе ведутся дискуссии об усовершенствовании законодательства в данном направлении [11, с. 129].

Аналогичная ситуация наблюдается в Республике Армения, где Трудовым кодексом также не урегулированы вопросы трудовых отношений в сфере профессионального спорта [12], но в действующем Законе «О физической культуре и спорте» предусмотрено понятие профессионального спортсмена [13] и контракта на спортивную деятельность.

Как в Армении, так и в Казахстане закрепляются лишь общие условия о содержании договора о спортивной деятельности, к таковым относят права и обязанности спортсмена, сведения о медицинском, социальном страховании, условия заключения и расторжения договора и иные.

Тем не менее нельзя исключать гражданско-правовой элемент отношений в сфере спорта, так как именно гражданско-правовыми отношениями в спорте регулируются вопросы по размещению спортсменов, обеспечению сохранности спортивного инвентаря, рекламе. В сфере высокого спорта значительная доля спортсменов является знаменитостями, что неизбежно накладывает на них соответствующие обязательства, зачастую регулирующие именно гражданско-правовыми методами.

Мы согласны с мнением зарубежных специалистов о необходимости регулирования отношений в сфере профессионального спорта именно нормами законодательства о труде. В подтверждение данной позиции можно отметить, что и Модельный Закон «О профессиональном спорте» закрепляет, что договор (контракт) в области профессионального спорта является разновидностью трудового договора, и детально закрепляет условия, подлежащие включению в такой договор (ст. 8).

Особого внимания заслуживает деятельность несовершеннолетних работников в спортивной сфере. В Республике Беларусь заключение трудового договора допускается при достижении 16 лет, а с письменного согласия одного из родителей трудовой договор может быть заключён с лицом, достигшим четырнадцати лет. В Беларуси труд спортсменов моложе 18 лет регулируется ст. 314⁹ ТК, где устанавливается не только продолжительность еженедельной и ежедневной работы несовершеннолетних, получающих образование, но и регулируются вопросы направления юного спортсмена в командировку (в возрасте от 14 до 16 лет с письменного согласия одного из родителей, от 14 до 18 с письменного согласия самого спортсмена), также при положительном заключении ВКК законодательство допускает превышение несовершеннолетними спортсменами предельных норм подъёма и перемещения тяжестей.

В Российской Федерации содержатся аналогичные нормы, хотя есть и некоторые отличия, а именно в вопросе еженедельной работы (ст. 92) [8, ст. 348.8]. Очевидно, что на практике такие требования не всегда соблюдаются. В некоторых исследованиях указывается, что чрезмерное уделение времени физической культуре (в частности, профессиональному фигурному катанию) негативно сказывается на таких факторах развития личности несовершеннолетних, как соматическое здоровье (сон, реакция на раздражители, координация и др.), социально-психологические показатели (темперамент, хронотип, уровень тревожности), показатели школьной зрелости (внимание, умственная работоспособность, средний балл) [14, с. 91].

Принимая во внимание, что значительная часть этих факторов поддаётся оценке специалистами, работающими в школе (педагоги-психологи, учителя, работающие с несовершеннолетними), представляется целесообразным увеличить взаимодействие с социально-педагогическим составом школ при определении условий труда профессиональных спортсменов моложе 18 лет.

В связи с этим считаем необходимым внести изменения в ст. 314⁹ ТК Республики Беларусь и закрепить необходимостью согласовывать направление несовершеннолетних спортсменов в командировки, привлечение их к сверхурочным работам с социальным педагогом (классным руководителем).

Заключение. В результате проведённого анализа можно заключить, что спорт является неотъемлемой частью общественной жизни, при этом профессиональный спорт в значительной степени регулируется национальным законодательством, а также и на межгосударственном уровне и как следствие такого регулирования является Модельный Закон «О профессиональном спорте», принятый на Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ. Спорт признаётся в качестве профессии в большинстве стран СНГ, что подтверждается применением норм трудового права при регламентации условий деятельности спортсмена. Необходимо отметить, что спорт, будучи неотделимым от социума, подлежит правовому регулированию, которое в свою очередь должно постоянно совершенствоваться.

Литература

1. О Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 54 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2021. – 5/48742.

2. О физической культуре и спорте : Закон Республики Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – 2/2123.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // 100000 слов, терминов и выражений. – М. : Оникс, 2008. – 994 с.
4. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон, 4 дек. 2007 г., № 329-ФЗ : в ред. от 17 апреля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
5. О профессиональном спорте : Модельный закон, постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 31 мая 2007 г., №28-8 // Информационный бюллетень. – 2007. – № 40.
6. Петров, Д. А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Д. А. Петров. – СПб., 2016. – 433 с.
7. Трудовой кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 18 сентября 2017 г. – Минск : Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. – 272 с.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г., № 197-ФЗ (с изм. и доп. по сост. на 05.02.2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.
9. Трудовой кодекс Республики Казахстан : Кодекс Республики Казахстан, 23 нояб. 2015 г., № 414-V (с изм. и доп. на 18.11.2022 г) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2022. – № 13–16. – Ст. 2833.
10. О физической культуре и спорте : Закон Республики Казахстан, 3 июля 2014 г., № 228-V (с изм. и доп. на 27.06.2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2014. – № 14 (2663). – Ст. 85.
11. Хасенов, М. Х. Пробелы и коллизии правового регулирования труда в сфере физической культуры и спорта в Республике Казахстан / М. Х. Хасенов, Р. О. Букенов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. – № 1 (64). – С. 120–132.
12. Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 г., № НО-124 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.parliament.am/legislation>. – Дата доступа : 22.10.2022.
13. О физической культуре и спорте : Закон Республики Армения, 26 июня 2001 г., № ЗР-196 // Официальные ведомости Республики Армения. – 2001. – №24 (156). – Ст. 443.
14. Бондин, В. И. Особенности функционального состояния детей, занимающихся оздоровительной физической культурой и профессиональным фигурным катанием / В. И. Бондин, Е. Г. Сергеева, В. В. Лебедева // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 1-1 (6). – С. 90–96.

УДК 347.426.42:349.225.6

Прекращение трудового договора за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей руководителем организации, его заместителями, главным бухгалтером и его заместителями

Т.В. КОВАЛЁВА

В статье исследуются вопросы прекращения трудового договора за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей руководителем организации, его заместителями, главным бухгалтером и его заместителями, приводится перечень таких грубых нарушений дисциплины труда. Делается вывод о необходимости изменения формулировки указанного основания, а также выделения его в отдельный пункт ч. 1 ст. 47 Трудового кодекса Республики Беларусь для объединения уже существующих оснований прекращения трудового договора, связанных с незаконным привлечением или не привлечением к дисциплинарной ответственности без уважительных причин, а также для разграничения субъектов увольнения, перечень которых в первой части п. 1 ч. 1 ст. 47 шире.

Ключевые слова: руководитель, прекращение трудового договора, однократное грубое нарушение трудовых обязанностей.

The article examines the issues of termination of an employment contract for a single gross violation of labor duties by the head of the organization, his deputies, the chief accountant and his deputies, provides a list of such gross violations of labor discipline. It is concluded that it is necessary to change the wording of this ground, as well as to separate it into a separate paragraph of Part 1 of art. 47 of the Labor Code of the Republic of Belarus for combining already existing grounds for termination of an employment contract related to illegal involvement or non-disciplinary liability without valid reasons, as well as for distinguishing the subjects of dismissal, the list of which is broader in the first part of paragraph 1 of Part 1 of Article 47.

Keywords: supervisor, termination of the employment contract, single gross violation of labor duties.

Законодательством для руководителя организации установлен особый правовой режим, определенный спецификой его трудовой деятельности, который отличается от статуса других работников.

Труд руководителя в целом и прекращение трудового договора в частности рассматривали такие ученые, как О.И. Карпенко [1], А.В. Колосовский [2], В.И. Кривой [3], Л.И. Липень [4], И.Ю. Роголёва [5].

Руководитель организации, согласно ст. 252 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), в силу закона или учредительного документа организации осуществляет руководство организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа [6]. На руководителя возложен ряд функций управленческого, организационного, административно-хозяйственного характера, он вправе единолично принимать решения, касающиеся деятельности организации, в т. ч. в трудовых отношениях. Следует согласиться с И.Ю. Роголевой, что руководитель может причинить организации и нанимателю более значительный ущерб, чем тот, который может быть причинен рядовым работником [5]. Следовательно, необходимо установление определенных рамок поведения руководителя и особой ответственности за нарушение дисциплины труда.

Учитывая указанное выше, для руководителя организации предусмотрены особенности прекращения трудового договора за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей (п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК).

В тоже время, в п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК предусмотрены и другие работники, с которыми может быть прекращен трудовой договор за совершение однократного грубого нарушения трудовых обязанностей: руководитель обособленного подразделения организации; заместитель руководителя организации; главный бухгалтер организации; заместители главного бухгалтера организации.

В п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде» обращено внимание, что указанные лица могут быть уволены из организации любой организационно-правовой формы [7]. В.И. Кривой подчеркивал, что в п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК имеются в виду первые руководители и их заместители любых организаций независимо от формы соб-

ственности (государственная или частная), видов организаций (общества, товарищества, предприятия, кооперативы и др.), а также наименования должности (директор, председатель, начальник, ректор, управляющий и т. п.), в т. ч. с двойными наименованиями (заместитель директора – начальник управления) [3, с. 12–13].

Прекращение трудового договора с иными работниками, в т.ч. занимающими руководящие должности (например, с начальниками отделов), по данному основанию не допускается. В подтверждение этого, В.Э. Самосейко отмечает, что судебная практика не относит главного инженера к категории заместителей руководителя организации. Так, решением районного суда от 19 мая 2014 г. суд удовлетворил иски о восстановлении на работе, поскольку главный инженер не может быть уволен за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей, так как не является руководителем организации (обособленного подразделения) и его заместителем [8].

О.И. Карпенко, анализируя трудовое законодательство Российской Федерации, обращала внимание, что работодательские функции могут осуществлять не только руководитель организации, но и главные специалисты, руководители структурных подразделений. Нарушения законодательства о труде допускают чаще всего представители работодателя, которым дано право выполнения властно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в организациях [1, с. 23]. Несмотря на то, что указанные лица были включены в перечень лиц, подлежащих дисциплинарной ответственности за нарушения законодательства о труде наряду с руководителем (ст. 195 Трудового кодекса Российской Федерации), однако прекращение трудового договора за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей с ними не допускается по п. 10 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации [9].

С нашей точки зрения, ужесточение ответственности для главных специалистов, руководителей структурных подразделений не требуется, т. к. данные категории работников подчиняются непосредственно руководителю организации и вправе принимать решение только с его ведома.

В законодательстве не определено, что должно считаться однократным грубым нарушением трудовых обязанностей для прекращения трудового договора по данному основанию. В отличие от п. 7 ч. 1 ст. 42 ТК, где приводится перечень случаев однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей, как указывают отдельные авторы, законодатель использует лишь оценочные категории, что дает возможность нанимателю достаточно широко толковать правила увольнения по указанному основанию [3, с. 11], [4, с. 455].

А.В. Колосовский предлагает следующее определение грубого нарушения трудовых обязанностей руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями – неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных на этих лиц обязанностей по трудовому договору, иных нормативных правовых актов, которое могло повлечь либо повлекло причинение вреда здоровью и (или) имуществу работников либо причинение имущественного ущерба иным субъектам [2].

И.О. Ворончук называет факторы, влекущие признание конкретного нарушения грубым для целей расторжения трудового договора:

- значимость нарушаемых руководителем организации положений;
- специфика субъективной стороны имевшего место нарушения;
- наличие негативных последствий, находящихся в прямой причинной связи с нарушением и выразившихся в имущественном, организационном и ином ущербе [10, с. 41–42].

Проведя анализ норм действующего законодательства, судебной практики, а также мнений ряда ученых можно выделить следующие однократные грубые нарушения трудовых обязанностей, за которые допускается прекращение трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК:

1) неисполнение Конституции Республики Беларусь, решений Президента Республики Беларусь, законов Республики Беларусь, постановлений Совета Министров Республики Беларусь и судебных постановлений при осуществлении должностных обязанностей [11];

2) необеспечение выполнения им требований по производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплине, по содержанию производственных зданий (помещений), оборудования и приспособлений; по надлежащим условиям труда работников; сокрытие (подмена) основания увольнения работника при наличии основания для его увольнения за совершение виновных действий [12];

3) несоблюдение порядка назначения на руководящие должности лиц, уволенных по дискредитирующим обстоятельствам, выдача кандидатам на руководящую должность характеристик, содержащих заведомо недостоверную информацию, а также отказ в выдаче или нарушение сроков выдачи характеристик [13];

4) превышение полномочий, предоставленных руководителю согласно законодательству, Уставу или контракту, заключенному с ним, причинившее организации финансовые потери; заключение от имени организации фиктивных или мнимых сделок [14].

Л.И. Липень подчеркивает, что в каждом конкретном случае необходимо давать социальную и правовую оценку, насколько нарушения законодательства были грубыми и возможно ли за эти нарушения расторжение трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК [4, с. 455]. Р.И. Филипчик и Н.И. Филипчик обращают внимание, что указанные выше грубые нарушения могут быть применены только к руководителям [15];

5) нарушения финансовой дисциплины, вследствие которых нанимателю причиняется значительный ущерб; необеспечение соблюдения правил охраны труда, повлекшее крупные аварии, увечья или смерть работников; ложное банкротство, преднамеренное банкротство, сокрытие банкротства или срыва возмещения убытков кредиторам [3, с. 11, 13].

Анализируя российскую судебную практику по делам об увольнении данной категории работников, В.В. Кузнецова приводит примеры таких грубых нарушений:

- неправомерное изъятие и удержание учредительных документов общества;
- установление в деятельности организации практики отсутствия контроля и реагирования на грубые нарушения;
- длительное непринятие должных мер по обеспечению транспортной безопасности в организации;
- нарушение финансовой дисциплины в части порядка распоряжения денежными средствами организации;
- превышение работником своих служебных полномочий и (или) использование их в корыстных целях [16, с. 110–111]. Данные примеры с учетом конкретных обстоятельств дела могут быть взяты за основу для определения грубости нарушений и в Республике Беларусь.

Несмотря на отсутствие перечня однократных грубых нарушений трудовых обязанностей, в формулировке п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК отдельно выделяются такие грубые нарушения, как сокрытие фактов нарушения работниками трудовых обязанностей; непривлечение без уважительных причин виновных лиц к установленной законодательством ответственности за такие нарушения. Содержание данного основания указывает на обязательность применения мер дисциплинарной ответственности к работникам, нарушившим дисциплину труда.

Следует отметить, что имеется взаимосвязь между п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК и п. 10 ч. 1 ст. 42 ТК, в которых речь идет о привлечении или не привлечении работников к ответственности, в т. ч. дисциплинарной и материальной.

В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 42 ТК наниматель вправе расторгнуть трудовой договор с работником в случае незаконного привлечения к ответственности граждан и юридических лиц. В норме не конкретизируется, к какому именно виду ответственности необходимо незаконно привлечь гражданина или юридическое лицо. По мнению Р.И. Филипчик, Н.И. Филипчик, законодатель имел ввиду незаконное привлечение именно к юридической ответственности [15], а не к иным видам социальной ответственности (моральной, политической, общественной, гражданской, профессиональной и др.). Как указывала Е.В. Родионова в большинстве случаев социальная ответственность реализуется за счет самоконтроля, а в нормативно-правовых актах конкретно и детально должны определяться условия возникновения и прекращения ответственности, ибо она связана с государственным принуждением, что является важным признаком, отличающим юридическую ответственность от моральной и общественной ответственности [17].

Увольнение по п. 10 ч. 1 ст. 42 ТК допускается только в отношении работника, который наделен полномочиями привлечения к ответственности граждан и юридических лиц. В зависимости от вида ответственности различают лиц, которые вправе привлекать к ней: к дисциплинарной – орган (руководитель), которому предоставлено право приема и увольнения работников, либо по его поручению иному органу (руководителю) (ст. 201 ТК); к материальной –

уполномоченное должностное лицо нанимателя или суд (ст. 408 ТК); к гражданско-правовой – суд (глава 58 Гражданского кодекса Республики Беларусь [18]); к уголовной – суд (ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь [19]); к административной – перечень субъектов достаточно широк, в частности, суд, органы внутренних дел, налоговые органы, Национальный банк Республики Беларусь (ст. 3.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [20]). Таким образом, в большинстве случаев к ответственности привлекаются работники, наделенные определенным статусом, для которых действует специальное законодательство.

Согласно ст. 91 и 92 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности судьи является нарушение требований законодательства при осуществлении правосудия, к которому можно отнести и незаконное привлечение к ответственности, а мерой дисциплинарной ответственности может служить освобождение от должности [21]. Таким образом, в случае незаконного привлечения к ответственности судья будет уволен в соответствии со специальным законодательством, а не по нормам ТК.

Привлечение к ответственности допускается как граждан, так и юридических лиц. Однако организацию можно привлечь к административной, а также к материальной ответственности за вред, причиненный работнику, а как было указано ранее, это входит в компетенцию, по общему правилу, суда, государственных служащих или уполномоченных государственных органов, для которых действует специальное законодательство.

Таким образом, следует согласиться с Е.В. Гадлевской, которая считает, что по данному основанию могут быть уволены лица, уполномоченные на привлечение других работников к дисциплинарной и (или) материальной ответственности, в случае незаконного привлечения работников к указанной ответственности [22], т. к. в случаях незаконного привлечения к иным видам юридической ответственности в отношении уполномоченных должностных лиц или суда будет применяться иное законодательство, но не трудовое [23, с. 133–136.].

Привлечь к дисциплинарной или материальной ответственности вправе только лица, указанные в ст. 201 ТК, т. е. орган (руководитель), которому предоставлено право приема и увольнения работников, либо по его поручению иному органу (руководителю). В п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК также увольнение за сокрытие фактов нарушения работниками трудовых обязанностей либо непривлечения без уважительных причин виновных лиц к установленной законодательством ответственности за такие нарушения допускается в отношении руководителя организации.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным объединение данных положений в один пункт, дополнив ч. 1 ст. 47 ТК пунктом 1-3 следующего содержания:

«1-3) незаконного привлечения руководителем организации или уполномоченным должностным лицом нанимателя к дисциплинарной или материальной ответственности работника, а также сокрытие фактов нарушения работниками трудовых обязанностей либо непривлечение без уважительных причин виновных лиц к установленной законодательством ответственности за такие нарушения».

Данное изменение объединяет уже существующие основания прекращения трудового договора в отдельный пункт в зависимости от конкретных видов проступков, а также разграничивает субъектов увольнения, перечень которых в первой части п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК шире.

В связи с указанным дополнением ст. 47 ТК требуется исключение п. 10 ст. 42 ТК.

Так как данное основание прекращения трудового договора в предложенной редакции относится к мере дисциплинарного взыскания, необходимо внести дополнение п. 1-3 ч. 1 ст. 47 ТК в п. 4 ч. 1 ст. 198 ТК.

Литература

1. Карпенко, О. И. Дисциплинарная ответственность работника в трудовом праве: понятие и виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / О. И. Карпенко. – М., 2003. – 35 с.
2. Колосовский, А. В. Эффективность правового регулирования дисциплинарной и материальной ответственности [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. В. Колосовский ; Челябинский Государственный ун-т // Law Theses. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/effektivnost-pravovogo-regulirovaniya-distiplinarnoy-i-materialnoy-otvetstvennosti>. – Дата доступа : 15.04.2021.

3. Кривой, В. И. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь для профессионалов в 40 выпусках / Под ред. В. И. Кривого. – Могилев : Могилев. обл. укруп. тип., 2007. – Вып. 6. – 228 с.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь : в 2 т. / Коллектив авторов ; под общ. ред. Л. И. Липень. – Минск : Амалфея, 2020. – Т. 1. – 896 с.
5. Рогалева, И. Ю. Дифференциация норм трудового права [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / И. Ю. Рогалева ; Российская академия правосудия // Law Theses. – Режим доступа : <https://lawtheses.com/differentsiatsiya-norm-trudovogo-prava>. – Дата доступа : 29.03.2022.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2001 г., № 2 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 28.06.2012 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. Самосейко, В. Э. Заместитель директора или менеджер? Или есть еще варианты? / В. Э. Самосейко [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : в ред. Федер. Закона от 15.07.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
10. Ворончук, И. О. Судебная практика по делам о прекращении трудового договора с руководителем организации / И. О. Ворончук // Трудовое и социальное право. – 2012. – № 3 (3). – С. 40–43.
11. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 09.04.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
12. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014, № 5 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 12.10.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
13. Привалов, Ю. А. О некоторых вопросах дисциплинарной ответственности работников [Электронный ресурс] / Ю. А. Привалов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
14. Томашевский, К. Л. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде» : основные новеллы [Электронный ресурс] / К. Л. Томашевский // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
15. Филипчик, Р. И. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь. Раздел II. Общие правила регулирования индивидуальных трудовых и связанных с ними отношений. Глава 4. Прекращение трудового договора (статьи 35–52) [Электронный ресурс] / Р. И. Филипчик, Н. И. Филипчик // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
16. Кузнецова, В. В. Особенности прекращения трудового договора с руководителем организации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / В. В. Кузнецова. – М., 2015. – 212 л.
17. Родионова, Е. В. Юридическая ответственность, как разновидность социальной ответственности: современные проблемы [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. В. Родионова ; Академия управления МВД России // Law Theses. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/yuridicheskaya-otvetstvennost-kak-raznovidnost-sotsialnoy-otvetstvennosti-sovremennye-problemy#ixzz6pq8EJCfY>. – Дата доступа : 15.03.2021.
18. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
19. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

20. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 января 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

21. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Республики 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

22. Гадлевская, Е. В. Особенности прекращения трудового договора с работниками, работающими по контракту [Электронный ресурс] / Е. В. Гадлевская // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

23. Ковалёва, Т. В. Расторжение трудового договора в случае незаконного привлечения к ответственности граждан и юридических лиц / Т. В. Ковалёва // Актуальні питання юриспруденції : теоретичний та практичний виміри : матеріали Четвертої Міжнародної науково-практичної конференції, Суми, 23 квітня 2020 р. – Суми, 2021. – С. 133–136.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 22.06.2022

Некоторые вопросы оценки доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь

В.В. Конин¹, Е.В. Марковичева², И.И. Эсмантович³

В статье рассматриваются нормативные подходы законодателя и правоприменителя к оценке доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь. Авторами, с использованием метода сравнительного анализа, рассматриваются отдельные законодательные и правоприменительные проблемы оценки доказательств в российском и белорусском уголовном процессе и позитивно оценивается ряд уголовно-процессуальных норм, регулирующих уголовное судопроизводство в Республике Беларусь.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, доказывание, доказательства, допустимость доказательств, оценка доказательств.

The article discusses the normative approaches of the legislator and law enforcement officer to the assessment of evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The authors, using the method of comparative analysis, consider certain legislative and law enforcement problems of evaluating evidence in Russian and Belarusian criminal proceedings, and positively assess a number of criminal procedural norms regulating criminal proceedings in the Republic of Belarus.

Keywords: criminal proceedings, principles of criminal procedure, proof, evidence, admissibility of evidence, evaluation of evidence.

Уголовно-процессуальное доказывание представляет собой особый вид познавательной деятельности, в значительной степени определяющий специфику уголовного судопроизводства. Процесс доказывания в различных уголовно-процессуальных стадиях и производствах характеризуется рядом особенностей, связанных с теми или иными стандартами доказывания.

Хотя правовое регулирование доказывания в рамках производства по уголовному делу является необходимой предпосылкой безошибочной правоприменительной деятельности, в силу определенных правовых традиций целый ряд вопросов в современном российском уголовном процессе урегулирован с недостаточной степенью детализации и конкретизации. Отметим, что при этом многие вопросы доказательственного права получили продуктивную разработку в теории уголовно-процессуального права. Но разработанные доктринальные подходы не всегда учитываются субъектами законодательных инициатив и законодательной деятельности. По этой причине значимым видится исследование некоторых подходов, сложившихся и получивших нормативное закрепление применительно к уголовно-процессуальному доказыванию в Республике Беларусь.

Понимая объемность проблематики доказывания, авторы данной статьи считают необходимым остановиться лишь на некоторых аспектах оценки уголовно-процессуальных доказательств, поскольку данные вопросы имеют особое значение как для обеспечения прав участников процесса, так и для отправления правосудия по уголовным делам в целом. Отметим, что в компаративистском контексте эти вопросы исследовались чаще при раскрытии различий в подходах к доказыванию в системах континентального и общего права [1].

В российском уголовном процессе деятельность, направленная на оценку доказательств, опирается на общую систему конституционных и уголовно-процессуальных принципов, в первую очередь, на положения ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2], закрепляющие свободу оценки доказательств. Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал на значимость данного принципа для правоприменительной деятельности, поскольку «часть первая статьи 17 УПК Российской Федерации, предписывая осуществлять оценку доказательств по внутреннему убеждению, не содержит каких-либо положений, допускающих произвольную оценку доказательств. Напротив, в ней в качестве принципа такой оценки закрепляется адресованное судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю требование не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие необоснованных решений» [3]. Реализация данного принципа в уголовном судопроизводстве

позволяет органично связывать иные принципы и обеспечивать как публичные, так и частные правовые интересы, одновременно выступая важнейшей правовой гарантией прав участник уголовного судопроизводства. Сама по себе такая конструкция предполагает определенные правовые разрешения и правовые запреты, в частности, связанные с реализацией полномочий должностных лиц, допустимостью тех или иных доказательств, исключением постановления необоснованных и незаконных судебных решений [4].

Системный анализ норм, закрепленных в ст. 17 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), позволяет дать следующую характеристику легальному подходу к оценке доказательств в уголовном процессе современной России.

Во-первых, нельзя не обратить внимание на конструкцию и содержание именно ст. 17 УПК РФ, как раскрывающей значение и сущность уголовно-процессуального принципа свободы оценки доказательств. Первая часть статьи раскрывает содержание данного принципа, а вторая закрепляет императивный запрет на предустановленность юридической силы какого-либо доказательства. Примечательно, что в содержание принципа российский законодатель включил две группы элементов: 1) субъектов, наделенных правом оценки доказательств и 2) собственно правила оценки. Обратим внимание и на то, что круг субъектов, указанных в ч. 1 ст. 17 УПК РФ не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию. Например, упоминание в тексте статьи именно «судьи» не исключает применения данного принципа к случаям не единоличного, а коллегиального рассмотрения судов уголовных дел. Поскольку анализируемые нормы отнесены законодателем к числу уголовно-процессуальных принципов, логично предположить их применимость в подавляющем большинстве стадий уголовного судопроизводства: от стадии возбуждения уголовного дела до производства в судах проверочных инстанций. Справедливости ради, отметим, что детализация данного принципа применительно к различным стадиям и производствам носит скорее диспропорциональный характер, в связи с чем очень много вопросов возникает относительно доказывания в стадии возбуждения уголовного дела [5].

Что же касается правил оценки доказательств, то здесь закрепляются не собственно правовые, а скорее нравственно-правовые критерии оценки, которые и должны образовать базовый стержень стандартов доказывания. Хотя данная идея и вызывает споры и неприятие сторонников восприятия уголовно-процессуального закона с точки зрения сугубо утилитарных и технологических подходов, но не вдаваясь здесь в такую дискуссию, лишь отметим, что сложно не согласиться с теми исследователями, которые считают, «что мерило современного уровня правосознания и правоприменения в обществе – это нравственность. Многогранная деятельность следователя, прокурора и судьи, регулируемая нормами уголовно-процессуального законодательства, в то же время не может не опираться на нормы и требования нравственности, сформировавшиеся в обществе на основе представлений о справедливости и порядочности, о добре и зле. Для уголовного судопроизводства формирование законодательства и правоприменительной практики на основе норм нравственности и морали имеет особое значение в силу того, что данный вид государственной деятельности связан с вторжением в личную жизнь граждан, применением мер принуждения, возможностью ограничения конституционных прав и свобод личности» [6, с. 573].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь принципиальные подходы к оценке доказательств получили легальное закрепление в двух взаимосвязанных статьях: ст. 18 «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела» и ст. 19 «Оценка доказательств по внутреннему убеждению». Их положения взаимосвязаны и заслуживают внимания, поскольку оценка доказательств должна быть проведена надлежащими субъектами уголовно-процессуальной деятельности не просто на основе внутреннего убеждения, и именно на основе того внутреннего убеждения, которое должно быть основано «на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности». Таким образом, в рамках такой конструкции удалось органично увязать нравственно-правовую составляющую оценки, связанную с уровнем правосознания субъекта, наличием или отсутствием его профессиональных деформаций и других факторов, и собственно юридический компонент, обеспечивающий обоснованность и законность процессуальных решений, так или иначе связанных с доказыванием. Российское уголовно-процессуальное законодательство утратило в процессе своей эволюции аналогичные требования применительно к доказательственной деятельности, как не вписывающиеся в новую нормативную конструкцию, так как «разработчики УПК рассматривали требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как антагонистическое

по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности» [7, с. 19]. В науке уголовно-процессуального права вокруг этого вопроса идет перманентная дискуссия, которая, однако, не приводит к каким-то изменениям в нормативном регулировании.

Уголовно-процессуальная оценка доказательств подразумевает установление как параметров такой оценки, так и черт, позволяющих правоприменителю успешно дифференцировать собственно доказательства от иных источников информации, которые могут быть отнесены к доказательствам при соблюдении ряда условий и с существенными оговорками. То есть для правоприменителя важно найти ответ на два вопроса: 1) по каким правилам оценивать доказательства; 2) что отвечает критерию «доказательство». Российское уголовно-процессуальное законодательство закрепляет легальный перечень источников доказательств. С практической точки зрения важным является то, что в него не вошли те результаты оперативно-розыскной деятельности, которые не прошли соответствующую уголовно-процессуальную легализацию. К сожалению, практика судов проверочных инстанций свидетельствует, что такой алгоритм бывает достаточно сложным для правоприменителя [8].

В то же время ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [9] определяет, что «доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела». Более широким является и перечень источников доказательств, в качестве которых указаны «показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, в том числе их звуко- и видеозапись; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний, протоколы судебных заседаний, материалы оперативно-розыскной деятельности, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом».

Таким образом, можно говорить о достаточно важном отличии современного уголовного процесса Республики Беларусь от российского: об отнесении к доказательствам материалов оперативно-розыскной деятельности. Статья 89 УПК РФ устанавливает достаточно жесткий запрет на использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают ряду требований, предъявляемых к уголовно-процессуальным доказательствам. В правоприменительной деятельности весьма актуальными являются вопросы проверяемости и подтверждаемости результатов оперативно-розыскной деятельности. Проверяемость и подтверждаемость информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий, могут быть существенно затруднены, так как нередко легализовать информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела без раскрытия источника не возможно, а источник раскрывать нельзя, поскольку это может повлечь за собой иные значимые негативные последствия. В таких ситуациях информация, порученная оперативно-розыскным путем, приобретает характер не доказательственной, а лишь ориентирующей. При этом не исключено, что информация, полученная в результате производства оперативно-розыскных мероприятий, будет иметь значение не для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, а для установления данных, имеющих значение для дальнейшего расследования уголовного дела.

В этой связи позиция белорусского законодателя заслуживает дополнительного изучения и осмысления. Но, отметим и то, что в процессе естественной эволюции современного российского уголовно-процессуального законодательства, произошла естественная трансформация тех действий, которые ранее носили исключительно характер оперативно-розыскных в следственные. Например, это в полной мере относится к таким следственным действиям как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) или получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). В любом случае, такие действия в российском уголовном процессе существенно ограничивают конституционные права и могут быть проведены с обязательным соблюдением требования судебного санкционирования, тогда как ст. 214 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предусматривает производство не судебного, а ведомственного контроля. Отметим и то, что в Республике Беларусь применение данного следственного действия ограничивается и материально-правовыми основаниями, – тяжестью преступления, что позволяет проводить его исключительно по тяжким и особо тяжким преступлениям, в то время как российское законодательство позволяет производить контроль и запись переговоров по преступлениям средней тяжести.

Российский правоприменитель пытается в ряде случаев решить задачу легализации результатов оперативно-розыскной деятельности через такой источник доказательств, как «иные документы». Например, информация, полученная при контроле и записи переговоров, если она имеет отношение к расследуемому уголовному делу, может быть легализована в качестве иного документа. Однако получение, исследование и оценка такого доказательства должны отвечать общим правилам доказательственной деятельности. В этом аспекте заслуживает внимания и конструкция белорусского уголовно-процессуального закона, не допускающая превращения категории «иные документы» в излишне гуттаперчевую.

Вопрос оценки доказательств – это всегда вопрос критериев оценки. Статья 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь достаточно детально определяет те критерии, которым должны отвечать доказательства, и предпринимает продуктивную попытку описания данных критериев. В российском уголовном процессе, по свидетельству ряда исследователей, произошло онтологическое сращивание таких критериев, как «допустимость» и «достоверность», если не на уровне законодательства, то на уровне правоприменения [10].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что изучение особенностей нормативного регулирования процессуальной деятельности по оценке уголовно-процессуальных доказательств является значимым и для развития российского уголовного процесса, и для обсуждения перспективных направлений развития доказательственного права.

Литература

1. Николаева, Т. Г. Допустимость доказательств в зарубежном уголовном процессе / Т. Г. Николаева, С. Д. Шестакова, С. А. Роганов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2 (54). – С. 103–108.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // КонсультантПлюс. Россия. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 225-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевякова Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Россия. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
4. Вилкова, Т. Ю. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве : правовые основы, содержание, гарантии / Т. Ю. Вилкова // Право и политика. – 2015. – № 7. – С. 1008–1020.
5. Конин, В. В. Тактико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки заявлений и сообщений в рамках стадии возбуждения уголовного дела / В. В. Конин, Е. В. Марьина // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (14). – С. 116–130.
6. Манова, Н. С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности / Н. С. Манова, М. А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 45. – С. 564–593.
7. Романов, С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования / С. В. Романов // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. – 2008. – № 1. – С. 18–37.
8. Качалова, О. В. Рапорт об обнаружении признаков преступления не является доказательством виновности / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2021. – № 5 (197). – С. 8.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г., № 295-З. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа : 10.06.2022.
10. Капустина, Л. К. Оценка допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве / Л. К. Капустина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 113–118.

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

²Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

³Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Общественный контроль как способ обеспечения реализации публичных услуг

Л.А. КРАСНОБАЕВА

Административно-публичная деятельность предполагает активное взаимодействие с гражданами и субъектами гражданского общества. Основной целью данной работы является исследование сущности общественного контроля и его роли в формировании гражданского общества. Уделяется внимание системе независимой оценки качества публичных услуг, определяются критерии оценки условий предоставления публичных услуг. Гипотеза данного исследования состоит в том, что существенным признаком обеспечения реализации публичных услуг является возможность проявления инициативы гражданами в публично-правовой сфере непосредственно оказывать влияние на органы государственного управления путем реализации контрольных мероприятий.

Ключевые слова: гражданин, независимая оценка качества, общественный контроль, общественный мониторинг, органы государственного управления, публичные услуги.

Administrative and public activities involve active interaction with citizens and subjects of civil society. The main purpose of this work is to study the essence of public control and its role in the formation of civil society. The attention is paid to the system of independent assessment of the quality of public services, the criteria for assessing the conditions for the provision of public services are determined. The hypothesis of this study is that the essential feature of ensuring the implementation of public services is the possibility of citizens' initiative in the public legal sphere to directly influence public administration bodies through the implementation of control measures.

Keywords: citizen, independent quality assessment, public control, public monitoring, government bodies, public services.

Реализация публичных услуг как необходимой функции административно-публичной деятельности [1], [2] предполагает использование комплексного подхода, эффективность которого определяется целостностью способов и инструментов при осуществлении контроля за их оказанием. С методологической точки зрения, необходимо определить совокупность механизмов и критериев оценки результативности принимаемых мер и определить условия, при которых те или иные инструменты могут быть применимы при осуществлении контроля.

По мнению И.И. Филатовой, «гражданский (или общественный) контроль представляет собой систему мероприятий и мер, осуществляемых по инициативе граждан, направленных на улучшение качества разрабатываемых, принимаемых и реализуемых властных решений, повышение эффективности деятельности органов публичной власти с целью соблюдения общепризнанных норм международного права и национального законодательства указанными органами, организациями и их должностными лицами» [3, с. 45]. В.В. Гончаров определяет общественный контроль как «механизм осуществления обществом в целом, или его отдельными индивидами учёта и оценки формирования и функционирования общественных институтов, включая государственную власть, с целью оптимизации их деятельности, выступающий в роли индикатора определения эффективности и результативности данного воздействия» [4, с. 72]. По мнению автора, «только посредством его осуществления формируются стандарты правомерной деятельности как самого общества, так и отдельных его индивидов, групп и институтов [4, с. 72].

Сегодня без ориентации на общественные интересы невозможно полноценное государственное регулирование общественных отношений, а действенный гражданский контрольный механизм обеспечивает легитимность власти, социальную ориентацию государства и стабильность всей политической системы [5, с. 6].

Как справедливо отмечает А.Н. Крамник, «у субъектов общественного контроля значительно меньше возможностей знакомиться с деятельностью органов исполнительной власти и других объектов контроля и воздействовать на них». С точки зрения ученого «общественный контроль – это такой вид контроля за субъектами управленческого права, который осуществляется общественными объединениями, их членами и гражданами не от имени государства» [6, с. 292].

В юридической науке не сформировано единого подхода к определению общественного контроля. Его правовая природа обусловлена тем, что он исследуется в различных отраслях права – конституционном, административном, финансовом, экологическом, налоговом и, по-прежнему, спорным остается вопрос о роли граждан как субъекта осуществления общественного контроля. Современный этап развития науки конституционного права характеризуется активным исследованием вопросов как участия граждан в управлении делами государства как одного из составных элементов конституционного строя Республики Беларусь (Г.А. Василевич, А.Г. Тиковенко, Л.М. Рябцев, О.И. Чуприс), так и как проявления деятельности гражданского общества в системе местного самоуправления (И.И. Эсмантович, Е.И. Эсмантович, И.В. Шахновская). В то же время не проводятся исследования и не наблюдается системности в решении теоретических и практических вопросов, связанных с развитием института публичных услуг и роли граждан в осуществлении оценки их качества.

Общественная оценка качества условий оказания публичных (государственных) услуг представляет собой систему, содержащую сформированный инструментарий мониторинга, сбора и анализа данных, а также механизмы взаимодействия с потребителями услуг. Одним из инструментов выявления общественного мнения об успешности реализации публичных услуг может выступить *система независимой оценки качества* условий оказания услуг организациями в социальной сфере, сформированная местными органами государственного управления и местного самоуправления участием общественных организаций. Указанная система может представлять собой не только новый институт общественной оценки услуг, оценки работы организаций в целом, но и стать одной из форм общественного контроля, предусмотренной Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510). На взгляд автора, общественными организациями в данном случае могут и должны выступать профессиональные союзы и их структурные подразделения.

В настоящее время общественный контроль осуществляется профессиональными союзами в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 6 мая 2010 г. № 240 «Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами» только в отношении трудовых и социально-экономических прав граждан. Формами контроля на основе принципов социального партнерства и законности выступают проведение проверок и мониторинг. Под проверкой понимается совокупность мероприятий, проводимых в отношении контролируемых субъектов, где работают члены соответствующего профсоюза. Указом № 510 мониторинг отнесен к мерам профилактического и предупредительного характера. То есть по существу, направлен на предупреждение правонарушений, и в случае установления таковых в ходе его проведения субъекту предоставляется возможность их устранения. Необходимо иметь в виду, что осуществление общественного контроля физическими лицами в Республике Беларусь запрещается.

В ранее действующей редакции Жилищного Кодекса от 28 августа 2012 г. № 428-3 «общественный контроль в области жилищных отношений осуществлялся профессиональными союзами в форме проведения мониторинга». В действующем Жилищном Кодексе в редакции от 30 декабря 2022 г. с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 6 января 2023 г., «контроль за соблюдением жилищного законодательства осуществляется областными, Минским городским, районными, городскими исполнительными комитетами, местными администрациями районов в городах, а анализ жилищного законодательства может осуществляться общественными комиссиями при местных исполнительных и распорядительных органах, иных государственных органах, других организациях.

Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 (ред. от 5 января 2022 г.) «О защите прав потребителей» предоставляет гражданам возможность объединяться на добровольной основе в общественные объединения потребителей, которые в свою очередь наделены правом участвовать в разработке проектов нормативных документов, устанавливающих требования к качеству услуги; изучать потребительские свойства услуг, спрос на них, проводить опросы населения для выявления общественного мнения о качестве оказываемых услуг; вносить в республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы предложения о мерах по повышению качества услуг, направлять в государственные органы в соответствии с их компетенцией материалы для привлечения к ответственности лиц, виновных в оказании услуг, не соответствующих установленным тре-

бованиям к качеству. Тем не менее, следует учитывать, что действие Закона «О защите прав потребителей» распространяется на гражданско-правовые отношения, обусловленные договорами энергоснабжения, возмездного оказания услуг и иных подобных договоров, имеют частноправовой характер и на сферу публичной власти не распространяются.

Признавая тот факт, что институт административного договора обладает огромным практическим значением, а также соответствующей теоретической разработанностью в Российской Федерации, Германии, Франции и иных странах, отметим, что в отечественном управленческом праве договорный порядок урегулирования административных отношений продолжает оставаться неизученным и неразработанным явлением. В этой связи целесообразно было бы нормативно закрепить сущность и виды административных договоров как рамочных ориентиров для потребителей публичных услуг [7].

С авторской позиции, принципами общественного контроля за оказанием публичных услуг являются публичность [8, с. 472] и независимость оценки качества услуги, обеспечиваемые участием самих граждан и профессиональными союзами, выражающими мнение и интересы получателей услуг. Возможно заимствовать опыт Российской Федерации, где в структуру местных органов введен институт независимых экспертов по проведению независимой оценки качества услуг. В частности, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепил за органами местного самоуправления городского, сельского поселения право на создание условий для организации проведения независимой оценки качества услуг организациями. Нормативно-правовыми актами установлена стандартизированная процедура проведения оценки качества, разработаны методические документы выявления и обобщения мнения граждан о качестве условий оказания услуг, определены общие критерии и показатели оценки качества, учитывающие особенности деятельности по оказанию населению услуг организациями различных отраслей социальной сферы. Например, Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 октября 2018 г. № 675 утверждена «Методика выявления и обобщения мнения граждан о качестве условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы». Данная Методика разработана в целях определения удовлетворенности граждан, являющихся получателями услуг социальной сферы и условиями оказания услуг организациями. В качестве основного метода выявления мнения получателей услуг, применяется опрос, который осуществляется в следующих формах: анкетирование получателей услуг (в том числе онлайн анкетирование, размещенное на официальном сайте организации социальной сферы); интервьюирование получателей услуг; телефонный опрос получателей услуг.

Критериями оценки условий предоставления публичных услуг, на наш взгляд, могут служить открытость и доступность информации об организации, комфортность условий предоставления услуг, доступность услуг для лиц с ограниченными возможностями, удовлетворенность условиями оказания услуг.

Принимая во внимание, что одной из форм реализации публичных услуг является осуществление административных процедур, обратимся к анализу ст. 45 Закона Республики Беларусь 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур». Правовой акт четко оговаривает, что только государственные органы в пределах своей компетенции осуществляют контроль за осуществлением административных процедур, то есть можно констатировать, что законодатель устанавливает исключительно единственный вид контроля – государственный. Данный вид контроля не может осуществляться любым заинтересованным лицом: гражданином, индивидуальным предпринимателем. Тем не менее если при оказании государственной услуги нарушены права, то гражданин имеет возможность обратиться в прокуратуру, одной из задач которой является контроль за соблюдением законодательства.

Для сравнения обратимся к законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации в области государственных услуг, где регламентируются как государственный контроль, так и порядок осуществления общественного контроля. Согласно ст. 27 Закона Республики Казахстан от 15 апреля 2013 г. № 88-V «О государственных услугах», «объектом государственного контроля за качеством оказания государственных услуг является деятельность в сфере оказания государственных услуг центральных и местных государственных органов, а также физических и юридических лиц, оказывающих государственные услуги». Законом предусмотрена возможность проведения общественного мониторинга качества оказания государственных ус-

луг, осуществляемого как физическими лицами, так и некоммерческими организациями по собственной инициативе и за свой счет. Предусмотрена возможность его осуществления по государственному социальному заказу. Позитивным является и тот факт, что предусмотрена четкая процедура его осуществления и составления заключения с рекомендациями по устранению выявленных фактов несоблюдения законодательства в сфере оказания государственных услуг; предложений по повышению качества оказания государственных услуг и/или по внесению изменений и дополнений в подзаконные нормативные правовые акты, определяющие порядок оказания государственных услуг. Обратим внимание, что критерии оценки качества оказания общественно значимых услуг устанавливаются в рамках социологических исследований. Отметим, что в Казахстане успешно функционирует система управления государственными услугами в лице Государственной корпорация «Правительство для граждан», а Уполномоченный орган по оценке и контролю за качеством оказания государственных услуг – это центральный государственный орган, осуществляющий в пределах своей компетенции деятельность по оценке и контролю за качеством оказания государственных услуг.

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» устанавливает правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций. Граждане Российской Федерации вправе участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ предписывает, что предоставление государственных и муниципальных услуг осуществляется в соответствии с административными регламентами, структура которого обязательно должна содержать раздел, посвященный формам контроля. Контроль за полнотой и качеством предоставления государственной услуги включает в себя проведение проверок, выявление и устранение нарушений прав заявителей, принятие решений и подготовку ответов на их обращения, содержащие жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц и иных сотрудников, а также общественный мониторинг.

Отсутствие законодательного акта, посвященного общественному контролю в Республике Беларусь, не служит основанием полагать, что граждане лишены права контролировать деятельность государственных органов. Так, опосредованной формой реализации общественного контроля белорусскими гражданами может служить право граждан на обращения, предусмотренное Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Как верно указывает заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь О.И. Чуприс, «Благодаря реализации данного права обеспечивается взаимодействие органов государственной власти и общества, осуществляется управление делами государства, поддерживается законность и дисциплина, вычлняются проблемные зоны в работе. Осуществляется поиск путей их устранения и повышения эффективности в деятельности государственных органов» [9, с. 126].

Отметим, что Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы предполагается ввести институт независимой оценки качества высшего образования. Полагаем, что подобного рода институты могут быть введены во всех сферах социальной жизни. В отношении публичных прав институт независимой оценки качества деятельности государственных органов, может осуществляться на платформе Национального центра электронных услуг в форме онлайн-опросов, как самостоятельный этап окончания предоставления электронной услуги. Речь идет о создании системы аналогичной российской «Ваш контроль» [10], основная задача которой заключается в получении и обобщении сведений, предоставляемых населением по вопросу оценки и контроля качества государственных услуг, оказываемых на органы власти на всей территории Российской Федерации. «Ваш контроль» аккумулирует и обобщает все отзывы и ежеквартально формирует сводные оценки по каждому ведомству, которые направляются затем в федеральные органы исполнительной власти. Последние на этой основе принимают соответствующие меры – вплоть до принятия решения о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей [11, с. 328]. Возможно использовать и инструментарий технологии блокчейна в общественном контроле, примером может послужить проект города Москвы «Активный гражданин» [12].

В заключение хотелось бы отметить, что независимая оценка качества предоставления публичных услуг как форма общественного контроля может создать условия для решения общественных проблем и выступить действенным инструментом повышения эффективности и транспарентности в деятельности органов государственной власти. Данный институт является одним из направлений формирования подлинного гражданского общества, основанного на реализации конституционных прав граждан.

Под общественным контролем следует понимать деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемую в целях анализа, оценки и наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного управления и самоуправления, государственных организаций, реализующих в пределах своей компетенции публичные услуги.

Проведение государственного и общественного контроля за качеством оказания публичных услуг, оценки и общественного мониторинга качества оказания публичных услуг должно основываться на принципах законности, беспристрастности, достоверности, всесторонности и прозрачности. Следует учитывать и тенденции влияния цифровой трансформации на процессы реализации государственного и общественного контроля, и, в значительной степени, на изменение форм и методов их осуществления.

Литература

1. Краснобаева, Л. А. Публичные услуги как объекты административно-правовых отношений / Л. А. Краснобаева // *Право. by.* – 2021. – № 3. – С. 33–39.
2. Краснобаева, Л. А. Правовое регулирование государственных услуг как неотъемлемая часть законодательства о государственном управлении: проблемы теории и практики / Л. А. Краснобаева // *Юстиция Беларуси.* – 2022. – № 1. – С. 58–62.
3. Филатова, И. И. Общественный контроль как вектор формирования и развития гражданского общества / И. И. Филатова // *Вестник Тамбовского университета.* – 2014. – № 2 (130). – С. 45–50.
4. Гончаров, В. В. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации / В. В. Гончаров, Л. И. Ковалева // *Власть.* – 2009. – № 1. – С. 72–75.
5. Бердникова, Е. В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации / Е. В. Бердникова ; под ред. Г. Н. Комковой. – Саратов : Изд. Сарат. ун-та, 2018. – 316 с.
6. Административное право : в 2 ч. : учебник / А. Н. Крамник, О. И. Чуприс. – Минск : Изд. центр. БГУ, 2013. – Ч. 1 : Управленческое право. – 567 с.
7. Краснобаева, Л. А. Правовая природа административно-договорных отношений / Л. А. Краснобаева // *Право.by.* – 2020. – № 4. – С. 60–64.
8. Абаева, Е. А. Обеспечение принципа публичности и открытости в деятельности субъектов общественного контроля / Е. А. Абаева // *Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.].* – Минск : БГУ, 2019. – С. 472–479.
9. Чуприс, О. И. Правовое регулирование реализации конституционного права на обращения в государственные органы (с учетом изменений Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» / О. И. Чуприс // *Право в современном белорусском обществе : сб. нач. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.].* – Минск : Колорград, 2022. – Вып. 17. – 892 с.
10. Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг, руководителей многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с учетом качества организации предоставления государственных и муниципальных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ, 12.12.2012 г., № 1284. – Режим доступа : <https://base.garant.ru/70282224/>. – Дата доступа : 28.01.2022.
11. Тарасова, Т. С. Публичная система «Ваш контроль» или как работает контроль за качеством государственных и муниципальных услуг в России / Т. С. Тарасова // *Science Time.* – 2016. – № 6 (30). – С. 327–331.
12. О проекте «Активный гражданин» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Москвы, 27.02.2018 г., № 117-ПП. – Режим доступа : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/49521842/>. – Дата доступа : 28.01.2022.

Персональные данные в образовательных отношениях: порядок обработки и защиты

Л.Е. МОЖАЕВА

В настоящей статье с учетом особенностей сферы образования анализируются понятие «персональные данные», их категории, требования к обработке персональных данных, а также меры по обеспечению защиты персональных данных в учреждениях образования. Автор предлагает содержание согласия на обработку персональных данных и заявления на отзыв данного согласия в образовательных отношениях.

Ключевые слова: персональные данные, субъект персональных данных, обучающийся, учреждение образования, законный представитель, согласие, обработка, отзыв, защита.

This article analyses the concept of «personal data», its categories, requirements to personal data processing, as well as measures to ensure personal data protection in educational establishments, taking into account the specifics of the education sphere. The author proposes the content of consent to the processing of personal data and the application for withdrawal of this consent in educational relations.

Keywords: personal data, subject of personal data, learner, educational establishment, legal representative, consent, processing, revocation, protection.

В Республике Беларусь каждому гарантируется право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании [1, ст. 28]. Частью 2, закрепляющей создание государством условий для защиты персональных данных, ст. 28 Конституции Республики Беларусь была дополнена в 2022 г. Таким образом, впервые на конституционном уровне закреплён термин «персональные данные», хотя в национальном законодательстве он появился значительно раньше, а также подтверждён тезис о защите персональных данных как части информации о частной жизни лица.

7 мая 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон), который вступил в силу 15 ноября 2021 г. Данный Закон определил понятие «персональные данные» и направлен на обеспечение защиты персональных данных, прав и свобод физических лиц при их обработке. Впервые в национальном законодательстве был закреплён детальный механизм обработки персональных данных и их защиты.

Безусловно, сфера образования неизбежно сталкивается с необходимостью обработки значительного количества персональных данных участников образовательного процесса. Во-первых, это касается персональных данных педагогических работников, иных сотрудников учреждений образования. Во-вторых, учреждения образования обрабатывают персональные данные обучающихся и их законных представителей и объём такой информации является значительным.

Закон закрепил содержание ряда терминов в области защиты персональных данных. Прежде всего, понятие самих персональных данных, под которыми понимается два вида информации: информация, относящаяся к идентифицированному лицу, и информация, относящаяся к лицу, которое может быть идентифицировано.

Уточним, кто будет считаться идентифицированным лицом в образовательных отношениях. Идентифицированным обучающимся будет лицо, личность которого уже известна, которое однозначно выделено среди иных лиц (на него можно конкретно указать, установить контакт с данным лицом и т. п.). К примеру, Петров Петр Петрович, студент 2 курса юридического факультета учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». Соответственно, любая информация, относящаяся к указанному идентифицированному лицу, будет считаться персональными данными.

Физическим лицом, которое может быть идентифицировано, признается лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности через фамилию, собственное имя, отчество (если таковое имеется), дату рождения, идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности (абз. 17 ст. 1 Закона) [2]. Если личность обучающегося можно установить на основании имеющейся информации без использования дополнительных сведений, то это физическое лицо, которое может быть прямо определено. Если же личность обучающегося нельзя установить на основании имеющейся информации, но это можно сделать путем объединения такой информации с иными располагаемыми сведениями или сведениями, которые могут быть получены из других источников, то это физическое лицо, которое может быть косвенно определено. И в первом, и во втором случае, данная информация будет относиться к категории персональных данных.

Закон выделяет две важные категории персональных данных – общедоступные и специальные персональные данные. Общедоступными персональными данными будут персональные данные, распространенные самим обучающимся (в отношении несовершеннолетнего – законным представителем) либо с его согласия или распространенные в соответствии с требованиями законодательных актов. Например, информация, размещенная в открытом аккаунте в социальной сети. Понятие специальных персональных данных закреплено в абз. 12 ст. 1 Закона и включает в себя биометрические и генетические персональные данные. К специальным персональным данным, в частности, будут относиться сведения, содержащиеся в медицинских справках (заключениях) обучающихся, о членстве обучающихся в профессиональных союзах, о национальной принадлежности и др. При этом специальные персональные данные могут быть одновременно и общедоступными.

Выделение различных категорий персональных данных имеет практическое значение, поскольку предопределяет различный правовой режим данной информации, в том числе информационных ресурсов, содержащих персональные данные.

Что касается общих требований к обработке персональных данных, то содержание и объем обрабатываемых учреждением образования персональных данных обучающихся должны соответствовать заявленным целям их обработки. При этом обрабатываемые персональные данные обучающихся не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки. Отметим, что цель обработки персональных данных должна быть конкретной.

Базовым условием совершения каких-либо действий с персональными данными обучающихся является получение согласия на обработку. Исключения составляют случаи, предусмотренные ст. 6 и п. 2 ст. 8 Закона, когда для обработки персональных данных получение согласия обучающегося не требуется. В большинстве случаев вопросы, связанные с организацией образовательного процесса, урегулированы в законодательных и принятых на их основании иных нормативных правовых актах. Соответственно, обработка персональных данных учреждениями образования осуществляется в таких ситуациях без согласия обучающихся на основании абзаца двадцатого ст. 6 и абз. 16 п. 2 ст. 8 Закона. Согласие обучающихся на обработку персональных данных не требуется и при их получении учреждением образования на основании договора, заключенного (заключаемого) с субъектом персональных данных, в целях совершения действий, установленных этим договором. Согласие обучающихся на обработку персональных данных также не требуется при осуществлении учреждением образования в отношении них административных процедур, например, выдача справки о том, что лицо является обучающимся, зачетной книжки, студенческого билета и др. Требование согласия в указанных случаях будет рассматриваться как избыточная обработка персональных данных и являться нарушением Закона.

Отметим, что зачастую субъект персональных данных в учреждениях образования является несовершеннолетним, поэтому порядок получения согласия на обработку имеет определенные особенности. В частности, до достижения обучающимся возраста шестнадцати лет, за исключением вступления в брак до достижения возраста шестнадцати лет, согласие на обработку его персональных данных дает один из его законных представителей [2, ст. 5 п. 9 абз. 2]. Как правило, это один из родителей. В этом случае законный представитель пользуется пра-

вами субъекта персональных данных, в частности, правом на получение информации, касающейся обработки персональных данных, на получение информации о предоставлении персональных данных третьим лицам и др. При даче согласия на обработку персональных данных законным представителем обучающегося в учреждение образования должен быть представлен документ, подтверждающий статус законного представителя (например, копия свидетельства о рождении).

Учреждению образования также следует получить согласие на обработку персональных данных обучающегося или его законного представителя при изменении первоначально заявленных целей обработки персональных данных.

Согласие обучающегося или его законного представителя должно быть свободным, однозначным и информированным. Как правило, в учреждении образования используется письменная форма согласия. Устная форма получения согласия не допускается.

Учреждение образования определяет форму согласия самостоятельно. При этом Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь в 2022 г. разработана и размещена на официальном сайте примерная форма согласия на обработку персональных данных. Основываясь на ст. 5 Закона и содержании рекомендуемой формы согласия, перечислим информацию, которую необходимо включать в согласие обучающегося или его законного представителя на обработку персональных данных:

- информация об обучающемся (субъекте персональных данных) (фамилия, имя, отчество, при необходимости – дата рождения, идентификационный номер, а в случае отсутствия такого номера – номер документа, удостоверяющего его личность);

- информация о законном представителе обучающегося (фамилия, имя, отчество, при необходимости – дата рождения, идентификационный номер, а в случае отсутствия такого номера – номер документа, удостоверяющего его личность) – в отношении обучающихся, не достигших возраста шестнадцати лет;

- наименование и место нахождения учреждения образования;

- цель обработки персональных данных. Цель должна быть конкретной. Не допускается получать общее согласие на достижение всех целей. Если целей несколько, то получить согласие необходимо на каждую цель. Это можно сделать в одном документе, но предоставив возможность обучающемуся выразить согласие (несогласие) в отношении каждой цели;

- перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие обучающимся. Данный перечень формулируется применительно к каждой цели обработки персональных данных;

- перечень действий с персональными данными, на совершение которых обучающимся дается согласие, общее описание используемых способов обработки персональных данных учреждением образования (с использованием средств автоматизации или без их использования);

- информация об уполномоченных лицах – в случае, если для обработки персональных данных учреждение образования будет привлекать уполномоченных лиц (например, организации, изготавливающие электронные пропуска обучающихся). Это может быть указание на конкретную категорию этих лиц либо конкретное наименование и место их нахождения. Не допускается формулирование открытого перечня таких лиц;

- срок, на который предоставляется согласие. Срок согласия может быть выражен конкретными датой (например, до 10.08.2023) или периодом времени (например, 1 год с даты окончания учреждения образования). Не допустимо установление срока «до отзыва согласия субъектом персональных данных». Если срок согласия различается для каждой цели, то его определяют для каждой цели отдельно;

- рекомендуется указание на разъяснение прав субъектов персональных данных, связанных с обработкой персональных данных, механизм реализации данных прав, а также последствия дачи согласия или отказа в даче такого согласия;

- иная информация, необходимая для обеспечения прозрачности процесса обработки персональных данных;

- дата получения согласия;

- личная подпись обучающегося или его законного представителя.

Письменное согласие может быть направлено субъектом персональных данных по почте. В этом случае нотариус свидетельствует подлинность подписи лица на согласии. Обязанность доказывания получения согласия на обработку персональных данных обучающихся или их законных представителей возлагается на учреждение образования. При этом указанное согласие подлежит хранению в течение одного года после окончания срока, на который дается согласие.

Отметим, что обучающийся или его законный представитель вправе отозвать свое согласие в порядке, установленном Законом. Причины отзыва согласия указанные лица объяснять не обязаны. В этом случае в учреждение образования субъектом персональных данных направляется заявление в письменной форме, в виде электронного документа или в форме, посредством которой получено его согласие. Указанное заявление субъекта персональных данных (обучающегося или его законного представителя) должно содержать следующую информацию:

- фамилия, имя, отчество обучающегося (его законного представителя), адрес его места жительства (места пребывания);
- идентификационный номер обучающегося (его законного представителя), при его отсутствии – номер документа, удостоверяющего личность обучающегося (его законного представителя);
- дата рождения обучающегося;
- требование прекратить обработку персональных данных и (или) их удалить;
- личная подпись либо электронная цифровая подпись обучающегося (его законного представителя).

Исходя из содержания заявления учреждение образования прекращает обработку персональных данных и уведомляет об этом субъекта персональных данных либо прекращает обработку персональных данных, осуществляет их удаление и уведомляет об этом субъекта персональных данных. Указанные действия учреждение образования должно выполнить бесплатно в пятнадцатидневный срок после получения заявления субъекта персональных данных.

Как уже указывалось выше, согласно абз. 3 п. 9 ст. 5 Закона законный представитель обучающегося в случае дачи согласия на обработку персональных данных вместо субъекта персональных данных пользуется правами субъекта персональных данных, предусмотренными Законом, то есть вправе отозвать свое согласие. Представляется, что в силу равенства прав обоих родителей в отношении своих детей заявление об отзыве согласия на обработку персональных данных может быть направлено и от имени другого родителя (законного представителя), который ранее и не давал подобного согласия. В каждом таком случае, в учреждение образования следует представлять копию документа, подтверждающего статус законного представителя.

Что касается размещения на сайте учреждения образования фото- и видеоизображений обучающихся, то государственным учреждениям образования следует руководствоваться Положением о порядке функционирования интернет-сайтов государственных органов и организаций, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645. 30 декабря 2022 г. в данное постановление были внесены изменения, разрешающие сопровождать размещаемую на интернет-сайте государственного учреждения образования информацию о новостях с изображениями граждан, полученными при проведении мероприятий с участием этих учреждений образования. Таким образом, в рамках новостного контента персональные данные обучающихся, в том числе их изображения, размещаются без получения их согласия. В остальных случаях размещение фото- и видеоизображений обучающихся осуществляется с их согласия или согласия законного представителя.

Что касается размещения персональных данных в создаваемых обучающимися или их родителями группах в мессенджерах, необходимо учитывать, что данные отношения не являются предметом регулирования Закона, поскольку такая обработка персональных данных осуществляется в процессе исключительно личного использования.

В отношениях по организации и осуществлению обработки персональных данных, то есть любого действия (действий), совершаемого (совершаемых) с персональными данными, учреждение образования выступает как оператор, обладающий комплексом прав и обязанностей. В каждом учреждении образования должны быть разработаны и утверждены докумен-

ты, определяющие политику оператора в отношении обработки персональных данных (к примеру, такие локальные акты, как Политика обработки персональных данных, Положение об обработке и защите персональных данных обучающихся, Положение о порядке доступа к персональным данным и др.).

Доступ к персональным данным должен предоставляться только тем работникам учреждения образования, служебные обязанности которых предполагают работу с персональными данными, и только на период, необходимый для работы с соответствующими данными. В учреждении образования следует предусмотреть перечень лиц, имеющих доступ к персональным данным, а также назначить структурное подразделение или лицо, ответственное за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных. Работники учреждения образования, непосредственно осуществляющие обработку персональных данных, должны быть ознакомлены с положениями законодательства о персональных данных, документами, определяющими политику учреждения образования в отношении обработки персональных данных. Указанные работники в порядке, установленном законодательством, должны пройти обучение.

Если учреждению образования станет известно о нарушениях систем защиты персональных данных, оно обязано уведомить Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь о таких нарушениях незамедлительно, но не позднее 3 рабочих дней после того, как ему стало известно.

Таким образом, на сегодняшний день основным нормативным актом, регулирующим порядок обработки и защиты персональных данных, является Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». С целью правильного понимания и реализации положений данного Закона Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь подготовлены разъяснения о применении Закона в сфере образования, которые размещены на официальном сайте Национального центра защиты персональных данных. Они содержат особенности правового регулирования обращения персональных данных, характерные непосредственно для сферы образования. Также на официальном сайте размещены формы документов, необходимые учреждениям образования для работы с персональными данными, и комментарии к их заполнению. На сегодняшний день, к сожалению, не все примерные формы разработаны, хотя и проделана огромная работа Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь. В связи с этим автором предложено содержание согласия на обработку персональных данных и заявления на отзыв данного согласия в образовательных отношениях.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 342.965.2(476)

Конституционная жалоба: понятие, требования, порядок рассмотрения в соответствии с законодательством Республики Беларусь

Т.В. СЕНЬКОВА

Статья посвящена анализу положений Проекта Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», касающихся введения конституционной жалобы, отмечается важность данного института как формы конституционного контроля. Основное внимание уделено требованиям допустимости конституционной жалобы, их значению и последствиям несоблюдения. Обозначены этапы конституционного судопроизводства по конституционной жалобе.

Ключевые слова: конституционное реформирование, право на обращение в суд, конкретный конституционный контроль, индивидуальная конституционная жалоба, требования к конституционной жалобе, допустимость конституционной жалобы.

The article is devoted to the analysis of the provisions of the Project Law of the Republic of Belarus «On constitutional proceedings» concerning the introduction of a constitutional complaint, the importance of this institution as a form of constitutional control is noted. The main attention is paid to the requirements for the admissibility of a constitutional complaint, their significance and the consequences of non-compliance. The stages of constitutional legal proceedings on a constitutional complaint are indicated.

Keywords: constitutional reform, right to appeal to the court, specific constitutional control, individual constitutional complaint, requirements for a constitutional complaint, admissibility of a constitutional complaint.

Несмотря на стабильность конституционно-правового регулирования, вопросы конституционного развития и реформирования всегда были в поле зрения белорусских ученых юристов и практиков. Очередным знаковым этапом конституционного развития Республики Беларусь стало принятие на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. изменений и дополнений к Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), которые существенно обновили ее текст [1]. Принятие новой редакции Конституции не только не завершило процесса конституционного реформирования, длящегося последние несколько лет, а ещё больше его активизировало. Являясь основой текущего законодательства, Конституция требует существенного преобразование многих государственно-правовых институтов, приведение их функционирования в соответствие с конституционными принципами и основами конституционного строя. Одним из актуальных вопросов, который обсуждался на протяжении периода активной подготовки проекта Конституции, являлся вопрос о введении института индивидуальной конституционной жалобы граждан в Республике Беларусь.

Исследованию конституционного судопроизводства и института конституционного контроля посвящены работы Г.А. Василевича [2]. Развитию конституционного контроля в Республике Беларусь, совершенствованию конституционного судопроизводства неоднократно уделял внимание П.П. Миклашевич [3]. В.Н. Рябцев отмечает актуальность исследований в сфере конституционного правосудия в Республике Беларусь [4]. В.Г. Тихиня рассматривает конституционное судопроизводство как основную форму реализации конституционного контроля в Республике Беларусь [5]. Вопросам конституционного реформирования и развитию конституционного контроля посвящены работы Т.С. Масловской [6]. Также к проблеме совершенствования доступа граждан к конституционному правосудию, предпосылкам, перспективам и особенностям индивидуальной конституционной жалобы в Республике Беларусь обращаются такие исследователи как В.В. Подгруша, В.К. Петрович, А.М. Синицына и другие.

Новая Конституция существенно расширила компетенцию Конституционного Суда Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд), закрепив, в том числе, в ст. 116¹ право Конституционного Суда выносить решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод. Как следствие результатом конституционной реформы в этой части стала подготовка проекта новой редакции Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» (далее – Проект Закона) [7]. Соответственно, Проект Закона закрепил такой вид обраще-

ния в Конституционный Суд, как жалоба граждан на нарушение их конституционных прав и свобод, а также процессуальный порядок рассмотрения конституционной жалобы. То есть гражданам предоставлена возможность прямого обращения в Конституционный Суд. Конституционная жалоба является важной гарантией прав и свобод человека. Несмотря на то, что конституционная жалоба, в первую очередь, служит защите частного интереса, сам институт имеет большое публично-правовое значение. Конституционная жалоба является одной из форм конституционного контроля за соответствием законодательства нормам конституции государства.

Право гражданина на обращение в Конституционный Суд вытекает из закрепленного ст. 40 Конституции права направлять обращения в государственные органы, а также гарантированного каждому ст. 60 Конституции права на судебную защиту. Доступ граждан к конституционному правосудию в разных странах зависит от ряда факторов: вида правовой системы, модели конституционного контроля и других.

Традиционно право на конституционную жалобу может быть реализовано как непосредственно гражданином, так и косвенным путем через обращение в уполномоченные органы. В некоторых государствах предусмотрены одновременно две формы реализации права на доступ к конституционному правосудию, например, Албании, Азербайджане, Грузии, Польше, Российской Федерации и др. [8].

Справедливо отметить, что до внесения последних изменений и дополнений в Конституцию гражданам Республики Беларусь также был доступен институт индивидуальной конституционной жалобы. Однако он был предоставлен посредством косвенного доступа к конституционному правосудию. Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» использует понятие «инициативное обращение», под которым, по сути, понимается обращение в Конституционный суд с конституционной жалобой, но через уполномоченный орган [9]. Таким образом, гражданин, считавший, что его права, свободы и законные интересы нарушены решением государственного органа или суда общей юрисдикции, в соответствии со ст. 22 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З, мог обратиться к уполномоченным органам с инициативой о внесении предложения о проверке конституционности нормативного правового акта, примененного при разрешении его дела [10].

Конституционный Суд неоднократно обращал внимание на значимость института конституционного контроля и необходимость совершенствования форм обращения. Признавая востребованность права граждан на доступ к конституционному правосудию, Конституционный Суд видит недостаточно эффективным косвенный доступ граждан к конституционному правосудию на основе инициативных обращений граждан. Так, по информации Конституционного Суда в 2021 г. в уполномоченные органы поступило 260 инициативных обращений граждан, однако уполномоченные органы не усмотрели оснований для внесения соответствующих предложений в Конституционный Суд [11].

Следует отметить, что, предоставляя возможность непосредственного обращения в Конституционный Суд, законодатель исключает косвенную подачу конституционной жалобы. Полагаем также, что часть обращений, которые граждане направляют непосредственно в Конституционный Суд, будут по-прежнему рассматриваться в порядке, установленном законодательством об обращениях граждан и юридических лиц.

В связи с введением прямой индивидуальной конституционной жалобы практикующие юристы и ученые видят не только положительные, но и некоторые негативные моменты. В качестве одной из проблем, связанных с введением прямой конституционной жалобы, прогнозировались возможные риски злоупотребления правом, его недобросовестное использование. Этот негативный аспект, безусловно, может повлечь рост необоснованных обращений в Конституционный Суд, в том числе повторных. Преодолению злоупотребления правом будут способствовать положения Проекта Закона, четко определяющие компетенцию Конституционного Суда, понятие конституционной жалобы, требования ее допустимости.

В этой связи, безусловно, важно четкое определение понятия «конституционная жалоба». Проект Закона выделяет конституционную жалобу как вид обращения в Конституционный Суд и даёт её четкое определение. Суть конституционной жалобы состоит в требовании о проверке конституционности нормативного правового акта, на основе которого принято конкретное решение государственного органа, суда в результате чего, по мнению граждани-

на, нарушаются его конституционные права, свободы и законные интересы. Предметом производства по делу о конституционности закона, примененного в конкретном деле, является вопрос о соответствии Конституции нормативного правового акта или его части, а не оценка фактических обстоятельств дела и его рассмотрение по существу.

По аналогии с законодательством других государств Проектом Закона также установлен ряд требований, предъявляемых к конституционной жалобе. Эти требования выступают в качестве условий, фильтров, основная задача которых обеспечить соблюдение необходимых правил при обращении в Конституционный Суд.

Проект Закона определяет требования допустимости конституционной жалобы, общие требования к её форме и содержанию, перечень документов, подлежащих предоставлению вместе с жалобой. Во многом Проектом сохранен подход, определенный ст. 27 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», к срокам, форме и содержанию инициативного обращения.

При определении критериев допустимости конституционной жалобы законодатель обращается к опыту Российской Федерации, которая в ст. 97 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепила аналогичные требования [12].

Требования допустимости характеризуют конституционную жалобу как обоснованную и являются императивными. Их несоблюдение влечет отказ в возбуждении производства по делу. В соответствии со ст. 168 Проекта Закона к таким требованиям относятся наличие признаков нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием, соблюдение сроков подачи конституционной жалобы, а также исчерпание средств судебной защиты.

Таким образом, в первую очередь конституционная жалоба должна быть подведомственна Конституционному Суду и подана в соответствии с его компетенцией. Соблюдение сроков подачи жалобы обеспечивает актуальность конституционного судопроизводства, целесообразность рассмотрения жалобы и эффективность защиты конституционных прав и свобод, вносит процессуальную определенность. По общему правилу Проектом Закона предусмотрена возможность восстановления срока подачи жалобы в случае его пропуска по уважительным причинам.

Исчерпание средств судебной защиты является традиционным требованием подачи конституционной жалобы. Оно закреплено в законодательстве Австрии, Армении, Азербайджана, Германии, Польши, Российской Федерации, Хорватии, Чехии и др. Возможность прямого обращения в Конституционный Суд не исключает предварительного обжалования решения государственного органа или суда. Пункт 2 ст. 168 Проекта Закона детально разъясняет, что понимается под исчерпанием всех других средств судебной защиты по делам гражданского судопроизводства, экономическим делам, делам уголовного судопроизводства и делам об административных правонарушениях.

Базовыми требованиями при обращении в любой государственный орган является требование о необходимости соблюдения установленных законодательством формы подачи документов, их содержания, приложении документов и иных материалов, имеющих значение для рассмотрения дела. Аналогичные требования установлены в отношении конституционной жалобы. Несмотря на то, что указанные требования не отнесены к критериям, определяющим допустимость жалобы, их невыполнение влечет одинаковые последствия: признание жалобы не соответствующей требованиям законодательства, невозможность её рассмотрения Конституционным Судом и отказ в возбуждении производства по делу. В тоже время устранение недостатков, свидетельствующих о несоответствии конституционной жалобы требованиям законодательства, допускает повторную подачу жалобы.

Государственная пошлина часто представляется основным фильтром при подаче конституционной жалобы. Однако стоит отметить, что требование уплаты государственной пошлины не должно быть препятствием при обращении в Конституционный Суд. В этой связи законодатель наделяет Конституционный Суд правом освобождения от уплаты государственной пошлины полностью или частично.

Кроме перечисленных условий подачи конституционной жалобы законодательством некоторых государств может быть установлено требование обязательного юридического представительства при подаче конституционной жалобы. Такая практика достаточно распространена в европейских государствах, где действует принцип «адвокатской монополии». Обязательное юридическое представительство в конституционном судопроизводстве имеет место в Бельгии, Герма-

нии, Италии, Люксембурге, Польше, Португалии и др. Безусловно, участие профессионального юриста способствует соблюдению требований законодательства и юридической техники, повышает качество юридических документов. Однако обязательное участие представителя может быть связано со значительными финансовыми затратами, а материальное положение гражданина и невозможность оплаты услуг представителя не могут быть препятствием для обращения в суд.

В соответствии с Проектом Закона гражданин при подаче жалобы в конституционный суд может иметь представителя, в качестве которого выступает адвокат или законный представитель. Участие представителя при обращении в Конституционный Суд не является обязательным в Республике Беларусь, что представляется вполне целесообразным, в том числе, в связи с преимущественно письменной формой конституционного судопроизводства по жалобам о конституционности законов, примененных в конкретном деле.

Проектом Закона подробно урегулирован порядок подачи и рассмотрения конституционной жалобы. В общем виде данный процесс может быть представлен следующими этапами. Первоначально жалоба подлежит регистрации и предварительному рассмотрению в Секретариате Конституционного Суда на предмет соответствия предъявляемым требованиям. Затем судьи Конституционного Суда проводят обязательное предварительное изучение жалобы с целью выявления оснований для возбуждения (отказа в возбуждении) производства по делу. Соответственно следующими этапами являются возбуждение производства по делу о конституционности закона, примененного в конкретном деле, по конституционной жалобе и подготовка дела к рассмотрению в судебном заседании. Завершающими этапами являются рассмотрение дела в судебном заседании и принятие решения Конституционного Суда.

На смену сложившейся в Республике Беларусь практике косвенного доступа граждан к конституционному правосудию приходит институт прямой конституционной жалобы, который становится очередной гарантией права граждан на обращение в суд и защиту своих прав, свобод и законных интересов. Производство по конституционной жалобе является одной из форм конкретного конституционного контроля и существенно расширяет компетенцию Конституционного Суда. Закрепленные законодательством четкие критерии допустимости конституционной жалобы и иные требования будут способствовать преодолению недобросовестного использования гражданами своего права. Главная задача законодателя, а в дальнейшем и правоприменительных органов – соблюсти баланс между устанавливаемыми фильтрами и обеспечением реального доступа граждан к конституционному правосудию.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Конституционное правосудие : учебное пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Правоведение» / Г. А. Василевич [и др.] ; под редакцией Г. А. Василевича. – Минск : Вышэйшая школа, 2019. – 366 с.
3. Миклашевич, П. П. Конституционный контроль : конституционализация права и правоприменения / П. П. Миклашевич // *Вестник Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь*. – 2019. – № 1. – С. 38–46.
4. Рябцев, В. Н. Конституционное правосудие как направление научных исследований в Республике Беларусь / В. Н. Рябцев // *Вестник Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь*. – 2019. – № 2. – С. 129–147.
5. Тихиня, В. Г. Конституционное судопроизводство как основная форма реализации конституционного контроля в Республике Беларусь / В. Г. Тихиня // *Юстиция Беларуси*. – 2014. – № 12. – С. 29–32.
6. Масловская, Т. С. Конституционная реформа как важнейший способ конституционной модернизации / Т. С. Масловская // *Конституционное право как фактор динамичного развития белорусского государства : история и современность : матер. респуб. научно-практич. конф. ; редкол.: Г. А. Василевич (гл. ред.), А. В. Шавцова, В. Е. Петухова*. – Минск, 2021. – С. 190–193.
7. Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства [Электронный ресурс] : Проект Закона Республики Беларусь // *Правовой форум Беларуси*. – Режим доступа : <https://forumpravo.by/publicnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/messages/forum15/message191605/16950-proekt-zakona-respubliki-belarus-ob-izmenenii-zakonov-po-voprosam-konstitutsionnogo-sudoproizvodstva#message191605>. – Дата доступа : 01.10.2022.

8. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию. Исследование № 538/2009. Страсбург, 27/11/2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа : [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad\(2010\)039rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad(2010)039rev-rus). – Дата доступа : 20.10.2022.

9. О конституционном судопроизводстве [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 8 января 2014 г., № 124-З (с изм. и доп. от 22 декабря 2016 г. № 13-З) // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

10. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г., № 139-З (с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. № 175-З) [Электронный ресурс] // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

11. Послание конституционного суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-74183>. – Дата доступа : 20.10.2022.

12. О Конституционном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный конституционный закон, 21 июля 1994 г., № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 01.07.2021 № 2-ФКЗ). – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/. – Дата доступа : 20.10.2022.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 31.10.2022

УДК 343.23:004.9(091)

Компьютерные преступления: историко-правовой аспект

О.Г. ШЛЯХТОВА

В статье приведен исторический анализ понятия «компьютерные преступления», его значение. Рассмотрены вопросы правового обеспечения информационной (компьютерной) безопасности в Республике Беларусь и зарубежных странах.

Ключевые слова: киберпреступность, компьютерные преступления, информационная безопасность, цифровая информация, киберпространство, компьютерная безопасность.

The article provides a historical analysis of the concept of «computer crimes» and its meaning. The issues of legal support of information (computer) security in the Republic of Belarus and foreign countries are considered.

Keywords: cyber crime, computer crimes, information security, digital information, cyberspace, computer security.

Введение. Быстрое развитие интернета способствует большому количеству видов преступлений в глобальной сети. Это дало толчок для возникновения иных видов правонарушений, у которых в настоящее время нет конкретной трактовки. В юридической литературе употребляются такие понятия, как «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления», «интернет-преступления», «преступления против компьютерной безопасности» и др.

Учитывая мотивы, которые в большинстве своем корыстные, компьютерная преступность имеет своей целью обмануть пользователей сети для совершения кражи конфиденциальной информации с последующим использованием преступником в личных целях, а также для незаконного обогащения или дестабилизации каких-либо структур. Результатом такой преступной деятельности являются многочисленные убытки людей, предприятий и организаций.

Основная часть. Термин «компьютерная преступность» впервые начали использовать в США в начале 1960-х гг., когда было совершено первое преступление при помощи электронных вычислительных машин (далее – ЭВМ) [1]. Данное определение появилось в средствах массовой информации США. Проект первого закона, устанавливающего уголовную ответственность за компьютерные преступления, был разработан в США в 1977 г. («О защите федеральных компьютерных систем»). На его основе в 1984 г. был принят закон «О мошенничестве и злоупотреблении с использованием компьютеров», который и явился фундаментальным нормативно-правовым актом США в деятельности установления уголовной ответственности за преступления, совершенные при помощи ЭВМ [2].

На протяжении ряда лет в законодательной среде каждого государства обсуждаются проблемы о том, какие правонарушения относить к данной категории преступлений, какую общественную опасность несут такие действия и какой термин целесообразно использовать к таким категориям противоправных деяний.

Так, термин «компьютерная преступность» уголовная полиция ФРГ начала применять с момента введения в действие в 1984 г. специального закона «О компьютерных преступлениях». В соответствии с положениями этого закона «... все противозаконные действия, при которых электронная обработка информации являлась орудием их совершения или объектом преступного посягательства» [3, с. 10].

Придерживаясь положений резолюции Генеральной ассамблеи Интерпола для противодействия «компьютерно-ориентированной преступности» [4], формируется Координационный комитет, в состав которого включены эксперты различных областей. Комитет призван разрабатывать и урегулировать подходы к унификации способов расследования компьютерных преступлений на международном уровне.

Юристы Швейцарии «компьютерные преступления» определяют как «все преднамеренные и противозаконные действия, которые приводят к нанесению ущерба имуществу, и совершение которых стало возможным, прежде всего, благодаря электронной обработке информации» [5, с. 4].

Законодательные органы Нидерландов провели решительную борьбу с преступлениями в рассматриваемой области путем создания Консультативного комитета по компьютерным преступлениям, состав которого представил четкие предложения по внесению изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, что в дальнейшем помогло систематизировать компьютерные преступления.

В 1993 г. в Нидерландах вводится в действие закон «О компьютерных преступлениях». Положения этого закона расширили перечень составов преступлений в Уголовном кодексе:

- «– несанкционированный доступ в компьютерные сети;
- несанкционированное копирование данных;
- компьютерный саботаж;
- распространение вирусов;
- компьютерный шпионаж» [6, с. 110–111].

Данная классификация составов преступлений послужила основанием для внесения в некоторые статьи Уголовного кодекса Нидерландов (например, вымогательство, мошенничество, подлог и др.) изменений и комментариев. Это позволило использовать расширенный перечень составов преступлений в борьбе с компьютерной преступностью.

В 2001 г. представителями 30 стран Европы и Америки подписывается Конвенция Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» [7]. Данный международный правовой акт был ориентирован на борьбу с мошенничеством, незаконным копированием и взломом компьютерных программ, распространением детской порнографии, материалов расистского и антисемитского характера в глобальной сети и иным такого рода преступлениям. В главе 2 Конвенции зафиксирован ряд преступлений, за совершение которых государства должны устанавливать уголовную ответственность:

- преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (подраздел 1): противозаконный доступ (ст. 2); неправомерный перехват (ст. 3); воздействие на данные (ст. 4); воздействие на функционирование системы (ст. 5); противоправное использование устройств (ст. 6);

- правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств (подраздел 2): подлог с использованием компьютерных технологий (ст. 7); мошенничество с использованием компьютерных технологий (ст. 8);

- правонарушения, связанные с содержанием данных (подраздел 3) – правонарушения, связанные детской порнографией (ст. 9);

- преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав (подраздел 4, ст. 10).

В Российской Федерации Закон «О правовой охране программ для электронно-вычислительных машин и баз данных» впервые был принят в 1992 г., а в 1995 г. введен в действие Федеральный Закон «Об информации, информатизации и защите информации». Данные основополагающие нормативные акты регулируют общественные отношения, возникающие при разработке и эксплуатации информационных систем; реализации права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; обеспечения защиты информации.

Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации предусмотрена главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации [8]. В редакции кодекса от 1996 г. данная глава содержала три статьи: «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 272), «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» (ст. 273) и «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» (ст. 274). Дополнения и изменения главы Федеральными законами, постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации привели к тому, что в настоящее время она содержит пять статей.

Таким образом, законодательные органы в разных странах определяют дефиницию компьютерных преступлений в зависимости от той области общественных отношений, на которую посягает правонарушитель.

В Республике Беларусь первое преступление в сфере компьютерной безопасности было зафиксировано в ноябре 1998 г., когда пользователь персонального компьютера запустил в программное обеспечение компьютера потерпевшего вирусную программу, посредством которой завладел реквизитами других пользователей сети интернет, чем нанес крупному сервис-провайдеру значительный ущерб [9]. Данное правонарушение послужило началом практической деятельности по расследованию компьютерных преступлений, которая началась до того, как в 2001 г. был принят новый Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК).

Об актуальности и важности обеспечения безопасности в информационной среде в Республике Беларусь свидетельствует принятие Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [10]. Среди первостепенных нормативно-правовых актов об информационном обществе и информационной безопасности особое место принадлежит Законам Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-3 [11] и «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г. № 113-3 [12]. Помимо республиканских законодательных актов существуют и международные. Например, Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, которое было заключено в Минске 1 июня 2001 г. [13].

В белорусском законодательстве уголовная ответственность за преступления против компьютерной безопасности предусмотрена в главе 31 УК. Данная глава впервые была включена в УК в 2001 г. вместе с принятием обновленного кодекса и содержала семь статей. В процессе изменений и дополнений УК глава была пересмотрена и на сегодняшний день содержит пять статей:

- несанкционированный доступа к компьютерной информации (ст. 349);
- уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации (ст. 350);
- неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352);
- разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или аппаратных средств (ст. 354);
- нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355).

В связи с увеличением числа преступлений против компьютерной безопасности в 2002 г. было создано Управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (условное наименование Управление «К»), которое в настоящее время именуется Главным управлением по противодействию киберпреступности. Следственный Комитет Республики Беларусь создал систему «СЛЕД», которая позволяет установить факты совершенных преступлений и вычислить злоумышленника [14].

Термины «компьютерная преступность», «преступность в сфере высоких технологий», «преступления в сфере компьютерной информации» в юридических словарях и литературе [15, с. 120] имеют преимущество перед понятием «киберпреступность», которое употребляется в качестве синонима.

Киберпреступность – преступная деятельность, совершаемая в киберпространстве с помощью или через компьютерные системы, сети, данные, а также против компьютерных систем, сетей или данных [16, с. 81].

Здесь под киберпространством понимаются информационные технологии, которые включают в себя коррелирующий комплекс сервисных кластеров и информационных технологий: интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы, встроенные процессоры, контроллеры и т. д.

С понятиями «киберпреступность» и «киберпространство» связан термин «киберпреступление», который охватывает киберпреступность в узком значении и представляет собой преступную деятельность с использованием компьютерной техники с целью нанесения разного вида ущерба лицу, организации или государству. К киберпреступлениям можно отнести

хищение или несанкционированный доступ к информации (кража банковских реквизитов), распространение противоправной информации (клевета, порнография и т. д.). Киберпреступления могут совершаться в различных областях (экономика, политика, военная сфера) в целях экспансии экстремистских материалов, разжигания межнациональных конфликтов, дискредитации государств, отдельных лиц, а также их дезорганизации.

В Республике Беларусь для определения компьютерных преступлений употребляется понятие «преступления в информационной сфере» – предусмотренные УК преступления против информационной безопасности и иные преступления, предметом или средством совершения которых являются информация, информационные системы и сети [10].

На наш взгляд, термин «киберпреступность» намного шире и точнее выражает сущность и значение преступлений против компьютерной безопасности в сравнении с понятиями «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «интернет-преступления».

Условно компьютерные преступления можно разделить на три группы (рисунок) [17]:



Рисунок – Классификация преступлений против компьютерной безопасности

Согласно классификации первую группу составляют преступления против информационной безопасности, где объектом преступления является информация (например, ст. 349–355 УК); во вторую группу входят преступления, где цифровая информация является орудием или средством совершения преступления (например, ст. 212 УК); третья группа – преступления, совершаемые с использованием компьютерной техники (например, ст. 203, 289, 188).

Заключение. Использование информационных технологий в различных сферах стало новым этапом роста преступности в обществе, появились новые виды преступлений в данной сфере. Этому способствовало быстрое развитие локальных и глобальных сетей. Таким образом, наблюдается высокая общественная опасность компьютерных преступлений.

Рассмотрев нормотворческую практику разных стран в сфере компьютерных преступлений, можем отметить тождественность в подходе к толкованию характеристики составов и одновременно расхождение в формулировке понятий.

В отечественном законодательстве правового определения компьютерной преступности не существует. Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что к таким преступлениям относится любое преступление, совершенное в информационно-коммуникативной (электронной) среде. Соответственно, кроме преступлений, описанных в гл. 31 УК, в настоящий момент практически любое преступление можно совершить с помощью компьютерных технологий.

Термин «преступления против компьютерной безопасности», используемый в названии гл. 31 УК, можно считать недостаточно конкретным. Как уже указывалось выше, понятие «киберпреступление» точнее и обширнее формулирует содержание компьютерных преступлений. Не исключено, что название данной главы можно сформулировать как «преступления против кибербезопасности», что будет способствовать расширению указанного в УК перечня составов преступлений. Возможно также использовать и адаптированный вариант термина «киберпреступления» – «преступления в сфере безопасности эксплуатации компьютерной информации».

Литература

1. Волеводз, А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям : правовые основы международного сотрудничества / А. Г. Волеводз. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 496 с.
2. Computer Fraud and Abuse Act (CFAA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.nacdl.org/Landing/ComputerFraudandAbuseAct#:~:text=The%20CFAA%20prohibits%20intentionally%20accessing,every%20aspect%20of%20computer%20activity>. – Дата доступа : 24.06.2022.
3. Предотвращение компьютерных преступлений // Проблемы преступности в капиталистических странах (по материалам зарубежной печати) : Ежемесячный информационный бюллетень. – М., 1986. – № 4. – С. 4–10.
4. Резолюция AGN/64/P. RES/19 Генеральной ассамблеи Интерпола. По вопросу: Компьютерно-ориентированная преступность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://old.nasledie.ru/fin/6_8/kniga1/article.php?art=78. – Дата доступа : 24.06.2022.
5. Правовая информатика и кибернетика : учебник / Г. А. Атанесян, О. А. Гаврилов, П. Дери, А. Г. Каблуков [и др.] ; Под ред. Н. С. Полевого. – М. : Юрид. лит., 1993. – 528 с.
6. Joeks, W. Strafgesetzbuch: Studienkommentar / W. Joeks. – München : Beck Juristischer Verlag, 2003. – 823 s.
7. Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23.11.2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://base.garant.ru/4089723/>. – Дата доступа : 25.06.2022.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа : 24.06.2022.
9. Управление «К» МВД Беларуси – «троян» в сети киберпреступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kv.by/archive/index2009212201.htm>. – Дата доступа : 28.06.2022.
10. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://etalonline.by/document/?regnum=p219s0001>. – Дата доступа : 28.06.2022.
11. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 455-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 10.10.2022 г., № 209-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10800455>. – Дата доступа : 28.10.2022.
12. Об электронном документе и электронной цифровой подписи : Закон Республики Беларусь, 28 декабря 2009 г., № 113-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 14.10.2022 г., № 213-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10900113>. – Дата доступа : 28.10.2022.
13. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cis.minsk.by/page/866>. – Дата доступа : 28.10.2022.
14. Киберпреступления в Беларуси: невыдуманные истории и советы от УВД, как не стать жертвой мошенников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mlyn.by/20052022/kiberprestupleniya-v-belarusi-nevydumannye-istorii-i-sovety-ot-uvd-kak-ne-stat-zhertvoj-moshennikov/>. – Дата доступа : 28.10.2022.
15. Хусяинов, Т. М. Интернет-преступления (киберпреступления) в российском уголовном законодательстве / Т. М. Хусяинов // Уголовный закон Российской Федерации : проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы всероссийского круглого стола, Иркутск, 20 марта 2015 г. / Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Иркутск, 2015. – Вып. 6. – С. 120–125.
16. Буз, С. И. Киберпреступления : понятие, сущность и общая характеристика / С. И. Буз // Юристь–Правоведь. – 2019. – № 4 (91). – С. 78–82.
17. Козлов, В. «Computer crime»? Что стоит за названием? [Электронный ресурс] / В. Козлов. – Режим доступа : <https://www.crime-research.ru/library/CCrime.html>. – Дата доступа : 04.10.2022.

УДК 332.122

Предпосылки и факторы становления Байкало-Монгольского трансграничного региона

М.Л. БАГАЙНИКОВ

Становление трансграничных регионов – процесс объективный, обусловлен глобальным переформатированием системы экономических отношений и кризисом парадигмы мирового развития, основанного на глобализме. Целью статьи является определение факторов и предпосылок формирования трансграничных регионов России на примере Байкало-Монгольского региона. Вопросы активизации российско-монгольского трансграничного сотрудничества изучены с точки зрения определения некоторых направлений взаимодействия, обладающих экономическим потенциалом. Для достижения поставленной цели предложены подходы к развитию трансграничного взаимодействия в сфере электроэнергетики, а также в агропродовольственной сфере, основанные на соблюдении принципа неконфликтного трансграничного ресурсопользования.

Ключевые слова: трансграничные регионы, региональная экономика, трансграничное взаимодействие, Байкало-Монгольский регион, трансграничное ресурсопользование.

The formation of cross-border regions is an objective process, due to the global reformatting of the system of economic relations and the crisis of the world development paradigm based on globalism. The purpose of the article is to determine the factors and prerequisites for the formation of cross-border regions of Russia on the example of the Baikal-Mongolian region. The issues of activation of Russian-Mongolian cross-border cooperation have been studied from the point of view of identifying some areas of interaction that have economic potential. To achieve this goal, approaches to the development of cross-border cooperation in the field of electric power industry, as well as in the agri-food sector, based on the observance of the principle of non-conflict cross-border resource use, are proposed.

Keywords: cross-border regions, regional economy, cross-border interaction, Baikal-Mongolian region, cross-border resource use.

Введение. Трансграничные регионы – это относительно малоизученный феномен, требующий более глубокого теоретического осмысления и прикладного анализа. Глобализм как доминирующая доктрина постепенно утрачивает свои позиции под натиском общемировых тенденций регионализации. Отчасти это стало результатом агрессивного внедрения западных «правил игры», основанных на рационализме, первостепенной значимости финансовой эффективности и политической либерализации, без учета цивилизационных особенностей отдельных стран и регионов. Отторжение глобализации у значительной части населения мира вызвано в том числе последствием «футурошока» (по А. Тоффлеру) – стремительного, не усвоенного населением потока изменений, формирующих у него ощущение неспособности рационально оценивать окружающую реальность [1], [2]. Это влечет за собой стремление во чтобы то ни стало сохранить собственную идентичность как хорошо известную систему ценностей, в крайних проявлениях выражающееся всплеском национализма и религиозного фундаментализма.

Регионализация как процесс, компенсирующий негативные стороны глобализации, имеет самые разные масштабы, формы и проявления. Одной из таких форм является образование и развитие трансграничных регионов, включающих в себя приграничные территории двух и более стран. К основным предпосылкам их формирования чаще всего относят этнокультурную близость проживающих там народов; благоприятные условия для ведения трансграничной торговли (наличие коммуникаций и инфраструктуры); историческое единство территории, которая впоследствии была рассечена государственными границами; совместное трансграничное ресурсопользование и т. п. [3]. Также трансграничные регионы в современных условиях следует рассматривать как локальные зоны внешнеэкономической активности приграничных субъектов, располагающиеся на периферии национального экономического пространства.

Основной целью статьи выступает изучение предпосылок и некоторых направлений развития экономического сотрудничества приграничных регионов России и Монголии в рамках Байкало-Монгольского трансграничного региона.

Факторы становления Байкало-Монгольского трансграничного региона. Активизация трансграничного сотрудничества в современных условиях может стать эффективным инструментом вывода, прежде всего, периферийного экономического пространства страны на траекторию устойчивого развития [4]. К периферийным регионам страны мы относим, в первую очередь, приграничные регионы Азиатской России, экономические системы большей части из которых ориентированы на активную эксплуатацию имеющейся природно-ресурсной базы. На геоэкономической карте Азиатской России можно выделить два крупных трансграничных региона, обладающие большим потенциалом в сфере развития трансграничного сотрудничества: российско-китайский и российско-казахстанский регионы [5], [6], [7]. Также следует выделить приграничные с Монголией регионы – республику Бурятия и Забайкальский край с одной стороны, и приграничные с Россией регионы Монголии – с другой (районы Сэлэнгэ, Булган, Туве, Хувсгел и др.), совместно образующие Байкало-Монгольский регион. При этом Забайкальский край целесообразно отнести к российско-китайскому трансграничному региону ввиду выраженной ориентации его внешнеэкономических связей на развитие взаимодействия прежде всего с Китаем. Географически российско-монгольский (Байкало-Монгольский) регион лежит в границах Байкальского региона, включая трансграничный бассейн р. Селенга – главного притока оз. Байкал, где формируется (на территории Монголии) более половины всего байкальского водосбора.

Экономический и социокультурный потенциал развития Байкало-Монгольского трансграничного региона обусловлен совокупным влиянием целого ряда факторов, к числу которых следует отнести:

1. *Культурно-исторические факторы.* Бассейн оз. Байкал и р. Селенга с давних времен представлял собой особое социокультурное и этно-религиозное пространство, в котором непрерывно протекали процессы перемещения, смешения и ассимиляции народов, культур и религий. До включения северо-западной части бассейна в состав Российской Империи территория бассейна представляла собой зону распространения монголоязычных народов с устойчивыми культурными и торговыми связями (в том числе внешними). Появление первых монголоязычных племен на территории региона приблизительно датируется VI–X вв., а к началу XI в. их появление зафиксировано в верховьях р. Лена [8], [9]. В могильнике Чиндант I в Забайкальском крае (X–XII вв.) были обнаружены некоторые предметы (не массово), произведенные в Средней Азии и Китае, похожие результаты дали исследования могильников, расположенных и на территории Монголии (например, на р. Хоолтын-Гол). Это позволяет говорить об активном распространении раннемонгольских племен еще задолго до образования империи Чингисхана [10]. Этнокультурное единство региона сохранилось вплоть до наших дней, несмотря на появившиеся здесь административные и государственные границы.

2. *Торгово-экономические факторы.* Между Россией и Монголией, входившей до начала XX в. в состав Цинской империи, традиционно имелись тесные торгово-экономические отношения. Так, проблемы развития торговли двух стран обсуждались на уровне торгово-промышленных кругов Центральной России, для решения которых были даже организованы две торговые экспедиции – Московская, а затем Сибирская. По результатам экспедиций была признана значимость монгольского рынка для России, позволявшего осуществлять торговые операции, обеспечивающие заметно более высокую норму прибыли [11]. По территории Байкало-Монгольского региона пролегал, существовавший более 200 лет, знаменитый «Чайный путь» – маршрут поставки китайского чая из Ханькоу в Кяхту и далее на Запад. Объемы товарооборота были столь внушительны, что по маршруту движения в Китае, Монголии и России интенсивно росли богатые торговые города – Ханькоу, Хух-Хото, Урга (Улан-Батор), Кяхта, Верхнеудинск (Улан-Удэ), Иркутск, а для облегчения взаимопонимания был внедрен, так называемый «кяхтинский язык» – русско-китайский пиджин. Местные жители активно включались в процессы торговли и транспортировки в качестве перевозчиков, носильщиков, поставщиков продовольствия и т. д., а также занимались предоставлением других сопутствующих услуг. Так, по данным за 1820 год, в Россию поставлялось более 100000 пудов чая, что составляло около 88 % от русско-китайской торговли, оттеснив традиционные объекты

китайского импорта – шелк и хлопчатобумажные ткани. На пике торговых отношений (1871–1890 гг.) объем поставляемого чая из Китая составлял в среднем 2000000 даней (1 дань = 50 кг) или 6250000 пудов [12]. Функционирование Чайного пути сопровождалось ростом трудовой мобильности населения, что способствовало расширению и укреплению внутренних и внешних социокультурных связей.

3. *Ресурсопользовательские факторы.* Как уже было отмечено, территория региона расположена преимущественно на территории водосборного бассейна оз. Байкал и главного его притока – р. Селенга. Последняя представляет собой трансграничную водную артерию, а ее гидроресурсы формирует хозяйственный ландшафт значительных приграничных территорий по обе стороны границы. Однако несогласованность в вопросах ведения хозяйственной деятельности региональными и местными властями двух стран в водохозяйственной сфере влечет за собой ухудшение экологической ситуации и, главное, нарушает основополагающие принципы солидарного, неконфликтного использования ресурсов трансграничных водных артерий. Как уже было отмечено выше, единственным стоком оз. Байкал является р. Ангара, на которой последовательно размещены сразу четыре крупных гидроэнергетических объекта: Иркутская, Братская, Усть-Илимская и Богучанская ГЭС, а в планах строительство еще и пятой очереди – Мотыгинской ГЭС. Мощность этих объектов более чем на половину обеспечивается гидроресурсами р. Селенга. Однако попытки правительства Монголии также увеличить поступление водной ренты через инициирование строительства сети ГЭС в бассейне Селенги натолкнулись на очень жесткое противодействие со стороны России, повлекшее заморозку всех национальных гидроэнергетических проектов. Экономика Монголии тем временем остро нуждается в дополнительных объемах электроэнергии в рамках решения проблем энергообеспечения производственной и бытовой сферы. В целом такое положение в трансграничном водопользовании нарушает принцип бассейновой солидарности и требует более сбалансированного подхода, учитывающего экономические интересы всех участников хозяйственного процесса. Представление территории региона как целостного геоэкологического пространства путем институционализации Байкало-Монгольского трансграничного региона позволит, на наш взгляд, гармонизировать механизмы совместного ресурсопользования.

Далее проведем краткую статистическую оценку уровня трансграничной торговли, однако отметим, что к Байкало-монгольскому трансграничному региону мы относим и значительную часть Иркутской области, поскольку уровень развития ее хозяйства во многом обусловлен влиянием «байкальского фактора». Показатели же Забайкальского края мы, напротив, учитывать не будем, поскольку вектор его трансграничного взаимодействия ориентирован прежде всего на Китай.

Товарооборот между приграничной Бурятией и Иркутской областью, с одной стороны, и Монголии, с другой, характеризуются достаточно высокими показателями. Однако, как видно из рисунка, геополитические события последних лет привели к значительному снижению товарооборота (рисунок 1).

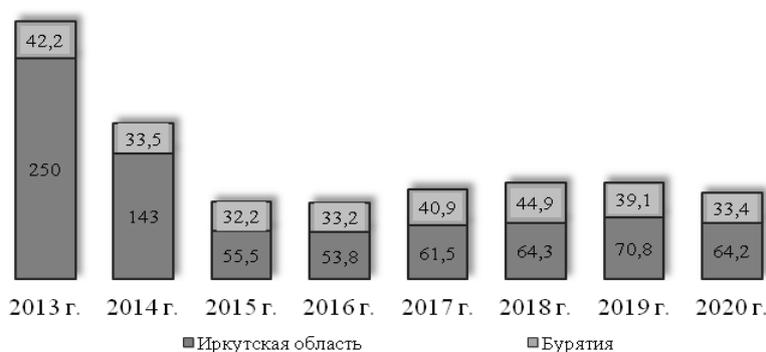


Рисунок 1 – Динамика объемов товарооборота Иркутской области и Бурятии с Монголией¹

¹Здесь и далее рассчитано автором по данным Росстат и портала «Россия: статистика внешней торговли»: <https://ru-stat.su/>.

Внешнеторговый товарооборот складывается из импорта и экспорта. Приграничная Бурятия вкупе с Иркутской областью, с одной стороны, и Монголия, с другой, во внешнеторговой сфере, имеют ярко выраженный торговый профицит, то есть положительное сальдо торгового баланса (рисунок 2).

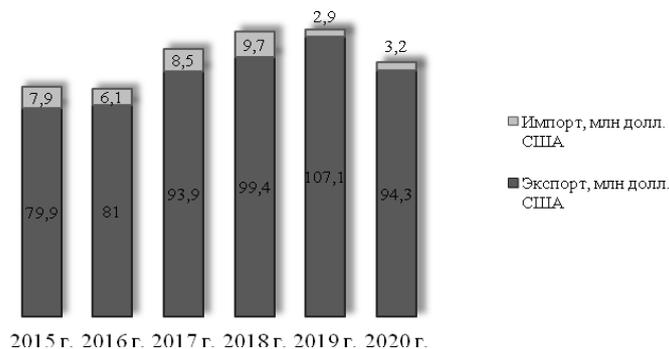


Рисунок 2 – Показатели экспорта и импорта Иркутской области и Бурятии с Монголией

Учитывая несопоставимо малый объем импорта, Монголия заинтересована в увеличении поставок на российский рынок востребованных у нас товаров: мяса, мясопродуктов, кожи и кожаных изделий. Более подробно изменение структуры трансграничного товарооборота представлено на рисунке 3.

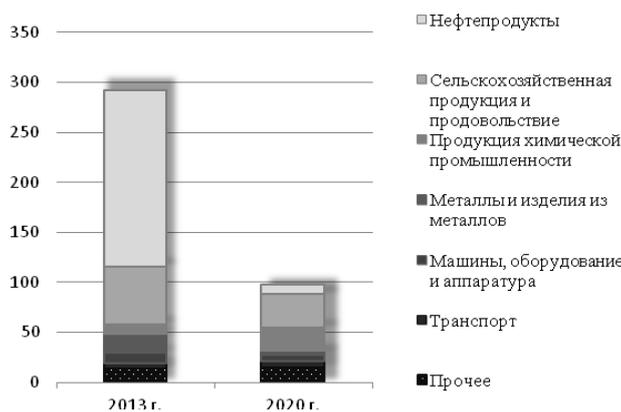


Рисунок 3 – Структура товарооборота Иркутской области и Бурятии с Монголией в 2013 и 2020 гг. (млн долл. США)

Для большего понимания значимости Монголии как внешнеторгового партнера приграничных территорий Байкальского региона рассмотрим долю товарооборота, приходящегося на эту страну, в совокупном внешнем товарообороте Иркутской области и Бурятии (рисунок 4).

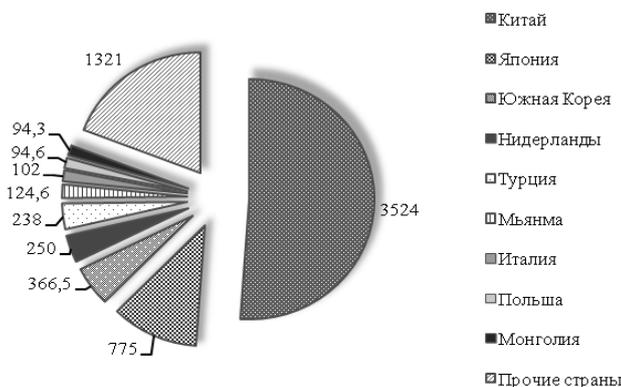


Рисунок 4 – Структура совокупного внешнего товарооборота Иркутской области и Республики Бурятия по странам мира

Сразу оговоримся, что Монголия с численностью населения, приближающейся к отметке 3,5 млн чел., не может иметь емкой, мощной экономики, однако потенциал которой весьма велик, учитывая стремление руководства страны активно развивать свою промышленность и сельское хозяйство, придерживаясь четкой линии геополитического нейтралитета и внеблокового политического статуса.

Учитывая природно-ресурсный потенциал Монголии, основное внимание власти концентрируют на развитии горнодобывающей отрасли, которая, по большей части, ориентирована на взаимодействие с Китаем. Нейтральный статус республики позволяет в равной степени налаживать экономические отношения с другими странами в лице России, Японии, Южной Кореи и даже США. К слову, последние президентские выборы в республике проходили в том числе под лозунгом ослабления зависимости монгольской экономики от Китая и укрепления экономических связей со своим северным соседом – Россией [13]. В настоящее время Монголия периодически испытывает недостаток электроэнергии, что особенно остро проявляется в зимние пики потребления. Развитие ключевых отраслей экономики и горнодобывающей отрасли в частности также невозможно без существенного увеличения объемов наличной электроэнергии, которая может вырабатываться как собственными силами, так и импортироваться извне.

Собственные возможности Монголии в производстве электроэнергии по целому ряду причин серьезно ограничены. Например, как уже было отмечено, развитие гидроэнергетики сопряжено с экологическими рисками для оз. Байкал и его водности и, как следствие, с противодействием российских властей и экологов. Увеличение угольной генерации имеет большие перспективы, поскольку страна обладает крупными запасами угля, однако для этого необходима масштабная модернизация существующих энергетических мощностей². Введение новых генераций требует внедрения передовых технологий в подготовке угля и применения «чистых» угольных технологий (углегазификация, топливные элементы, сжижение угля), использования прогрессивных технологий по утилизации углекислого газа и т. п. [14]. К первоочередным шагам повышения уровня энергообеспеченности республики, в частности, относятся строительство ТЭЦ-5 в г. Улан-Батор проектной мощностью 800 МВт; ТЭС на угольных месторождениях Адуунчулун, Шивээ-Овоо и Таван-Толгой, а также ветропарки в г. Сайн-Шанд и на золоторудном месторождении Оюу-Толгой [15]. Однако на все это потребуется много времени и средств, преимущественно иностранных инвесторов.

Одним из вариантов выхода из сложившегося положения может стать развитие сотрудничества в электроэнергетической сфере с приграничными регионами России, в частности с Иркутской областью, обладающей значительным потенциалом в гидроэнергетике. Суммарная установленная мощность электрогенерирующих производств области по состоянию на 1 января 2021 г. составляет 13041,1 МВт, из которых 9088,4 МВт (69,7 %) приходится на ГЭС. В 2020 г. гидрогенерацией области было выработано 47,68 млрд кВт·ч при совокупном объеме электропотребления в централизованной системе за тот же период – 56 млрд кВт·ч. Общий объем выработки всеми видами генераций в 2020 г. составил 59,7 млрд кВт·ч.

Частичная переброска электроэнергии в Монголию позволит повысить энергообеспеченность республики и, вероятно, закрыть вопрос строительства сети ГЭС в бассейне Селенги. Концептуально это станет продолжением проекта единой советско-монгольской энергосистемы. В период своего становления энергосистема Монголии рассматривалась как часть Восточно-Сибирской энергосистемы СССР, однако распад страны не позволил довести проект до завершения, запрограммировав тем самым серьезные системные проблемы для всей монгольской экономики на многие годы вперед. В настоящее время энергосистемы российского приграничья и Монголии связаны друг с другом посредством ЛЭП Гусиноозерская ГРЭС – Дархан (Монголия), Харанорская ГРЭС – Чойбалсан. Дальнейшее развитие электрических связей потребует строительства дополнительных трансграничных ЛЭП и новых генерирующих мощностей. Для этих целей могут использоваться как мощности Иркутской ГЭС, так и мощности перспективной Мокской ГЭС (Бурятия) с потенциальным объемом производства электроэнергии 5,7 млрд кВт·ч [16]. Это позволит Монголии возвращать часть водной ренты, недополученной из-за невозможности реализовать гидроэнергетический потенциал бассейна Селенги.

²Разведанные запасы угля составляют 150 млрд т [14].

Большое значение для приграничных территорий России и Монголии имеет сфера производства сельхозпродукции и продовольствия. Л.Г. Намжилова рассматривает региональное аграрное природопользование как целостную систему, основу стратегии сбалансированного развития трансграничной территории [17]. Традиционный рацион питания коренных жителей региона состоял преимущественно из мясной и молочной продукции с незначительной долей продуктов растительного происхождения. Вестернизация рациона питания населения Монголии, с одной стороны, и серьезное влияние могущественного Китая в вопросах пищевого поведения, с другой, постепенно трансформируют традиционный рацион в сторону увеличения удельного веса зерновых продуктов. Стремление властей страны снизить зависимость от поставок зерновых из-за рубежа в контексте повышения уровня продовольственной безопасности побуждает увеличивать собственное производство, что сопровождается целым комплексом проблем. Климатические, гидрологические и почвенно-биотические особенности Монголии в контексте развития земледелия требуют интенсивной мелиорации, что существенно увеличит водозабор (именно на сельское хозяйство приходится порядка 70 % мирового потребления воды). Территории, где возможно устойчивое земледелие, расположены по большей части в бассейне Селенги. Как следствие, Байкальский бассейн может столкнуться с проблемой сокращения поступления воды из водосборной системы Монголии. Мерой предотвращения такой ситуации может стать формирование в рамках Байкало-Монгольского трансграничного региона системы взаимодействия в сфере производства сельскохозяйственной продукции. Следует предусмотреть, помимо расширения трансграничной сельскохозяйственной кооперации, возможность использования монгольскими аграриями на возмездной основе земельных угодий, расположенных в приграничье России, для производства продукции для собственных нужд. Как известно, Байкальский регион обладает значительными запасами пригодных для земледелия угодий, длительное время не участвующих в производственных процессах и подвергающихся процессам деградации и зарастания лесом. В зависимости от почвенно-климатических зон среднегодовой уровень осадков (основной ограничивающий фактор, присущий территории Монголии) варьирует от менее 300 мм в Прибайкальской до 450 мм в Присяянской зоне. В водосборном бассейне Селенги, в северной части Монголии, где и планируется активно развивать земледелие, среднегодовой уровень осадков редко превышает 230–250 мм в год.

Угодья должны предоставляться во временное пользование на основе ранее заключенных двусторонних соглашений и не находиться в хозяйственном использовании российскими сельхозпроизводителями. Пользователи таких угодий должны соблюдать агротехнические нормы и не ухудшать качественное состояние почв и их плодородие. Эта мера позволит снизить потребность в расширении посевных площадей в монгольской части водосборной системы Байкала и, следовательно, предотвратить возможный чрезмерный забор водных ресурсов, способных снизить приток воды в оз. Байкал.

Заключение. Предложенные меры позволят в рамках Байкало-Монгольского трансграничного региона активизировать хозяйственные взаимоотношения и сократить негативное антропогенное воздействие на экосистему уникальной природной территории. При этом последнее будет соответствовать основным принципам бассейновой солидарности и выступит фактором снижения уровня потенциальной конфликтогенности при совместном хозяйственном использовании трансграничных водных ресурсов. Такая интеграция хозяйственных систем приграничных территорий возможна только в условиях институционализации трансграничного региона как целостного социокультурного и экономического пространства, развитие которого координируется специально созданными структурами регионального управления.

Литература

1. Наумов, С. П. Проблемы глобализации / С. П. Наумов, В. А. Халилов, О. В. Пацук // Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики : кол. моногр. ; научн. ред.: А. У. Альбеков, Г. Г. Матишов, А. М. Старостин. – Ростов н/Д. : Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2017. – 400 с.
2. Черняк, Е. Г. Идентификация модели экономического сотрудничества приграничного региона / Е. Г. Черняк // Известия Байкальского гос. ун-та. – 2010. – № 6 (74). – С. 64–66.

3. Лепа, Т. П. Взаимные интересы и проблемы в реализации сотрудничества России с Китаем и Монголией / Т. П. Лепа // Известия Байкальского гос. ун-та. – 2019. – Т. 29, № 1. – С. 80–87.
4. Козырская, И. Е. Значимость развития внешнеэкономической деятельности для регионов страны [Электронный ресурс] / И. Е. Козырская // Baykal research journal. – 2010. – № 6. – Режим доступа : <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=13981>. – Дата доступа : 15.09.2022.
5. Кучинская, Т. Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства : в поисках когнитивной модели исследования [Электронный ресурс] / Т. Н. Кучинская // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045>. – Дата доступа : 15.09.2022.
6. Колпакова, Т. В. Трансграничный регион как форма организации социокультурного пространства (на примере Байкальского региона РФ и северо-восточного региона КНР) / Т. В. Колпакова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11. – С. 1192–1196.
7. Российско-Казахстанский трансграничный регион : история, геоэкология и устойчивое развитие. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 2016 с.
8. Хамзина, Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья / Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ, 1970. – 140 с.
9. Окладников, А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье (Филология и история монгольских народов) / А. П. Окладников. – М., 1958. – 206 с.
10. Асеев, И. В. Некоторые аспекты исторических и археологических материалов как свидетельства расселения монголоязычных племен в Байкальском регионе и Монголии в средние века / И. В. Асеев // Вестник НГУ. Серия : История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5 : Археология и этнография. – С. 189–198.
11. Кузьмин, Ю. В. История русско-монгольской торговли рубежа XIX–XX веков : новое прочтение / Ю. В. Кузьмин // Историко-экономические исследования. – 2014. – Т. 15, № 3. – С. 625–634.
12. Лю, Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией / Лю Цзайци // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 63–75.
13. Суходолов, А. П. Экономика Монголии в системе большой Евразии / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин // Евразийское сотрудничество : гуманитарные аспекты. – 2017. – № 1. – С. 136–144.
14. Пунсалмаагийн, Очирбат. Угольная промышленность Монголии : состояние и перспективы развития / Очирбат Пунсалмаагийн // Записки горного института. – 2017. – Т. 226. – С. 420–427.
15. Воропай, Н. И. Энергетическое сотрудничество Монголии и России : современное состояние и стратегические направления / Н. И. Воропай, Б. Г. Санеев, С. Батхуяг, Х. Энхжаргал // Пространственная экономика. – 2013. – № 3. – С. 108–122.
16. Энхжаргал, Х. Формирование электроэнергетической системы Монголии на базе Шивээ-Овооской ТЭС (КЭС) / Х. Энхжаргал, С. Батмунх, В. А. Стенников // Вестник ИрГТУ. – 2012. – № 5 (64). – С. 173–181.
17. Намжилова, Л. Г. Региональная система природопользования трансграничной территории «Россия (Бурятия) – Монголия» : Подходы к исследованию [Электронный ресурс] / Л. Г. Намжилова // Baykal research journal. – 2011. – №1. – Режим доступа : <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=7557>. – Дата доступа : 01.10.2022.

УДК 334.722.8.012.3

Формирование механизма экономических отношений субъектов акционерной собственности

Л.А. ГИТКОВИЧ

В статье исследуются концептуальные подходы к формированию механизма экономических отношений в процессе реализации акционерной собственности. Выделены элементы механизма функционирования акционерных форм хозяйствования. Проанализирована структура акционерной собственности по группам акционеров и обоснованы их экономические интересы.

Ключевые слова: акционерная собственность, хозяйствование, акционеры, экономические интересы.

The article examines the conceptual approaches to the formation of the mechanism of economic relations in the process of realization of joint stock ownership. The elements of the mechanism of functioning of joint-stock forms of management are singled out. The structure of joint stock ownership by groups of shareholders was analyzed and their economic interests were substantiated.

Keywords: joint stock property, management, shareholders, economic interests.

Введение. Взгляды исследователей (А.И. Галкин, Е.В. Красникова, О.Е. Германова, М.С. Штанько) на вопросы методологии, характера и направлений развития акционерных отношений как в ретроспективе, так и на современном этапе разнообразны и имеют дискуссионный характер [1], [2], [3]. Уточнение определения природы и экономической характеристики акционерных отношений является актуальным прежде всего с точки зрения их структурного формирования и развития.

Основная часть. Реализация той или иной формы собственности выражается в практической деятельности ее субъектов и осуществляется непосредственно в процессе хозяйствования. Хозяйствование является деятельностью целесообразной, т. к. субъект хозяйствования «осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий» [4, с. 32]. Форма хозяйствования подразумевает организованную форму целенаправленного поведения, т. е. предполагает формирование «организаций», посредством которых тот или иной субъект реализует свои интересы и получает доход. На наш взгляд, социально-экономическое содержание категории «форма хозяйствования» можно определить как форму реализации отношений собственности, наилучшим образом обеспечивающую экономические интересы субъектов этих отношений. Разнообразие форм собственности объективно обуславливает существование разнообразия форм хозяйствования. На микроуровне формы хозяйствования характеризуются определенной организационно-правовой формой фирмы (предприятия). Основным критерием выделения различных организационно-правовых форм хозяйствования является, на наш взгляд, конфигурация элементов механизма ее функционирования, а именно:

- формирование капитала;
- система управления и распределения риска и ответственности;
- распределение прибыли и прав на остаточный доход.

Различная конфигурация выделенных критериев проявляется в механизме функционирования конкретных форм хозяйствования.

Акционерная собственность в правовом разрезе фиксирует права акционеров (физических, юридических лиц и государства) на ценные бумаги – акции. Акция как доля права собственности способствует формированию акционерного капитала, который функционирует как единое целое и представляет собой собственность акционерного общества как юридического лица.

Сравнительная характеристика акционерной собственности в системе правовых форм (частной и государственной) представлена в таблице 1:

Таблица 1 – Акционерная собственность в системе правовых форм: сравнительная характеристика

Характер реализации отношений собственности	Форма собственности		
	Частная	Акционерная	Государственная
Субъект собственности	Единоличный владелец	Ассоциированный владелец	Безличностный владелец
Характер присвоения	Частное (индивидуальное) присвоение	Органическое единство частного и общего присвоения	Общественное присвоение
Форма и содержание присвоения	Прямое и реальное	Частичное и реальное	Косвенное и номинальное
Характер соединения собственности и управления	Собственность и управление полностью соединены	Собственность и управление частично отделены	Собственность и управление частично отделены
Участие субъектов собственности в процессе ее реализации	Полное участие	Частичное участие	Не полное участие
Ответственность	неограниченная	ограниченная	ограниченная

Примечание: собственная разработка.

Анализ таблицы 1 приводит к выводу, что акционерная собственность не может быть полностью идентифицирована как одна из конкретных правовых форм собственности (частная или государственная) и позволяет также выявить присущие именно ей функции:

1. *Функция интегрирования*, которая проявляется в том, что ранее обособленные мелкие капиталы посредством объединения аккумулируются в единый крупный акционерный капитал. На основе функции интегрирования акционерной собственности производство товаров и услуг сливается в единый процесс, и осуществляется в рамках общего субъекта собственности – акционерного общества.

2. *Функция индивидуализации*, реализующаяся посредством экономического и правового «инструмента» – акции, которая:

- а) фиксирует долю собственности акционера в акционерном капитале;
- б) предоставляет акционеру право участия в управлении;
- в) предоставляет право участия акционера в присвоении текущих и окончательных результатов деятельности акционерного общества, в том числе в форме дивидендов; получении новых акций при увеличении уставного капитала; получении дохода от продажи (или иной формы отчуждения) акций;
- г) экономически гарантирует сохранение собственности акционера при его выходе из акционерного общества (доход от продажи).

Результатом индивидуализации акционерной собственности является преодоление отчуждения собственников от средств и результатов производства, то есть превращение их в индивидуальных собственников.

В экономическом разрезе акционерная собственность предполагает полное отделение капитала-собственности от капитала-функции. Именно это обстоятельство обуславливает природу:

- акционера как собственника акции;
- акции как инструмента собственности;
- акционерного общества как субъекта хозяйствования.

Двойственный характер акционерной собственности означает, что, с одной стороны, в акционерном обществе имеется собственность на реальный капитал, существующий в форме производственных, товарных и денежных фондов предприятия. С другой стороны, в акционерном обществе существует собственность на акции, которая, в отличие от реального капитала, является капиталом фиктивным.

Двойственная природа акционерной собственности позволяет предложить такой объект собственности, как акции, позволяющий расширить границы и гибкость инвестирования при ограниченной ответственности и невозможности изъятия внесенной акционерами доли.

Мы приходим к выводу, что экономическую природу акционерной собственности выражают такие формы ее реализации, как:

- получение дохода от текущей деятельности – дивиденда;
- участие в управлении акционерным обществом;
- получение информации о деятельности акционерного общества;
- получение остаточного дохода.

Реализация права получения дохода от текущей деятельности акционерного общества – дивиденда – зависит от ряда факторов, прежде всего от:

- размера пакета акций;
- результатов хозяйственной деятельности акционерного общества.

Получение дохода-дивиденда выражается нелинейной зависимостью от выделенных факторов. Производная форма дохода-дивиденда, является следствием производного права, обособившегося от права собственности: экономическая свобода акционеров ограничена правом собственности на акции.

Таким образом, акционерная собственность имеет присущую только ей структуру реализации, в которой базовым уровнем является ее организационно-правовая форма. Исходной организационно-правовой формой реализации акционерной собственности, т. е. формой хозяйствования, выступает *акционерное общество (АО)*.

На наш взгляд, в акционерном обществе конструкция акционерных отношений строится на объектно-субъектном уровне таких ключевых элементов, как собственность акционера; собственность акционерного общества; сочетание экономических интересов акционерного общества, акционеров и общества в целом как важной слагаемой ее эффективного функционирования.

Объектом собственности акционеров выступают акции. «Акционеры... осуществляют инвестиции на срок жизни фирмы, и в случае ее ликвидации они оказываются в конце очереди претендентов на ее имущество» [5, с. 483]. Акция не дает безусловного права на распоряжение долей имущества акционерного общества, которая соответствует ее номинальной стоимости.

Современный субъект акционерной собственности – ассоциация физических, юридических лиц и государства с неравномерно распределенными правами; имеет сложную неоднородную структуру, сложившуюся в результате его эволюционного развития. С одной стороны, в акционерной собственности теоретически обеспечивается правовое равенство. Современный субъект акционерной собственности акционеров как составляющих единый субъект акционерной собственности; с другой стороны, в ее конструкции имеет место реальное экономическое неравенство, проявляющееся в дифференциации и объеме прав собственности акционеров различных статусов, представляющих единый субъект.

Объектом собственности акционерного общества выступает его имущество как юридического лица; субъектом в этих отношениях является само акционерное общество как юридическое лицо.

Таким образом, в акционерной собственности происходит процесс расщепления и обособление ее функций. В специфике экономического содержания акционерной собственности четко прослеживается функция делимости прав собственности и их способность к комбинированию, а также обособление функции управления.

Акционерная собственность определяет механизм функционирования акционерного общества, который, на наш взгляд, предполагает соответствующую конфигурацию (наличие, взаимодействие и обусловленность) следующих элементов:

- структура акционерного собственности (капитала);
- система корпоративного управления;
- механизм распределения прав и доходов.

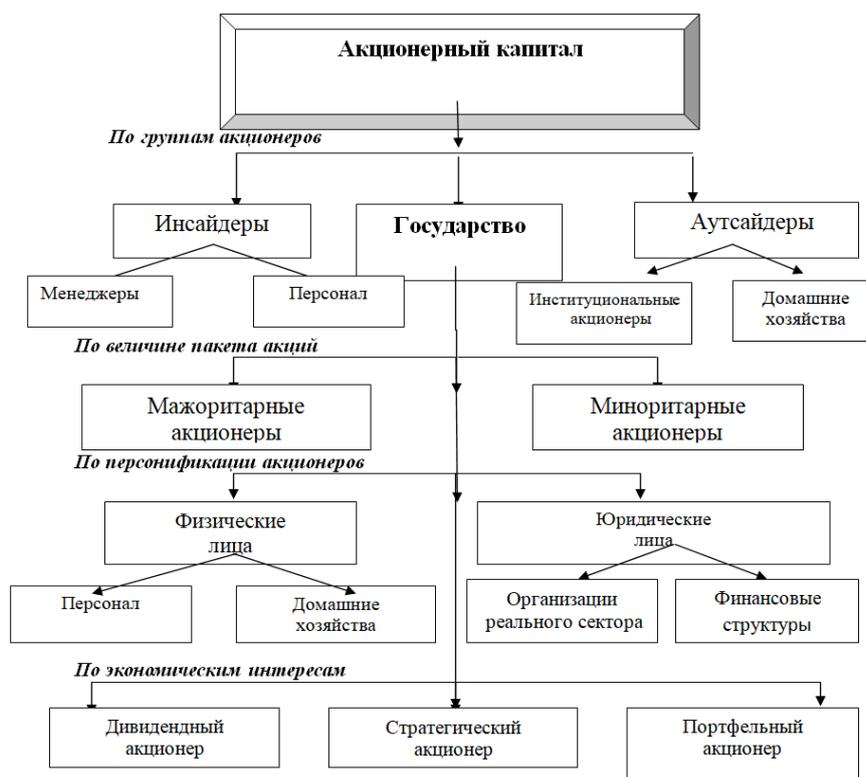


Рисунок 1 – Классификация субъектов акционерной собственности

Примечание: собственная разработка.

Структура акционерного капитала. Подтверждением вывода о неоднородности и сложности современного субъекта акционерной собственности является отсутствие в научных источниках единой трактовки структуры субъектов акционерной собственности. В научной литературе структура субъектов акционерной собственности определяется по различным критериям: соотношению долей акций, принадлежащих различным акционерам; величине пакета акций одного акционера; экономическим интересам акционеров [6].

На основе анализа различных подходов нами выделены критерии и разработана авторская трактовка классификации субъектов акционерной собственности (рисунок 1). Предложенная трактовка имеет отличие от существующих в следующих моментах:

- в классификации по группам акционеров государство выделено в отдельный субъект;
- выделен критерий – персонификация акционеров.

Рассмотрим подробнее структуру акционерной собственности по группам акционеров.

Государство-акционер. Государство может извлекать из своих долей в акционерном капитале денежные (доходы, получаемые от продажи акций, дивиденды, налоги) и социальные (степень влияния государства при принятии решений о деятельности акционерного общества).

По критерию участия и влияния на управление государством в акционерной собственности можно представить следующую классификацию акционерных обществ:

- со 100 %-м государственным капиталом;
- с принадлежащим государству контрольным пакетом акций;
- с государственным пакетом акций, не являющимся контрольным.

Государство-акционер имеет возможность внешнего воздействия на стратегию и тактику акционерного общества, т. е. является портфельным акционером с латентными целями.

Акционеры-инсайдеры. Это неоднородная группа акционеров. В нее входят высший менеджмент, менеджмент среднего звена, рабочие и служащие. Интересы этой группы акционеров не замыкаются только на получении дивидендов, т. к. от деятельности акционерного общества зависит их заработная плата как источника дохода и получение ряда социальных льгот.

Акционеры-институциональные инвесторы являются крупными инвесторами, которые могут участвовать как в управлении акционерным обществом, так и в управлении акционер-

ным капиталом, где их основная цель – максимизация доходов и диверсификация инвестиционного портфеля.

Акционеры-домашние хозяйства. Это неоднородная группа акционеров. В ее составе выделяются как богатейшие семейства мира, так и мелкие акционеры. Мелкие акционеры мало заинтересованы в делах управления и приобретают акции преимущественно с целью получения дивидендов. При уменьшении дохода они продают свои акции.

Таким образом, мы приходим к выводу, что каждая группа акционеров имеет собственные экономические интересы. Под экономическим интересом мы понимаем объективную форму извлечения выгоды и ее присвоения в процессе экономических отношений, оформленных в определенные отношения собственности. Суть экономического интереса как своеобразной формы персонификации отношений собственности выражается стремлением каждого субъекта экономических отношений к извлечению наибольшей выгоды для воспроизводства себя как экономического субъекта [7, с. 14]. Экономические интересы групп акционеров в большинстве случаев различны, разнонаправлены и противоречивы, а их реализация является итогом взаимодействия в едином процессе присвоения.

Экономические интересы групп акционеров аргументируют и позволяют их классифицировать по этому критерию на стратегических, дивидендных и портфельных акционеров (рисунок 1).

Стратегический акционер заинтересован в долгосрочном устойчивом росте и развитии акционерного общества.

Дивидендный акционер становится акционером исключительно с целью получения дивидендов.

Основная цель приобретения акций портфельным акционером – диверсификация инвестиционного портфеля.

Реализация экономических интересов в рамках акционерной собственности определяются объемом прав различных групп акционеров.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что акционерная собственность в системе экономических отношений собственности представляет собой синергетическую систему совместного присвоения, распределения и пользования, не относящуюся ни к одной конкретной правовой форме, имеющую и частную, и коллективную, и государственную составляющие.

Экономические интересы акционеров и владение контрольным пакетом акций являются приоритетными факторами, определяющими инвестиционную привлекательность и долгосрочную стратегию развития акционерных форм хозяйствования.

Литература

1. Галкин, А. И. О роли акционерной собственности в современной системе экономических отношений / А. И. Галкин // Альм. мировой науки. – 2016. – № 12-2. – С. 89–92.
2. Красникова, Е. От единообразия к многообразию форм собственности / Е. Красникова // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2007. – № 8. – С. 12–18.
3. Германова, О. Е. Собственность как система отношений и ее отражение в акционерной форме / О. Е. Германова, М. С. Штанько // Журн. экон. теории. – 2016. – № 4. – С. 150–163.
4. Бугера, В. Е. Собственность и управление: философско-экономические очерки / В. Е. Бугера. – М. : Наука, 2003. – 345 с.
5. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма : Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О. И. Уильямсон ; пер. с англ. Ю. Е. Благова [и др.]. – СПб. : Лениздат:CEV Press, 1996. – 702 с.
6. Азарян, Н. А. Исследование структуры акционерной собственности как фактора, влияющего на изменение стоимости компании / Н. А. Азарян // Вестн. Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. – 2012. – № 7. – С. 45–53.
7. Канапухин, П. А. Система экономических интересов и их роль в мотивационном механизме / П. А. Канапухин, Ю. И. Хаустов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2004. – № 2. – С. 11–21.

Диверсификация бизнеса как стратегия развития сетей АЗС на рынке нефтепродуктов Республики Беларусь

Е.А. КАДОВБА, С.С. КАМОРНИКОВ, С.Ф. КАМОРНИКОВ

В работе на основе анализа внутреннего рынка нефтепродуктов Республики Беларусь обсуждаются стратегии его развития. Исследуется система экзогенных и эндогенных факторов, ограничивающих стратегию экстенсивного роста, связанную с наращиванием количества АЗС на рынке. Делается вывод о необходимости перехода к стратегии диверсификации бизнеса в розничном сегменте рынка. Анализируются основные направления связанной и несвязанной диверсификации на нем.

Ключевые слова: диверсификация бизнеса, связанная и несвязанная диверсификация, розничный рынок моторного топлива, концентрация рынка.

On the basis of the analysis of the domestic market of petroleum products of the Republic of Belarus, the paper discusses the strategies for its development. The system of exogenous and endogenous factors limiting the strategy of extensive growth associated with increasing the number of gas stations on the market is investigated. It is concluded that it is necessary to switch to a strategy of business diversification in the retail segment of the market. The main directions of related and unrelated diversification on it are analyzed.

Keywords: business diversification, related and unrelated diversification, retail motor fuel market, market concentration.

Введение. Современные компании разных сфер деятельности, сталкиваясь со множеством рисков, вынуждены искать эффективные способы выживания в конкурентной борьбе и страхования от возможных финансовых потерь. Концентрация всех имеющихся ресурсов в одном направлении создает дополнительные риски, поскольку в случае изменения ситуации на рынке, появления на нем новых субъектов бизнеса компания может столкнуться с проблемами в области сбыта своей продукции или оказания услуг, потерей части клиентов, что в результате приведет к снижению ее доходов и ухудшению финансовых результатов деятельности в целом. Одним из способов снижения рисков такого рода является диверсификация бизнеса, суть которой заключается в распределении ресурсов между несколькими направлениями деятельности компании. Данная стратегия может предполагать начало производства усовершенствованных или принципиально новых для компании продуктов, оказание новых, либо близких к основному виду деятельности услуг, инвестирование в различные активы. Диверсификация бизнеса способствует снижению зависимости от конкретного рынка сбыта, перераспределению рисков, многоцелевому, более полному и эффективному использованию финансовых и других ресурсов, имеющихся у компании, повышению ее устойчивости в долгосрочной перспективе и росту конкурентоспособности. Вместе с тем следует учитывать, что сам процесс диверсификации также может быть связан с рисками и не принести желаемых результатов в случае неправильной оценки ожиданий и потребностей клиентов, ошибочного прогнозирования действий конкурентов либо необъективного анализа тенденций, складывающихся на рынке. Таким образом, исследование диверсификации бизнеса как одного из факторов развития компании, оценка ее потенциальных выгод и рисков – актуальная задача, имеющая как теоретическую, так и практическую значимость.

Все изложенное в значительной степени касается компаний, осуществляющих свою деятельность на розничном рынке нефтепродуктов.

1. Стратегия диверсификации бизнеса в современных условиях. Понятие «диверсификация бизнеса» в современной экономической науке используется достаточно широко. Следует отметить, что определение данного термина и трактование его сущности претерпело ряд изменений и продолжает оставаться неоднозначным, а в научной литературе и практике существует ряд различных определений данной экономической категории. Одни из наиболее ранних подходов к трактованию сущности диверсификации бизнеса определяют последнюю с точки зрения границ рынков или отраслей, в которых ведет свою деятельность компания [1]. Р. Питс и Х. Хопкинс рассматривают диверсификацию с несколько иной стороны, определяя ее как одновременное ведение

нескольких видов бизнеса [2]. Диверсификация является достаточно многоаспектной стратегией, и в работе [3] авторы предприняли попытку отразить это в толковании данной категории: здесь диверсификация определяется как способ расширения основного бизнеса с целью роста и (или) снижения риска. Авторы отмечают, что диверсификация бизнеса может:

1) включать все возможные инвестиции в различные сферы деятельности, за исключением тех, которые связаны с финансированием и поддержанием конкурентоспособности уже существующего основного бизнеса компании;

2) принимать форму инвестиций в новые продукты, услуги, сегменты рынка, а также географические рынки;

3) достигаться несколькими способами, в том числе на основе внутреннего развития самой компании, организации совместных предприятий, лицензионных соглашений.

Похожей точки зрения придерживается Н.Б. Рудык, акцентируя внимание не только на направлениях, но и на целях диверсификации и связывая ее с процессом проникновения корпорации в новые отрасли производства и географические сегменты рынка с целью снижения риска операций и стабилизации потоков денежных средств, поступающих от них [4].

Ф. Котлер определяет стратегию диверсификации фирмы как возможность разработки и выпуска новой продукции для новых рынков [5].

А. Томпсон и А. Стрикленд характеризуют диверсификацию как процесс проникновения фирмы в другие отрасли производства. При этом они отмечают, что стратегия диверсификации используется для снижения риска зависимости от одной отрасли, а также как механизм получения дополнительной прибыли, так как основные виды деятельности компании уже перестали приносить прибыль на достаточном уровне [6].

Е.Г. Новицкий понимает под диверсификацией проникновение фирм в отрасли, не имеющие прямой производственной связи или функциональной зависимости от основной отрасли их деятельности; в широком смысле диверсификация – это распространение хозяйственной деятельности на новые сферы [7].

Исходя из представленных выше определений, можно сделать вывод, что существуют три основные их группы: первая группа определений концентрируется на целях диверсификации (снижение риска потерь дохода или капитала), вторая группа определений акцентирует внимание преимущественно на средствах достижения этих целей (создание компаний, работающих в различных областях, расширение сфер деятельности на рынках новых товаров, проникновение в новые сферы производства и т. д.), тогда как определения третьей группы сочетают в себе акцент как на целях диверсификации бизнеса, так и на способах их достижения.

Для нас, исходя из целей практического анализа проблем диверсификация розничного бизнеса на рынке нефтепродуктов, наиболее приемлема следующая формулировка из [1]: *«диверсификация – это стратегия корпоративного уровня, разрабатываемая с целью обеспечения конкурентоспособности предприятия в долгосрочной перспективе, предполагающая формирование производственных секторов и направлений в технологически новых для данного предприятия областях деятельности»*.

В дальнейшем мы будем отталкиваться от приведенной выше трактовки.

Основным классификационным признаком для диверсификации является дихотомический признак, оценивающий связь основного и нового бизнесов. В этом плане выделяют два основных вида: связанную и несвязанную диверсификацию (таблица 1).

Таблица 1 – Виды диверсификации и их характеристика

Вид диверсификации	Характеристика
Связанная диверсификация	Новый бизнес связан с основной деятельностью компании. Связанная диверсификация имеет отношение к основному продукту, производству, направлению деятельности. Не требует существенных вложений средств и времени.
<i>Подвиды:</i>	
Горизонтальная связанная диверсификация	Параллельно с основной продукцией компания выпускает аналог с подобными свойствами.
Вертикальная связанная диверсификация	Новый продукт участвует в производстве основного в качестве комплектующего или улучшает его характеристики в качестве инновационной доработки.
Несвязанная диверсификация	Новый бизнес компании не связан с той деятельностью, которой она занималась до диверсификации. Является более сложной, чем связанная диверсификация. Требуется обучение сотрудников, приобретение нового оборудования, перестройка процессов и т. д. Это новая деятельность для компании, направленная на освоение других рынков. Ресурсов в этом случае требуется больше.

На практике достаточно часто встречается **комбинированная диверсификация**, когда используют различные сочетания связанной и несвязанной диверсификации, что дает максимальную устойчивость бизнесу.

2. От экстенсивного роста сети АЗС к диверсификации. Современный внутренний рынок нефтепродуктов Республики Беларусь следует характеризовать как рынок с высокой долей ритейла и низким уровнем развития конкуренции.

В 2021 г. доля розничного рынка в общем объеме реализации моторного топлива составила 71,5 % (таблица 2), увеличившись за последние 10 лет почти на 10 процентных пунктов (динамика развития ритейла за последние 4 года представлена в таблице 3). При этом для высокооктановых бензинов (А-92 и А-95) этот показатель достигает уровня 95 %. Главным фактором отмеченного роста является переход многих юридических лиц на обслуживание через АЗС (по мнению специалистов, такая практика уменьшает издержки предприятий, декриминализирует сферу обращения моторного топлива и усиливает возможности обеспечения контроля его качества) [8].

Таблица 2 – Распределение розничных и оптовых продаж моторного топлива в Республике Беларусь (2021 г.), тыс. т

Вид топлива	Производственная продажа	Розничная продажа	Общее потребление
Дизельное топливо	1092,2	1805,4	2897,6
Бензин А-95	33,8	561,2	595,0
Бензин А-92	31,3	557,3	588,6
Бензин Нормаль-80 + А-76	9,7	0	9,7
Моторное топливо (всего)	1167,0	2923,9	4090,9

Таблица 3 – Динамика розничных и оптовых продаж моторного топлива в Республике Беларусь, тыс. т

Год	Производственная продажа	Розничная продажа	Общее потребление	Доля розничных продаж
2018	1380,9	3094,6	4475,5	69,1
2019	1285,6	3060,8	4346,4	70,4
2020	1136,4	2871,8	4008,2	71,6
2021	1167,0	2923,9	4090,9	71,5

В экономической теории традиционно делается вывод о том, что структура рынка влияет на поведение игроков и, в конечном итоге, на результаты их деятельности. Поэтому анализ тенденций рынка неминуемо требует исследования основных количественных показателей концентрации, которые, отражая структуру рынка, служат определенными индикаторами уровня конкуренции между хозяйствующими субъектами. При этом в соответствии со сложившейся мировой практикой при анализе конкуренции на розничном рынке нефтепродуктов обычно исходят из того, что основными мерами рыночной доли оператора являются количество принадлежащих ему АЗС и объем реализации нефтепродуктов.

В качестве продавцов на рынке выступают автозаправочные станции (их сеть в Республике Беларусь на начало 2022 г. насчитывала 836 единиц), принадлежащие различным операторам. При этом 68,9 % АЗС (576 единиц) в стране принадлежат ПО «Белоруснефть» и 260 – другим операторам. За последние два года сеть АЗС сократилась на 14 единиц.

Динамика структуры операторов рынка за последние 10 лет представлена в таблице 4. Она отражает развитие розничного рынка с явным доминированием государственной системы нефтепродуктообеспечения, представленной ПО «Белоруснефть». Чуть больше 25 % приходится на сети российских вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), остальную часть делят около десяти независимых операторов. Как следует из таблицы 4, в последние 2–3 года рост сетей ВИНК на белорусском рынке стабилизировался, а сеть АЗС других операторов сократилась в 1,6 раза (в 4,7 раза за последние 10 лет).

Таблица 4 – Изменение структуры операторов розничной торговли нефтепродуктами в Республике Беларусь (2012–2022 гг.)

Наименование оператора	Кол-во АЗС на начало 2012 г.	Доля АЗС в сети на начало 2012 г.	Кол-во АЗС на начало 2020 г.	Доля АЗС в сети на начало 2020 г.	Кол-во АЗС на начало 2022 г.	Доля АЗС в сети на начало 2022 г.
ПО «Белоруснефть»	493	60,9	574	67,5	576	68,9
ИП «Лукойл-Белоруссия»	81	10,0	82	9,6	84	10,0
ИООО «Газпромнефть-Белнефтепродукт»	39	4,8	49	5,8	49	5,9
ИООО «РН-Запад»	40	4,9	36	4,2	34	4,1
ОДО «Астотрейдинг»	14	1,7	35	4,1	36	4,3
ИООО «Татбелнефтепродукт»	2	0,2	18	2,1	18	2,1
СПООО «Юнайтед Компани»	10	1,2	11	1,3	11	1,3
Другие операторы	131	16,2	45	5,3	28	3,3
Всего по Республике Беларусь	810	–	850	–	836	–

Белорусский розничный рынок светлых нефтепродуктов является олигопольным с заметным доминированием ВИНК, которые в значительной степени определяют инфраструктуру и динамику рынков нефтепродуктов. Хотя на нем осуществляют экономическую деятельность более двух десятков хозяйствующих субъектов, степень концентрации на рынке является высокой: коэффициент концентрации $CR(3)$ трех крупнейших продавцов («Белоруснефть», «Лукойл», «Газпромнефть») составляет 84,8 % [8].

Концентрация рынка по трем крупнейшим операторам является высокой и в локальных секторах. В частности, на розничном рынке Минска функционируют 98 АЗС, из них 44 (или 44,9 %) принадлежит ПО «Белоруснефть», а 54 АЗС – другим операторам: компании «Астотрейдинг» – 21 (21,4 %), компании «Лукойл» – 15 (15,3 %) (коэффициент концентрации составляет 80,7 %). Отметим, что на отдельных локальных рынках коэффициент Херфиндаля-Хиршмана значительно ниже, чем на всем рынке (за счет более широкой представленности здесь иностранных и частных операторов). В первую очередь это касается близкого приграничья с Польшей, Литвой и Латвией и обусловлено влиянием ценового фактора.

Исходя из анализа коэффициента концентрации на рынке, можно сделать вывод о том, что розничный рынок светлых нефтепродуктов в Беларуси является слабо конкурентным, а конкуренция на нем является конкуренцией между немногими. Относительно конкурентные локальные рынки сложились только в немногих местах, например, в Минске, отчасти в областных городах и отдельных приграничных районах, где на небольшом участке располагается значительное количество АЗС, принадлежащих разным операторам.

Мировая практика определения рынков нефтепродуктов с наиболее высоким уровнем спроса, а следовательно, наиболее привлекательных с точки зрения развития розничного рынка автобензина и дизельного топлива, использует следующие относительные показатели, характеризующие насыщение (количество АЗС на 10 тысяч населения) и плотность системы розничной продажи (количество АЗС на 1000 квадратных километров и количество АЗС на 100 километров автодорог с твердым покрытием) [9].

Сравнительный анализ с другими странами показывает, что белорусский рынок моторного топлива по показателю насыщения имеет перспективы для роста. Так, если в республике приходится 0,84 АЗС на 10 тысяч человек, то в России и Польше – 1,8 АЗС. В Австрии же этот показатель и вовсе достигает 3,4. По показателям плотности Беларусь опережает Россию, но значительно проигрывает странам Западной Европы. В частности, сегодня показатель количества АЗС на 100 километров автодорог с твердым покрытием составляет 1,7. По мнению Министерства транспорта среднее расстояние между заправками на белорусских трассах должно составлять 40–50 км. Последнее также создает определенный потенциал для развития бизнеса ВИНКов на рынке нефтепродуктов Республики Беларусь по стратегии концентрации. Этот потенциал сегодня оценивается в 10–15 %.

Тем не менее существует система экзогенных и эндогенных факторов, ограничивающих стратегию экстенсивного роста, связанную с наращиванием количества АЗС. Остановимся на некоторых из них.

1. Анализ текущего и перспективного размещения объектов сети АЗС свидетельствует о том, что рынок розничной торговли нефтепродуктами по числу АЗС близок к насыщению и многие игроки теряют интерес к нему. Более того, на многих локальных рынках (Минск, некоторые област-

ные города и отдельные приграничные районы) сеть заправок станций в основном сформировалась. Стабильное обеспечение нефтепродуктами на локальных рынках с низким спросом (малонаселенные пункты и агропромышленные городки) может быть достигнуто на основе внедрения передвижных автозаправочных станций (ПАЗС). Скорее всего такое направление бизнеса ввиду его низкой доходности будет обеспечиваться государственной компанией «Белоруснефть», которая ориентирована не только на получение прибыли, но и на решение широкого круга социальных задач.

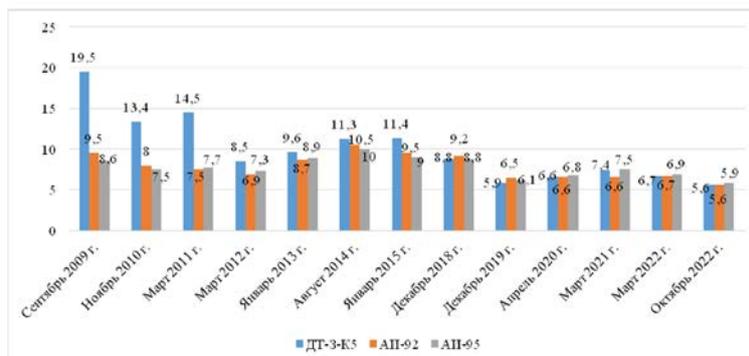


Рисунок 1 – Динамика размера торговых надбавок в сети АЗС ПО «Белоруснефть», %

2. Как следует из данных таблицы 3 в ритейле в последние 3–4 года сформировалась тенденция к уменьшению объемов продаж моторного топлива. Кроме того, отмечается и снижение маржинальности по основному виду деятельности АЗС (динамика торговой надбавки на светлые нефтепродукты на АЗС ПО «Белоруснефть» представлена на рисунке 1). В итоге доходы от бизнеса, связанного с розничной реализацией моторного топлива, падают, а потому некоторые игроки теряют интерес к нему и уходят (см., например, таблицу 4). В перспективе эта тенденция будет усиливаться за счет роста в стране парка электромобилей и падения коэффициента автомобилизации в сегменте автомобилей с двигателем внутреннего сгорания.

3. Уровень затрат на расширение сети АЗС становится ограничивающим фактором для дальнейшего инвестирования в развитие сети. Сегодня строительство новой АЗС требует значительных капитальных вложений. В России, например, для постройки и оборудования новой современной АЗС необходимо от 700 тысяч до 1 миллиона долларов [9]. Разбежка вложений во многом определяется кадастровой стоимостью земельных участков, выделенных под строительство. В Беларуси эта сумма может достигать и 2 миллионов долларов в зависимости от формата объекта, развитости инфраструктуры.

4. Основные игроки розничного рынка нефтепродуктов в лице ВИНК имеют возможности кросс-субсидирования прибыли от переработки и добычи нефти и кросс-финансирования программ, направленных на генерацию клиентского трафика, где фактор лояльности и удобства играет ключевую роль.

С учетом изложенных факторов представляется целесообразным не наращивать количество объектов сети, а сосредоточиться на ее перестройке (реконструкции и модернизации существующих АЗС) в направлении усиления контактов с потребителями и повышения качества обслуживания.

3. Связанная и несвязанная диверсификация в современном ритейле. Ситуация снижающейся маржинальности зрелых рынков (а к таким сегодня относится и розничный рынок светлых нефтепродуктов Республики Беларусь) – общий тренд. Один из возможных путей развития в таком случае – специализация и постоянное совершенствование бизнеса, улучшение качества продукта, рост через расширение сети дистрибуции и географии присутствия. Другой путь – диверсификация бизнеса, создание уникального торгового преимущества для конечного потребителя, где набор сопутствующих товаров и услуг позволил бы увеличивать лояльность и предлагать нечто большее, чем основной продукт.

Сама идея создания АЗС как многофункционального комплекса родилась в США, где первые автозаправочные комплексы с дополнительной инфраструктурой появились еще в двадцатых годах прошлого века (заправки оснащались комнатами отдыха, навесами и мощными подъездными путями и осуществляли продажу покрышек, аккумуляторов и запчастей). Однако широкое распространение АЗС с целым комплексом сопутствующих услуг в США и Европе получили развитие только в 1940–1950 гг. В это время стали строиться АЗС, в которых, помимо топлива, можно было приобрести сопутствующие товары и запчасти, купить продукты питания, напитки, а также появились кафе.

Современную стратегию развития сети АЗС в Беларуси можно охарактеризовать как комбинированную, при которой в соответствии с мировым опытом заправочная станция трансформируется в multifunctional объект (экосистему) с системой разнообразных нетопливных бизнесов, реализуемых по связанной и несвязанной схемам.

В частности, важным направлением связанной диверсификации становится формирование сети зарядных станций для обслуживания электромобилей. Согласно «Программы развития зарядной инфраструктуры и электромобильного транспорта в Республике Беларусь» [10] количество электромобилей в стране к 2025 г. может составить 10 тысяч легковых машин, а к 2030 г. – порядка 55 тысяч. По состоянию на начало 2022 г. в стране зарегистрировано только 6150 электромобилей. Эксперты ПО «Белоруснефть» в конце 2020 г. сделали более оптимистичный прогноз, по которому в 2030 г. на дорогах Беларуси будет 500 тысяч электромобилей (112 тысяч в 2025 г.) [11]. Отметим, что Указом Президента Республики Беларусь № 92 от 12.03.2020 г. ПО «Белоруснефть» было назначено основным государственным оператором по развитию зарядной инфраструктуры в Беларуси.

Что касается несвязанной диверсификации, то она развивается, в первую очередь, в направлении расширения придорожного сервиса (торговые залы, кафе, мойка, автосервис, шиномонтаж и др.).

По методологии И.Б. Гуркова [12] к диверсифицированным компаниям относятся такие, доля продаж которых вне основной отрасли превышает 20 %; к фокусированным – компании, у которых доля продаж внутри отрасли более 95 %, а компании, попавшие в «промежуток», – к слабодиверсифицированным. С учетом такой систематизации операторов розничной торговли нефтепродуктами в Беларуси следует отнести к классу слабодиверсифицированных компаний. Например, на АЗС, принадлежащих ПО «Белоруснефть», доля нетопливного бизнеса в выручке составляет лишь 9 %, при этом в валовом доходе доля сопутствующего бизнеса достигает 25 %.

По данным отчета The Forecourt Report (Association of Convenience Stores) в Англии на 7625 АЗС находятся магазины с сопутствующими товарами. Их выручка за 2018 г. составила 4,1 млрд. фунтов стерлингов. В России соотношение доходов от топлива и от продажи сопутствующих товаров пока не поднимается выше 10 %. При этом тройка лидеров в России по доле доходов от нетопливных продаж выглядит следующим образом: у Shell – 30 % от общего дохода, у Neste – до 40 %, у Circle K – около 60 % [13]. Таким образом, исходя из мирового опыта, ритейл на рынке нефтепродуктов Республики Беларусь имеет значительные перспективы.

Литература

1. Макаров, А. В. Диверсификация как инструмент развития современного предприятия / А. В. Макаров, А. Р. Гарифуллин // Известия УрГЭУ. – 2010. – № 1 (27). – С. 27–36.
2. Pitts, R. A. Firm diversity : conceptualization and measurement / R. A. Pitts, H. D. Hopkins // Academy of Management Review. – 1982. – Vol. 7, № 4. – P. 620–629.
3. Diversification. A survey of European chief executives. – NY : Booz, Allen and Hamilton, 1985. – 378 p.
4. Рудык, Н. Б. Конгломеративные слияния и поглощения: книга о пользе и вреде непрофильных активов: учебно-практическое пособие / Н. Б. Рудык. – М. : Дело, 2005. – 224 с.
5. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер. – М. : Ростинтер, 1996. – 704 с.
6. Томпсон, А. А. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегий: учебник для вузов / А. А. Томпсон, А. Д. Стрикленд. – М. : Банки и биржи; ЮНИТИ, 1998. – 576 с.
7. Новицкий, Е. Г. Проблемы стратегического управления диверсифицированными корпорациями / Е. Г. Новицкий. – М. : Буквица, 2001. – 256 с.
8. Каморников, С. С. Анализ тенденций на белорусском рынке розничного моторного топлива / С. С. Каморников // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2017. – № 2 (101). – С. 167–172.
9. Каморников, С. С. Особенности функционирования розничного рынка моторного топлива в Беларуси / С. С. Каморников // Вестник экономич. интеграции – 2014. – № 7. – С. 136–145.
10. Программа развития зарядной инфраструктуры и электромобильного транспорта в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://minenergo.gov.by/>. – Дата доступа : 14.11.2022.
11. Беларусь ограничила в количестве электромобилей, которые можно везти без пошлины в 2022 и 2023 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://autogrodno.by/22-news/2/25615-poshlina-ogranichenie.html>. – Дата доступа : 14.11.2022.
12. Гурков, И. Б. Стратегия и структура корпорации: учебное пособие / И. Б. Гурков. – М., 2008. – 288 с.
13. Перенять офлайн-опыт : как АЗС зарабатывают на нетопливном сегменте [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vc.ru/offline/68836-perenyat-oflayn-opyt-kak-azs-zarabatyvayut-na-netoplivnom-segmente>. – Дата доступа : 14.11.2022.

Человеческий капитал белорусского села: трактовка категории и методика оценки

С.Д. Лин

Статья содержит уточненные определения понятий человеческий капитал села и его воспроизводство, ставшие основой для разработки механизма формирования и использования человеческого капитала сельской местности. Предложена методика расчета интегрального показателя человеческого капитала села и проанализирована его динамика для сельских территорий Беларуси. Сформулированы концептуальные основы развития человеческого капитала белорусского села, включающие стратегическую цель, задачи и приоритетные направления.

Ключевые слова: человеческий капитал села, воспроизводство человеческого капитала села, методика оценки, направления развития.

The article contains refined definitions of the concepts of rural human capital and its reproduction, which became the basis for the development of a mechanism for the formation and use of rural human capital. The method of calculating the integral indicator of the rural human capital is proposed and its dynamics for rural areas of Belarus is analyzed. The conceptual foundations of the development of the human capital of the Belarusian countryside are formulated, including a strategic goal, tasks and priority directions.

Keywords: rural human capital, reproduction of rural human capital, assessment methodology, development directions.

Введение. На современном этапе развития общества ведущую роль в экономике страны играет человеческий капитал. Его наличие и использование способствует росту конкурентоспособности, повышению эффективности производства, наращиванию инновационного потенциала государства и его отдельных регионов. Не являются исключением в данном случае и сельские территории. В настоящее время в развитии белорусского села существуют следующие проблемы: сокращение численности сельского населения в результате его естественной убыли и миграционного оттока, дисбаланс половозрастной структуры, проявляющийся высоким уровнем старения населения и недостатком женщин трудоспособного возраста, увеличение коэффициента пенсионной нагрузки на трудоспособное население, низкий уровень жизни сельских жителей, отставание сельских территорий от городских в части социально-бытовой и культурной инфраструктуры [1]. Данные тенденции создают неблагоприятные условия для формирования и использования человеческого капитала сельской местности, что определяет актуальность выбранного исследования.

Фундаментальные положения теории человеческого капитала заложены в трудах таких зарубежных ученых, как И. Фишер, Г. Беккер, Т. Шульц, М. Фридмен, Т. Веблен, У. Митчелл, Д. Норт, Л. Дэвис, О. Уильямсон и др. Особенности человеческого капитала сельского хозяйства и сельской местности рассматривались С.Е. Кабичкиным, Е.В. Авдеевым, И.Г. Кузнецовой, Ю.И. Колосковой, Г.Ю. Пехтеревой, Е.П. Овечкиной, Е.И. Тихоновым, И.Г. Свистуновой, которыми были изучены различные виды человеческого капитала села и формы его проявления, отличительные черты, направления развития и т. д. В то же время в большинстве исследований человеческий капитал рассматривается только в рамках отраслевого подхода, не учитывающего социальное значение сельских территорий и возможность использования человеческого капитала в реализации других функций сельской местности, помимо сельскохозяйственного производства.

Исходя из критического анализа литературы и с учетом современного состояния белорусского села, на взгляд автора, под человеческим капиталом сельской местности следует понимать совокупность развивающихся количественных и качественных характеристик человеческих ресурсов (численности, половозрастной структуры, образования, способностей, здоровья и т. д.), формируемых в результате инвестиционных вложений, реализуемых в сфе-

ре сельской экономики, выполняющих производственную, социальную, культурную, рекреационную, природоохранную функции и влияющих на устойчивое развитие сельских территорий. Данное определение сформулировано на основе отраслевого и территориального подходов, что предусматривает смещение акцента с сельскохозяйственного производства на развитие сельской местности в целом и формирование на этой основе единой политики управления сельскими территориями с учетом их природно-климатических, демографических, социально-экономических особенностей, одним из приоритетных направлений которой является повышение качества человеческого капитала.

Современное развитие сельской местности напрямую зависит от воспроизводства ее человеческого капитала. По мнению автора, определение воспроизводства человеческого капитала базируется на методологических принципах воспроизводства населения, под которым понимается смена поколений, однако учитывается не только численное изменение населения, но и трансформация его качественных свойств, включаемых в понятие человеческого капитала. Обобщив труды ученых, в статье предлагаем следующее определение воспроизводства человеческого капитала села – это непрерывный процесс возобновления количественных и качественных характеристик человеческих ресурсов (прежде всего, численности и половозрастной структуры населения), необходимых для реализации основных функций села и влияющих на его устойчивое развитие, включающий фазы (стадии) формирования, накопления и использования, имеющий циклический характер и находящийся под воздействием экономических, социальных, демографических и других факторов.

Согласно данному определению, воспроизводство человеческого капитала села рассматривается как последовательная смена фаз его движения. В то же время воспроизводство человеческого капитала села – это сложная целостная социально-экономическая система, состоящая из ряда взаимосвязанных элементов. Такой подход послужил основой для разработки механизма воспроизводства человеческого капитала села, включающего факторы, принципы, субъекты и источники, инструменты и направления развития. Данный механизм представлен на рисунке 1 в виде блок-схемы.

Указанные элементы оказывают воздействие на формирование и возобновление человеческого капитала сельской местности. Разработанный механизм дает возможность четко определить компоненты, представляющие собой необходимую основу для формирования, накопления и использования человеческого капитала села, и увязать воедино предложенные элементы, что позволяет повысить точность и эффективность изучения человеческого капитала села.

Исходя из тенденций воспроизводства человеческого капитала села и выявленных проблем, должна осуществляться разработка мероприятий по его развитию. В связи с этим логическим шагом, по нашему мнению, выступает количественное измерение человеческого капитала села. В настоящее время базовыми подходами к оценке человеческого капитала являются доходный и затратный, позволяющие получить общую оценку величины человеческого капитала, но не учитывающие его качественные составляющие. В исследованиях некоторых ученых предпринята попытка устранить данный пробел. Среди них интегральный показатель оценки человеческого капитала, рассчитанный Д.А. Смысловым на основе измерения индивидуальных характеристик людей; методический подход к оценке условий формирования и развития человеческого капитала в регионе, интегрирующий показатели, характеризующие состояние здоровья населения, экономический рост, экологическую безопасность, криминогенность, образовательную среду и т. д.; альтернативная методика для оценки человеческого капитала С.Г. Шульгина и Ю.В. Зинькиной, базирующаяся на сопоставлении индекса человеческого развития и нового демографического показателя – индикатора человеческой жизни.



Рисунок 1 – Блок-схема воспроизводства человеческого капитала села

Примечание: источник: собственная разработка автора

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает методика расчета интегрального показателя оценки человеческого капитала сельских территорий Г.А. Бахматовой и С.В. Подгорской, использующая индексы, с одной стороны, отражающие состояние социально-экономической сферы сельской местности, с другой – демонстрирующие основные ограничители ее развития [2, с. 34].

Данная методика нами адаптирована применительно к белорусским реалиям, выявленным на основе анализа состояния человеческого капитала села и факторов, влияющих на его возобновление. В качестве оценочных показателей выбраны естественный прирост (убыль) населения, миграционный прирост (убыль) населения, ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, коэффициент старения (доля лиц 65 лет и старше), число клубов, число розничных торговых объектов, число стационарных больничных организаций, число самостоятельных поликлиник и амбулаторий, число учреждений дошкольного образования, число учреждений общего среднего образования, обеспеченность жильем в среднем на одного жителя, удельный вес трудовых ресурсов в общей численности населения, удельный вес населения с уровнем среднедушевых доходов ниже бюджета прожиточного минимума (малообеспеченного населения). Базой для расчета послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [3].

По каждому из названных показателей сельской местности Беларуси за период с 2000 по 2019 гг. рассчитаны индексы на основе метода унификации данных, преобразующего все данные в диапазон [0; 1]. При этом в случае, если рост отдельного показателя означает позитивное изменение, то для расчета его индекса (X_{ij}) используется формула:

$$X_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{ij\min}}{x_{ij\max} - x_{ij\min}},$$

где $x_{ij\max}$ и $x_{ij\min}$ – соответственно максимальное и минимальное значение показателя x (i – год, j – номер показателя).

Если же увеличение показателя рассматривается как негативная тенденция, то используется формула:

$$X_{ij} = \frac{x_{ij\max} - x_{ij}}{x_{ij\max} - x_{ij\min}}.$$

На следующем этапе частные индексы необходимо агрегировать в обобщающий показатель (Y_i) по формуле средней арифметической:

$$Y_i = \frac{1}{n} \sum X_{ij},$$

где n – число частных индексов.

Таким образом, интегральный показатель человеческого капитала сельской местности рассчитывается как сумма частных индексов показателей, характеризующих демографическую, социальную, культурную и экономическую сферы развития села, по формуле:

$$ЧК = \frac{ЕП+МП+ОЖПР+КС+К+Б+РО+БО+ПА+УДО+ОЖ+ТР+МО}{14},$$

где ЕП – индекс естественного прироста сельского населения; МП – индекс миграционного прироста сельского населения; ОЖПР – индекс ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении сельского населения; КС – индекс коэффициента старения сельского населения; К – индекс числа сельских клубов; Б – индекс числа публичных библиотек в селе; РО – индекс числа розничных торговых организаций в селе; БО – индекс числа больничных организаций в сельской местности; ПА – индекс числа самостоятельных сельских поликлиник и амбулаторий; УДО – индекс числа сельских учреждений дошкольного образования; УСО – индекс числа сельских учреждений общего среднего образования; ОЖ – индекс обеспеченности жильем в среднем на 1-го сельского жителя; ТР – индекс удельного веса трудовых ресурсов в общей численности сельского населения; МО – индекс доли малообеспеченного населения среди сельских жителей.

Величина интегрального показателя человеческого капитала села варьируется от 0 до 1. Чем выше значение показателя, тем устойчивее развитие сельской местности. Если же сводный индекс стремится к 0, то это является свидетельством кризисного состояния сельских территорий, неразвитости социально-бытовой инфраструктуры, низких возможностей получения образования и квалифицированной медицинской помощи, числа роста малообеспеченного населения.

Уровень развития человеческого капитала села можно проранжировать по трем категориям:

- низкий уровень развития (значение показателя от 0 до 0,3333);
- средний уровень развития (0,3334–0,6666);
- высокий уровень развития (0,6667–1).

На основании полученных данных нами построен график динамики интегрального показателя человеческого капитала белорусского села (рисунок 2).

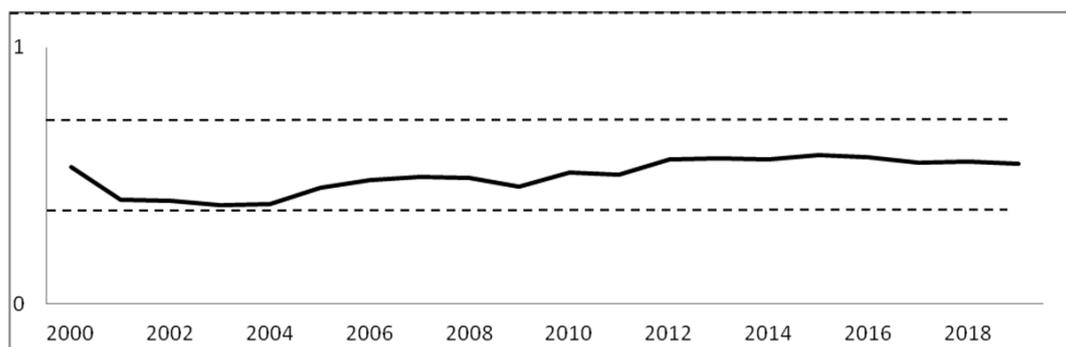


Рисунок 2 – Динамика интегрального показателя человеческого капитала сельской местности Беларуси в 2000–2019 гг.

Примечание: источник: собственная разработка.

Пунктирными линиями на рисунке обозначены границы низкого, среднего и высокого уровней интегрального показателя. Как показал анализ, уровень развития человеческого капитала села Беларуси в XXI в. оценивается как средний (значение интегрального показателя находится в пределах от 0,3334 до 0,6667). Следует отметить, что к 2019 г. максимальные частные индексы были достигнуты по демографическим и структурным показателям, суще-

ственно снизилась доля малообеспеченного населения. В то же время остаются резервы роста интегрального показателя в части развития социально-бытовой инфраструктуры, а именно: рост числа учреждений культуры, торговли, здравоохранения и образования.

Предложенная методика позволяет проанализировать отдельные показатели развития сельских территорий и провести комплексную оценку человеческого капитала села, выявить ключевые проблемы и предложить пути их решения. Поскольку при расчете интегрального показателя человеческого капитала села использованы показатели, выраженные в относительных единицах, то его можно использовать для сравнительного анализа уровня человеческого капитала села отдельных регионов и стран.

Изучение мирового опыта, содержания нормативно-правовых актов Республики Беларусь и особенностей воспроизводства человеческого капитала белорусского села показало, что развитие человеческого капитала сельских поселений должно осуществляться в рамках конкретного организационно-экономического механизма, основой которого является единая концепция, включающая в себя цель, задачи и направления развития. Стратегической целью развития человеческого капитала села Беларуси, по мнению автора, является улучшение количественных и качественных характеристик человеческого капитала села, способствующих устойчивому развитию сельских территорий в соответствии с интересами социально-экономического развития страны, направленное на стабилизацию и последующий рост численности сельского населения, нормализацию его половозрастной структуры, повышение уровня жизни и квалификации работников сельской местности.

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих задач:

1. Сокращение естественной убыли сельского населения и улучшение его здоровья.
2. Оптимизация миграционных процессов в сельской местности.
3. Нормализация половозрастной структуры сельского населения.
4. Диверсификация видов занятости и рабочих мест в селе.
5. Повышение уровня квалификации работников в сельской местности.
6. Улучшение социально-бытовой и культурной инфраструктуры сельских поселений.
7. Повышение уровня жизни сельских жителей.

Для выполнения этих задач необходима реализация следующих приоритетных направлений: стимулирование притока трудоспособного населения в сельскую местность, диверсификация занятости в сельской местности, повышение доходов сельского населения, улучшение качества и доступности медицинской помощи и популяризация здорового образа жизни в сельской местности, улучшение социально-бытовой и культурной инфраструктуры сельской местности, улучшение качества подготовки специалистов учреждениями образования.

Осуществление предложенных направлений создаст условия для концентрации необходимых ресурсов на решении ключевых задач развития человеческого капитала сельских территорий, предоставит возможность повысить уровень взаимодействия органов государственного управления по улучшению состояния и благоустройства сельской местности на основе системного подхода, что в итоге должно привести к стабилизации численности сельского населения, усилению его качественных характеристик, достижению более высоких стандартов жизни в сельской местности.

Литература

1. Лин, С. Д. Демографический потенциал белорусского села : современное состояние и перспективы развития / С. Д. Лин, Л. Е. Тихонова // Журнал Белорусского гос. ун-а. – 2022. – № 1. – С. 38–47.
2. Лин, С. Д. К вопросу об оценке человеческого капитала / С. Д. Лин // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2022. – № 4. – С. 33–36.
3. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. Демографическая и социальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066>. – Дата доступа : 25.05.2022.

Подходы к организации труда для инновационных и цифровых условий развития

Н.В. МАКОВСКАЯ

В статье представлены новые теоретико-методологические подходы к организации труда работников в новых цифровых условиях. Представлено методологическое описание данных подходов, выделены особенности технологической организации труда с позиции инновационных возможностей.

Ключевые слова: организация труда, работники, инновации, сетевые модели.

The article presents new theoretical and methodological approaches to the organization of labor of workers in new digital conditions. A methodological description of these approaches is presented, the features of the technological organization of labor are highlighted from the standpoint of innovative opportunities.

Keywords: labor organization, workers, innovations, network models.

Введение. Организация труда работников – одна из сфер, которая оказалась гибка и встроилась в рамки цифровой экономики. Использование цифровых приспособлений (гаджетов) делает возможным такую организацию труда, которая позволяет более точно отражать взаимодействие работников с внешней средой. Цифровые технологии обеспечивают точность информационных потоков о деятельности работника (физиологические параметры, социальные и экономические параметры), что делает возможным создавать более эффективные системы управления трудом в отдельной организации. Одним из примеров может стать система нормирования труда работников, где параметры эффективности через рост производительности труда определяют цифровую трансформацию кадрового управления. Уровень организации труда, изменение технологии (в сторону сложности или оптимизации), совершенствование компетенций работников – отправные точки изменения и норм труда. Цифровизация труда может стать платформой для модернизации нормирования труда.

На современном этапе развития существуют предпосылки формирования региональных цифровых экономик, которые в том числе, являются частью национальной экономики. К таким предпосылкам можно отнести следующие:

- регионализацию и кластерную кооперацию в рамках одной отрасли или сферы деятельности;
- формирование единого экономического пространства;
- многообразии интернет-технологий;
- проникновение гаджетов, мобильных устройств и интернет-технологий в социально-трудовую сферу.

Цифровизация социальной сферы, включая трудовую, представляет собой внедрение интернет-технологий в хозяйственно-трудовой оборот на всех уровнях. В частности, происходит внедрение симуляторов для активизации командной работы, создаются системы внутрифирменного дистанционного обучения, подбираются индивидуальные программы профессиональной диагностики и обучения.

Трудовые отношения имеют определенные риски в условиях цифровизации. Эти риски связаны с тем, что инновации вытесняют человека-работника из некоторых профессий, появляются новые профессиональные ниши и специальности. Профессии, которые остались на рынке труда, приобретают новое технологичное наполнение, и функционал изменяется. Часто работники к этому не готовы в силу отсутствия требуемых профессиональных компетенций. Это влечет рост безработицы и дисбалансы на национальном рынке труда.

Инновационный путь развития с использованием цифровизации и с учетом принципов цифровой экономики имеет свои положительные результаты и эффекты, так:

- во-первых, эффект повышения доходов, через сокращение издержек с помощью цифровых технологий;

– во-вторых, повышение не только качества жизни, но и повышение качества трудовой деятельности работников за счет максимального удовлетворения потребностей и рациональной организации труда, сокращение продолжительности рабочего времени за счет производительности труда.

Переход к цифровой экономике существенным образом меняет рынок труда: во всех сферах производственной деятельности цифровые навыки становятся критически важными с точки зрения нанимателей. Они стали неотъемлемой частью профессиональных компетенций. Разработка и реализация принципиально новых инновационных проектов в условиях цифровой экономики порождает спрос на специалистов, владеющих комплексом жестких, гибких и специальных цифровых компетенций (глубокое понимание своей области профессиональной деятельности, знания и опыт работы в смежных сферах, понимание возможностей и рисков, связанных с применением новых технологий, владение методами проектного управления, владение инструментарием и навыки работы с большими данными и инструментами визуализации и т. д.).

Внедрение цифровых технологий обуславливает значительные изменения потребностей в персонале и требований к специалистам, так как происходит сокращение жизненного цикла профессий, трансформация компетентностных профилей сотрудников; возникают новые роли и профессии, повышаются требования к гибкости и адаптивности персонала, требования к «soft skills».

Методология и основы механизма создания системы организации труда работников для инновационных и цифровых условий развития. П. Страссман, характеризуя современную экономику, отмечал: «Высокопроизводительный труд в электронную эру становится все более абстрактным, он приобретает глобальный размах... Работа превращается в абстракцию, в меморандумы, кочующие из конторы в контору; в электронные финансовые сделки; компьютерные конференции. Все это символы, которые могут не иметь ни малейшего отношения к реальным событиям. Клерк может никогда в жизни не встретиться с поставщиком и не побывать на предприятии. Диспетчер может не знать ни одного водителя или пилота, руководитель предприятия никогда не встретится с потребителем продукции» [1].

Темпы внедрения инноваций будут расти, и предприятиям для обеспечения конкурентоспособности необходимо активно действовать на рынке труда, совершенствовать систему организации труда работников, чтобы адаптироваться к быстро меняющимся условиям, чтобы использовать преимущества новых цифровых технологий и смягчать наиболее острые из порождаемых ими проблем.

В нынешней когнитивной экономике роль знаний связывается с актуализацией понятия «человеческий», «культурный», «интеллектуальный» капитал, а также используется для обоснования концепта прогресса человеческих «практик свободы». В условиях инновационной модели развития и цифровизации экономики управление знаниями является характерной чертой многих зарубежных компаний для того, чтобы обеспечить конкурентоспособность в условиях глобализации. Исследования показывают, что 80 % компаний ввели в свою деятельность систему «управления знаниями»; 25 % – должность главного менеджера по управлению знаниями; 53 % имеют аппарат управления знаниями с соответствующей структурой; 46 % – бюджет на аппарат управления знаниями [2].

Таким образом, развитие цифровых технологий приводит к следующим изменениям в системе организации производства и труда:

– размываются границы компаний. С использованием цифровых технологий создаются глобальные платформенные компании, производственные процессы в которых отличаются от традиционных, предполагающих ввод ресурсов «на входе» и получение готовой продукции «на выходе». Платформенные компании создают добавленную стоимость за счет создания эффекта сети, соединяющей между собой клиентов, производителей и поставщиков, а также упорочения взаимодействия в рамках модели с множеством граней. Цифровые платформы расширяют масштабы своей деятельности быстрее и с меньшими затратами, чем традиционные компании, используя ИКТ технологии, технологии аутстаффинга, аутсорсинга и т. д.

– преобразуется набор навыков, необходимых для работы. Снижается спрос на менее квалифицированных работников, функции которых можно осуществлять на основе ИКТ. В то же время растет спрос на работников, которые характеризуются развитыми когнитивными навыками, способностью к адаптации;

– технологии и, в частности, социальные сети, влияют на восприятие растущего социального неравенства. В условиях неравенства возможностей или несоответствия существующих рабочих мест приобретенным навыкам развиваются процессы миграции квалифицированной рабочей силы, сегментация общества [3].

Таким образом, можно говорить о признании в обществе процессов создания принципиально нового механизма непосредственного применения информации и знания в сфере производства товаров и услуг, что выражается в фокусировке внимания на процессе непрерывного обучения как важнейшего инструмента инновационного развития общества; признание процессов создания «виртуального предприятия» как самоформирующейся системы, способной перестраиваться и реструктурироваться в соответствии с запросами и изменениями внешней среды; интегрированной предпринимательской культуры как культуры деятельности, ориентированной на изменения в институциональном поле [4].

Цифровое сопровождение «входит» не только в производственную сферу, но и в сферу социально-экономических и трудовых отношений. Трудовые отношения создают для себя, так называемую, онлайн среду, где и происходит их реализация. Онлайн реализация трудовых отношений представляет собой не только накопление массива данных, но совокупность кадровых цифровых технологий (найм и отбор работников, расчет норм труда и т. д.), технологии дистанционного управления трудом и т. п. Цифровые технологии обеспечивают точность информационных потоков о деятельности работника (физиологические параметры, социальные и экономические параметры), что делает возможным создавать более эффективные системы управления трудом в отдельной организации.

Получают развитие цифровые приложения (гаджеты), которые встраиваются в отношения «работник-работодатель», формируется новое технологическое качество в организации труда. В результате взаимосвязь внутрикорпоративной сферы труда с внешним рынком труда имеет новые формы через цифровые платформы (например, поиск работников и поиск рабочего места происходит в интернете на цифровых платформах (работа.by), через автоматизацию умственного труда, через облачные технологии и т. д.

Формирование механизма системы организации труда работников в условиях цифровизации целесообразно строить с учетом следующих принципов:

- сокращение производственного цикла на основе роста производительности труда;
- прогнозирование эффективной численности трудовых ресурсов;
- системный мониторинг рынков труда (профессиональных, региональных и внутренних рынков труда организаций);
- организация и эффективное управление кадровой работой и трудовыми отношениями;
- совершенствование техники безопасности и охраны труда;
- оптимизация системы нормирования и затрат труда.

Инновационная система организации труда должна учитывать возникающие риски и механизмы их минимизации. Риски связаны с тем, что цифровые технологии меняют профессиональные компетенции работников, создают предпосылки возникновения новых профессий, что увеличивает оборот и текучесть кадров, увеличивает затраты на обеспечение данных процессов. Профессии, которые остались на рынке труда, приобретают новый функционал, работники к этому не готовы, что влечет их увольнение, рост безработицы и дисбалансы на национальном рынке труда. Механизм минимизации данных рисков связан с социально-экономическими эффектами, которые их (риски) нейтрализуют: эффект сокращения затрат на персонал через сокращение издержек с помощью цифровых технологий; эффект повышения качества трудовой деятельности работников за счет максимального удовлетворения потребностей и рациональной организации труда, сокращение продолжительности рабочего времени за счет производительности труда; эффект от новых бизнес-моделей кадрового управления на основе цифровых технологий, что повышает конкурентоспособность организации и работников.

В качестве инструментов минимизации таких рисков могут выступать:

- новые системы учета трудовых ресурсов и потребности в кадрах;
- инновационные (с помощью цифровых технологий) формы прогнозов и планов в количестве ресурса труда;
- новая специализация менеджеров, в функционал которых будет входить информационное и цифровое сопровождение кадрового управления и социально-трудовых процессов.

Кроме этого появляются социально-экономические эффекты, которые могут быть принципиально новыми для управленческой среды организации, например, исключить посредников при подборе работников за счет интернет приложений по поиску и трудоустройству, оптимизировать издержки по подбору персонала за счет минимизации транзакций, связанных с кадровой коммуникацией.

В качестве новой формы организации труда может быть предложена архитектура сетевых моделей (Badzho, Sheresheva, 2014) [5]. Взгляд на организацию труда как на систему связанных сетей дает совершенно иную социально-экономическую перспективу. Важной особенностью сетевых взаимодействий является то, что они отражаются на состоянии трудовых отношений и рынка труда на агрегированном уровне (Karaev, Melnichuk, 2013) [6]. При этом в ряде исследований отмечается, что в последнее время наиболее эффективной сетевой формой социального взаимодействия становится предпринимательская экосистема, представляющая собой «...хозяйственное сообщество, опирающееся на фундамент, который составляют взаимодействующие организации и индивиды...» [7] (Moore, 2006).

В рамках формы предпринимательской экосистемы в условиях развития цифровых технологий и Индустрии 4.0, где виртуальные и физические системы производства взаимодействуют между собой на глобальном уровне, обеспечивая формирование новых социально-трудовых сетей, которые функционируют на отдельно выделенных платформах (онлайн трудоустройство, e-занятость, онлайн обучение и т. п.).

Внедрение сетевых цифровых технологий в трудовой сфере, интеграция и кооперация профессиональных компетенций приводит к объединению трудового потенциала предприятиями, происходит тесная профессиональная преемственность и синтез уникальных умений и навыков.

На создающихся «умных фабриках» (от англ. smart factory) [8] действует новая логика производства: интеллектуальные продукты предполагают идентификацию и определение их местонахождения в любое время, обладают информацией об их создании и текущем состоянии. Трудовые процессы организованы динамически, в трудовой процесс можно вносить оперативные коррективы, что позволяет гибко реагировать на неисправности и простои.

На «умных фабриках» [8] заметно меняется и роль сотрудников. Рост значимости управления в реальном времени вносит соответствующие изменения в содержание труда, в рабочие процессы и в условия их протекания. Компании все в большей степени строят свою деятельность на основе распределенных команд и динамичных по составу коллективов с непрерывным обменом данными о продуктах или задачах, над которыми ведется работа [8] (Schwab, 2017). Труд становится автономным, мобильным, а выполнение трудовых функций связывается с овладением многими компетенциями.

В связи с данными обстоятельствами в странах с передовой экономикой в настоящее время развивается новая модель труда и занятости. По аналогии с технологической парадигмой «Индустрия 4.0» она получила название «Работа 4.0» и характеризуется высокой степенью интеграции и сотрудничества, использованием цифровых технологий, развитием гибких форм занятости [9]. Современное производство и новые формы социально-трудовых отношений требуют формирования такой парадигмы организации труда, содержание которой будет определяться факторами развития (драйверами роста) Индустрии 4.0 и цифровой экономики в целом.

Перечень таких драйверов, которые влияют на сферу труда, может выглядеть следующим образом:

- цифровое проектирование трудовой сферы;
- удаленный офис;
- кросс-канальные коммуникации и мобильные технологии;
- модели онлайн поведения работников в интернет-пространстве.

В условиях цифровизации впервые возникает специфическая форма труда – электронный труд. Предметом такого труда выступает электронный документооборот, массивы данных, цифровой офис и т. д. Средствами труда становятся различные цифровые устройства, а результатом труда является готовый информационный продукт. Процесс труда может состоять из таких элементов, как сетевые коммуникации, дистанционное общение, формирование электронных заданий, организация онлайн контроля, электронные платежи т. д. Все это является слагаемыми цифровой организации труда.

Таким образом, «цифровая организация труда – это комплексная динамическая система организационного обеспечения и использования труда на основе цифровых технологий. Следовательно, цифровой можно считать такую организацию труда, которая, основываясь на современных информационно-коммуникационных технологиях, позволяет обеспечивать эффективное функционирование системы «человек-техника-знание-среда» (трудовой системы) любого уровня и наилучшее исполнение трудовых процессов» [10].

Современная архитектура цифровой организации труда может включать в себя [10]:

1. Разработку и внедрение сетевых форм разделения и кооперации труда. Основой разделения и кооперации труда станет внутрикорпоративная экосистема, оформленная в виде коммуникационной сети и разделенная между структурными подразделениями, филиалами и т. д. Профессиональная деятельность в ней может делиться на отдельные задания и конкретные проекты с привлечением исполнителей, расположенных в любом подразделении организации [11]. Для решения практических задач в рамках этого направления цифровая организация труда опирается на транспортно-коммуникационные сети, алгоритмы взаимодействия внутри логистических экосистем, что позволяет значительно снизить все виды издержек и осуществить дифференциацию трудовых ресурсов.

2. Проектирование оптимальных трудовых процессов и систем на основе ИКТ. Основой данного процесса может стать принцип оптимизации трудовых процессов с использованием технологичных IT-бизнес-моделей. Это будет сопровождаться изменением алгоритмов кадрового управления и принятия кадровых решений. Активным инструментом сопровождения станет инжиниринг труда.

3. Формирование рациональной трудовой мобильности. Новые формы трудовой мобильности возникают в интернет-пространстве и связаны с е-занятостью. Рациональность трудовой мобильности основана на системе онлайн трудоустройства, отбора персонала, дистанционного собеседования и т.п. Экономической особенностью рациональной трудовой мобильности является отсутствие временных и транзакционных издержек.

В свою очередь, мобильность трудовых агентов, связанная с действием объективных социально-экономических законов, будет способствовать оптимизации структуры занятости и сбалансированности основных факторов производства, что даст возможность более эффективно распределять и перераспределять трудовые ресурсы в цифровых экосистемах [12].

4. Разработка и внедрение обоснованных норм и правил в сфере цифрового труда. Цифровая организация труда потребует принципиального изменения системы нормирования в части пересмотра и оптимизации норм, сопряжения трудовой нагрузки с новым технологичным оборудованием и цифровыми условиями. На сегодняшний день трудовая сфера не выработала единого подхода и критерия к цифровому нормированию. Каждая экономическая система, каждая сфера труда организации будет самостоятельно разрабатывать под свои технологические условия нормы труда. Реально и то, что корпоративные системы нормирования труда станут аутентичными с полным набором специфических инструментов и форм нормирования. Это будет началом формирования цифровых экосистем в трудовой сфере.

Значительная роль будет принадлежать государству, так как:

– необходимо создавать условия для работы в цифровом пространстве посредством правового, нормативного и методического обеспечения, а в необходимых случаях – гармонизации интересов всех субъектов трудовых отношений;

– необходимо согласование документов в части трудового права с международными стандартами и конвенциями;

– необходимо разработать государственные стандарты труда в корреляции с международными нормами.

5. Обучение трудовых агентов работе в цифровом пространстве. Данный пункт предполагает внедрение высокотехнологичных форм обучения и контроля полученных знаний и навыков. Необходим инновационный пакет критериев для оценки квалификации, стимулирования потребности в дополнительном профессиональном образовании. Все это станет основой для цифровой модели образовательных процессов, например, «центры лучшей практики» [12].

6. Создание передовых систем формирования доходов участников трудовых отношений. Такие системы должны быть призваны привлекать и удерживать работников в корпоративных сетевых структурах. Основу системы может сделать принцип – управление доходами талантов и высококвалифицированных кадров. Этот принцип сделает необходимым нахождение новых способов измерения профессиональных результатов, формирование в соответствии с этим систем вознаграждений, разработку новых стратегий для привлечения и удержания квалифицированных специалистов – все это становится одним из важнейших направлений цифровой организации труда, целью которого является обеспечение трудовых систем соответствующими трудовыми ресурсами.

Закключение. Представленные шесть направлений характеризуют компоненты цифровой организации труда на уровне структурных подразделений организаций, их экосистем и трудовой сферы в национальной экономике.

Литература

1. Страссман, П. Информация в электронике. Проблемы управления (перевод с английского) / П. Страссман. – М. : Экономика, 1987. – 239 с.
2. Кублин, И. М. Компетентностный подход в процессно-ориентированной системе менеджмента качества предприятий / И. М. Кублин, А. Е. Махметова, В. И. Тинякова // Современная экономика : проблемы и решения. – 2016. – № 1 (73). – С. 130–141.
3. Работать ради лучшего будущего – Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда. Международное бюро труда / Международное бюро труда. – Женева, 2019. – 91 с.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Шерешева, М. Ю. Сетевой подход в экономике и управлении : междисциплинарный характер / М. Ю. Шерешева // Вестник Московского университета. – 2014. – № 2. – С. 3–21.
6. Караев, А. К. Современная экономика: междисциплинарный подход / А. К. Караев, М. В. Мельничук // Бизнес в законе. – 2013. – № 4. – С. 93–97.
7. Moore, J. F. Business ecosystems and the view from the firm / J. F. Moore // The Antitrust Bulletin. – 2006. – № 51 (1). – P. 31–75.
8. Schwab, K. The Fourth industrial revolution / K. Schwab. – NY : Crown Business, 2017. – 192 p.
9. Re-Imagining Work : Green Paper Work 4.0. – Berlin : Federal Ministry of Labour and Social Affairs, 2015. – 87 p.
10. Савельева, Е. А. Цифровая организация труда : направления, принципы, подходы / Е. А. Савельева // Экономика труда. – 2018. – Том 5, № 4. – С. 935–950.
11. Соболевская, А. А. Постиндустриальная революция в сфере труда / А. А. Соболевская, А. К. Попов. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 205 с.
12. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб ; пер. с англ.. – М. : Эксмо, 2019. – 209 с.

Оценка состояния и перспективы развития цифровой экономики в Республике Беларусь

О.В. ПУГАЧЕВА

Актуальность исследования определяется необходимостью оценки состояния цифровой экономики Республики Беларусь на основе современной международной системы показателей развития цифровой экономики и движения к информационному обществу. С этой целью рассматриваются экосистема цифровой экономики и индикаторы ее развития, анализируются место Республики Беларусь в рейтингах оценки цифровой экономики, показатели развития сектора информационно-коммуникационных технологий и перспективы развития цифровой экономики Беларуси.

Ключевые слова: цифровая экономика, индикаторы, информационно-коммуникационные технологии, рейтинги.

The relevance of the study is determined by the need to assess the state of the digital economy of the Republic of Belarus on the basis of the modern international system of indicators for the development of the digital economy and movement towards the information society. To this end, the ecosystem of the digital economy and the indicators of its development are considered, the place of the Republic of Belarus in the rankings of the digital economy, the indicators of the development of the information and communication technologies sector and the prospects for the development of the digital economy of Belarus are analyzed.

Keywords: digital economy, indicators, information and communication technologies, ratings.

Введение. Измерение масштабов цифровой трансформации экономики и разработка направлений применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) имеют важное значение для определения стратегии движения к информационному обществу. Большинство исследователей ставят знак равенства между цифровизацией / цифровой трансформацией / диджитализацией / индустрией 4.0 и цифровой экономикой.

Несмотря на значительное число работ, до сих пор нет однозначного понимания того, что представляет собой цифровая экономика. Обобщая различные подходы [1], [2], [3], [4], можно дать следующее определение. Цифровая экономика – это система социальных, культурных, экономических и технологических отношений между государством, бизнес-сообществом и гражданами, функционирующая в глобальном информационном пространстве, посредством широкого использования сетевых цифровых технологий, генерирующая цифровые виды и формы производства и продвижения к потребителю продукции и услуг, которые приводят к непрерывным инновационным изменениям методов управления и технологий в целях повышения эффективности социально-экономических процессов.

Исходя из данного определения, целью исследования является оценка состояния цифровой экономики Республики Беларусь на основе современной международной системы показателей развития цифровой экономики и движения к информационному обществу, которая использует официальную статистику и данные единовременных обследований для разных уровней общества, экономической и социальной деятельности.

В большинстве исследований в этой области используются международные индексы и показатели, делающие оценку развития цифровой экономики сопоставимой в разных странах. Некоторые из них рассматриваются далее применительно к Республике Беларусь.

Индикаторы развития цифровой экономики. Большинство исследований включает в экосистему цифровой экономики 8 хабов (Государство и Общество, Маркетинг и Реклама, Финансы и Торговля, Инфраструктура и Связь, Медиа и Развлечения, Кибербезопасность, Образование и Кадры, Стартапы и Инвестиции), каждый из которых может быть исследован по 9 срезам (Разработка и дизайн, Аналитика и данные, AI и Big Data, Hardware, Бизнес-модели, Интернет вещей, Mobile, Платформы, Регулирование). Участники экосистемы, объединенные в хабы, могут быть рассмотрены с точки зрения уровня (их 3) вовлеченности в цифровую экономику (рисунок 1) [4].



Рисунок 1 – Экосистема цифровой экономики

Для оценки степени развития цифровой экономики чаще всего используются индексы. Различия индексов и составляемых на их основе рейтингов заключаются в подборе исходных показателей (характеристик уровня использования в стране достижений цифровой экономики) и их группировке в субиндексы.

Система показателей развития цифровой экономики и движения к информационному обществу приводится в таблице 1.

Таблица 1 – Система показателей развития цифровой экономики и движения к информационному обществу

Наименование индекса	Содержание и предназначение индекса	Наименование организации
Индекс цифровой экономики и общества (Digital Economy and Society Index, DESI)	Измерение прогресса стран в развитии цифровой экономики и общества по компонентам: связанность, человеческий капитал, использование интернета, интеграция цифровых технологий, цифровые государственные услуги (для 28 стран ЕС и 17 других стран)	Генеральный директорат коммуникационных сетей, контента и технологий ЕС
Индекс развития электронного правительства (E-government Development Index)	Характеризует степень готовности стран к реализации и использованию услуг электронного правительства по компонентам: электронные услуги и сервисы, предоставляемые органами власти, информационно-коммуникационная инфраструктура и развитие человеческого потенциала	Департамент экономического и социального развития ООН (UN DESA)
Индекс готовности к сетевому обществу (Networked Readiness Index – NRI)	Характеризует условия развития и распространения ИКТ по 48 показателям, объединенным в три группы: среда готовности, использование ИКТ бизнесом, правительством и частными лицами	Всемирный экономический форум (ВЭФ) в сотрудничестве с INSEAD
Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (ICT Development Index)	Характеризует уровень развития инфраструктуры ИКТ и востребованности ИКТ населением. Предназначен для мониторинга развития ИКТ по странам и регионам мира по трем субиндексам: доступ ИКТ, использование ИКТ, навыки использования ИКТ	Международный союз электросвязи (МСЭ) – ITU
Глобальный индекс кибербезопасности (Global Cybersecurity Index)	Оценка уровня кибербезопасности по данным о развитии правовых, технических и организационных мер в области кибербезопасности, наличии институциональной среды и механизмов информационной безопасности	Международный союз электросвязи (МСЭ) – ITU

Окончание таблицы 1

Индекс мировой цифровой конкурентоспособности (World Digital Competitiveness, WDCI)	Измеряет способность и готовность 64 стран внедрять и использовать цифровые технологии в качестве ключевого фактора экономических преобразований в бизнесе, правительстве и обществе в целом	Центр мировой конкурентоспособности IMD (WCC)
Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index, GII)	Формируется на основе 81 показателя, которые отражают ключевые факторы инновационного развития стран: научной и инновационной деятельности, качества институтов и среды для ведения бизнеса	Корнельский университет, Школа бизнеса INSEAD, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС)
Индекс драйверов производства (Drivers Production Index)	Оценка готовности стран к будущему производству за счет внедрения новых технологий, включает уровень развития технологий и инноваций, человеческого капитала, институциональной структуры и степени участия стран в глобальной торговле и инвестициях	Всемирный экономический форум (ВЭФ)
Локальный индекс онлайн-услуг (Local Online Service Index, LOSI)	Интегральный индекс в рамках формирования глобального Индекса развития электронного правительства для оценки на муниципальном уровне. Рассчитывается на основе 60 индикаторов по 4-м направлениям: технологические, предоставление контента, основных услуг через веб-сайт города, вовлеченность граждан	Департамент экономического и социального развития ООН (UN DESA)
Индекс цифровой плотности (Digital Density Index)	Включает в себя более 50 показателей, с помощью которых измеряется уровень продвижения и развития навыков работы с цифровыми технологиями, а также внедрения нормативной правовой базы. Представляет комплексный критерий оценки влияния цифровой трансформации на бизнес, обосновывает связь между применением цифровых технологий и ростом ВВП страны	Консалтинговая компания Accenture Strategy (США, Нью-Йорк) и Oxford Economics, подразделение Оксфордского университета (Англия)
Индекс цифровой эволюции (Digital Evolution Index, DEI)	Рассчитывается на базе 170 показателей, характеризующих темпы цифровизации и объединенных в четыре субиндекса: уровень предложения, спрос на цифровые технологии, институциональная среда, инновационный климат	Школа права и дипломатии им. Флетчера в Университете Тафтса (США)

Анализ данных таблицы 1 показывает, что современная международная система показателей развития цифровой экономики и движения к информационному обществу оценивает процессы цифровизации и информатизации по большинству стран мира на основе официальной статистики и данных единовременных обследований для разных уровней общества, экономической и социальной деятельности, каждый из них имеет четкое предназначение.

Основанные на сочетании достоверных данных и ответов на опросы руководителей предприятий и государственных органов, цифровые рейтинги помогают правительствам и компаниям понять, на чем сосредоточить свои ресурсы и какими могут быть передовые методы при переходе к цифровой трансформации.

Поскольку различные страны проводят заметно разные цифровые преобразования, то возникают трудности в сравнительной оценке различных стратегий цифровой трансформации бизнеса, правительства и общества. Например, последнее цифровое исследование Центра мировой конкурентоспособности IMD (WCC), опубликованное 29 сентября 2021 г., показывает, что США четвертый год подряд лидируют в рейтинге цифровой конкурентоспособности IMD, а Китай за это время поднялся на 15 позиций, с 30-го на 15-е место [5].

Анализ места Республики Беларусь в рейтингах оценки развития цифровой экономики. Для анализа уровня развития электронного правительства и цифровой демократии в Республике Беларусь в 2021 г. рассмотрим индекс развития электронного правительства (e-Government Development Index, EGDI), который является составным индикатором, измеряющим готовность и способность правительства использовать информационно-коммуникационные технологии в целях оказания услуг населению, и соответствующий ему рейтинг (таблица 2) [6].

Таблица 2 – Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства в 2021 г.

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Дания	0,9758
2	Южная Корея	0,9560
3	Эстония	0,9473
4	Финляндия	0,9452
5	Австралия	0,9432
6	Швеция	0,9365
7	Великобритания	0,9358
8	Новая Зеландия	0,9339
9	Соединённые Штаты Америки	0,9297
10	Нидерланды	0,9228
...
29	Казахстан	0,8375
...
36	Россия	0,8244
...
40	Беларусь	0,8084

Наибольший индекс развития электронного правительства оказался у Дании – 0,915 при максимальном значении в 1. Кроме нее в десятку стран с высоким значением этого индекса вошли Южная Корея, Эстония, Финляндия, Австралия, Швеция, Великобритания, Новая Зеландия, США и Нидерланды.

Сохранение Республикой Беларусь позиции в топ-40 стран по уровню развития электронного правительства стало преимущественно результатом проведенной работы в рамках ранее выполненных государственных программ и реализуемой в настоящее время Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. [7].

Место Республики Беларусь в некоторых других ведущих международных рейтингах научно-технического и инновационного развития в 2020 г. приводится в таблице 3 [8]–[11].

Таблица 3 – Положение Республики Беларусь в ведущих международных рейтингах научно-технического и инновационного развития в 2020 г.

Международный рейтинг научно-технического и инновационного развития	Положение Беларуси в рейтинге
Индекс человеческого развития (ИЧР)	53-е место из 189 стран
Индекс конкурентоспособности промышленности (СIP)	47-е место из 152 стран
Глобальный инновационный индекс (ГИИ)	64-е место из 131 страны
Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)	32-е место из 176 стран

За последние годы позиции страны в международных рейтингах научного, научно-технического и инновационного развития значительно улучшились. Анализ данных таблицы 3 показывает, что согласно международным оценкам, в рейтинге стран по индексу человеческого развития в 2020 г. Республика Беларусь находится на 53-й позиции среди 189 стран мира и входит в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития. В Глобальном индексе инноваций (ГИИ) Беларусь поднялась с 2016 г. на 15 позиций и заняла в 2020 г. 64-е место среди 131 страны. Беларусь находится на 72-м месте среди 132 стран, включенных в ГИИ (ГИИ) в 2021 г. [11].

Анализ показателей развития сектора информационно-коммуникационных технологий Республики Беларусь. Результаты развития сектора информационно-коммуникационных технологий Республики Беларусь в 2016–2020 гг. характеризуются следующими показателями (таблица 4) [12].

Таблица 4 – Результаты развития сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) Республики Беларусь в 2016–2020 гг.

Показатели	Годы				
	2016	2017	2018	2019	2020
Объем экспорта услуг сектора ИКТ, млн долл. США	1152,4	1445,3	1840,5	2393,5	2685,2
Количество компаний - резидентов ПВТ по состоянию на конец года, ед.	164	192	454	751	964

Окончание таблицы 4

Количество юридических лиц в сфере «Информация и связь», ед.	3539	3818	4304	4590	4780
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников в сфере «Информация и связь», руб.	2033,1	2376,6	2777,2	3221,2	4116,1
Вклад в ВВП по виду экономической деятельности «Информация и связь», %	4,9	5,0	5,4	6,2	7,3
Поступление иностранных инвестиций в сфере «Информация и связь», млн долл. США	362,5	488,9	571,3	702,8	634,4

Данные таблицы 4 показывают, что на протяжении пяти лет данный сектор демонстрирует неизменно высокие показатели роста экспорта услуг и их вклада в общий экспорт. Так, по сравнению с 2016 г. общий объем экспорта услуг сектора ИКТ увеличился более чем в 2,3 раза. В состав экспорта услуг сектора ИКТ входят компьютерные, телекоммуникационные и информационные услуги. Основной вклад в стоимостной объем вносит экспорт компьютерных услуг.

В географическом разрезе основными потребителями ИТ-услуг белорусских организаций являются страны Северной Америки (43,1 %), ЕС (30,7 %), и ЕАЭС (8,6 %). В 2020 г. услуги сектора ИКТ оказывались потребителям из 187 стран мира. Однако более 70 % экспорта данных услуг пришлось всего на пять торговых партнеров: США (41,8 % от всего экспорта услуг ИКТ), Кипр (11,2 %), Российскую Федерацию (8,3 %), Великобританию (7,5 %) и Германию (3,7 %).

На протяжении пяти лет по виду экономической деятельности «Информация и связь» наблюдается неизменная положительная динамика развития. Так, вклад данного вида деятельности в ВВП с каждым годом неуклонно растет и в 2020 г. составил 7,3 %, увеличившись по сравнению с 2016 г. на 2,4 %. Увеличилось также количество организаций страны, осуществляющих деятельность в данной сфере. Так, на 1 января 2021 г. количество юридических лиц по данному виду экономической деятельности составило 4780 организаций, что на 4,1 % больше, чем в 2019 г. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников в отрасли является самой высокой по стране: в 2020 г. она составила 4,1 тыс. руб., что в 3,3 раза превышает средний показатель по стране.

Поступления в Республику Беларусь от иностранных инвесторов по виду деятельности «Информация и связь» в 2020 г. снизились на 68,4 млн долл. США и составили 634,4 млн долл. США или 7,3 % от общего объема поступлений иностранных инвестиций (8680,2 млн долл. США), что на 0,3 процентных пункта выше уровня 2019 г. (10 006,8 млн долл. США).

В Беларуси экспорт компьютерных услуг обеспечивается силами компаний-резидентов Парка высоких технологий. В 2021 г. суммарный экспорт ПВТ достиг 3,2 млрд долл. США, на долю парка приходится более 30 % всего экспорта услуг Беларуси.

Перспективы развития цифровой экономики Республики Беларусь. В целях обеспечения внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества в Республике Беларусь реализуется Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Для достижения данной цели в рамках Государственной программы должны быть решены следующие ключевые задачи (рисунок 2) [7].



Рисунок 2 – Ключевые задачи Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.

Решение ключевых задач в рамках Государственной программы направлено на:

- повышение технологического уровня развития Республики Беларусь как в национальном, так и в региональном и мировом масштабах;
- формирование единой архитектуры государственных данных и политики управления ими;
- создание цифровой информационной экосистемы;
- перевод большинства государственных функций и бизнес-процессов организаций в электронную форму;
- повышение уровня информационной безопасности данных и технологий ее обеспечения;
- увеличение производительности труда, повышение качества продукции и расширение рынков ее сбыта;
- повышение уровня безопасности граждан;
- повышение качества, скорости и возможностей оказания высококвалифицированной медицинской помощи;
- улучшение экологической обстановки;
- повышение уровня доступности качественного образования для работы в условиях цифровой экономики.

Заключение. В целом достигнутые результаты свидетельствуют об эффективном и системном подходе Республики Беларусь к процессам цифровой трансформации экономики. В условиях развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры, расширения спектра базовых отраслевых информационных ресурсов и технологий в стране формируется необходимая основа для перехода к высокотехнологичным стандартам оказания услуг населению, принятия управленческих решений и реализации ключевых бизнес-процессов.

Проводимые мероприятия учитывают уровень «цифровой зрелости» Республики Беларусь как в отраслевом, так и в региональном масштабах, а также применяемые технические решения, мировые тенденции, что является основой для дальнейших цифровых преобразований.

Литература

1. Цифровая трансформация как новая реальность развития России : матер. межвуз. науч.-практич. конф., Москва, 10 декабря 2021 г. ; под общ. ред. Ф. Л. Шарова. – М., 2021. – 248 с.
2. Головенчик, Г. Г. Цифровая экономика [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс / Г. Г. Головенчик. – Минск : БГУ, 2020. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/242300/1/Goloventchik%20.pdf>. – Дата доступа : 23.04.2022.
3. Pugacheva, O. Application of information technologies in the economy and education on of the Republic of Belarus : condition, problems and prospects / O. Pugacheva // Business management. – 2021. – № 1. – P. 22–37.
4. Пресс-релиз : Цифровой Петербург : в Северной столице стартовала конференция СПИК 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.pronline.ru/Tsifrovoy-Pietierburgh-v-Sieviernoi-stolitsie-startovala-konfierientsiia-SPIK-2017.html>. – Дата доступа : 05.04.2022.
5. China and US pursuing markedly different digital transformations [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.imd.org/news/updates/China-US-pursuing-markedly-different-but-equally-competitive-digital-transformations-WCC/>. – Access date : 20.04.2022.
6. Рейтинг стран мира по Индексу развития электронного правительства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index>. – Дата доступа : 15.05.2022.
7. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoye-razviti-belarusi-na-2021-2025-gody>. – Дата доступа : 15.05.2022.
8. Индекс человеческого развития (ИЧР), ПРООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_42-0500-undp-human-development-index-hdi/. – Дата доступа : 25.04.2022.
9. Мировой рейтинг стран по индексу конкурентоспособности промышленности (CIP-2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stat.unido.org/>. – Дата доступа : 23.04.2022.
10. Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2021-report>. – Дата доступа : 25.04.2022.
11. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/IDI/default.aspx>. – Дата доступа : 10.05.2022.
12. Информационное общество Республики Беларусь, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/50e/50e0f7e0b7e5875db07fb6c8350e8ec8.pdf>. – Дата доступа : 10.05.2022.

Инновационная экосистема университета как форма управления трансфером знаний и технологий

В.М. САЗОНОВА, Е.А. ЗАПАДНЮК

В статье рассматриваются проблемы функционирования современных вузов и стратегические задачи университетов на пути их модернизации и реформирования национальной системы образования. Описываются сущность «немецкой» модели университетов и концепции «треугольника знаний», понятия «инновационный процесс» и «трансфер знаний». Выделены формы трансфера технологий и этапы проведения данного процесса. В качестве одной из форм управления инновационным университетом предлагается создание инновационной экосистемы, рассмотрены основные субъекты её инфраструктуры.

Ключевые слова: инновационные разработки, фундаментальные и прикладные исследования, маркетинг, инновационный университет, трансфер знаний, коммерциализация, интеллектуальная собственность, экосистема.

The article deals with the problems of functioning of modern universities and the strategic objectives of universities on the way to their modernization and reform of the national education system. The essence of the «German» model of universities and the concept of the «triangle of knowledge», the concepts of «innovation process» and «knowledge transfer» are described. The forms of technology transfer and the stages of this process are highlighted. As one of the forms of management of an innovative university, the creation of an innovation ecosystem is proposed, the main subjects of its infrastructure are considered.

Keywords: innovative developments, fundamental and applied research, marketing, innovative university, knowledge transfer, commercialization, intellectual property, ecosystem.

В последнее время в центре внимания академической общественности нашей страны оказалась проблема переосмысления модели функционирования современного университета. Текущие сложные условия развития экономики поставили перед университетами стратегические задачи, одной из которых стало формирование инновационного общества путем развития профессиональных компетенций, инвестирования в человеческие ресурсы и научные исследования, а также модернизации и реформирования системы образования с целью удовлетворения потребностей экономики [1].

С начала XIX в. основной моделью университета в большинстве европейских стран стала так называемая «немецкая» модель или «университет Гумбольта», которая получила свое название благодаря имени немецкого ученого и основателя Берлинского университета Вильгельма фон Гумбольта. Основопологающими принципами такой модели стали:

– «академическая свобода» профессоров и студентов – «свобода преподавания и обучения», т. е. возможность для преподавателей самостоятельно формировать содержание и объем своих занятий по заданному предмету, а для студентов – самостоятельный выбор дисциплин для изучения и отсутствие обязательных предметов и общей для всех учебной программы;

– принцип «единства преподавания и исследования», т. е. студент вместе с преподавателем наряду с образовательным процессом должен быть вовлечен в постоянный научный поиск, заниматься исследованиями и получать научные знания [2].

Предполагалось, что ученые проводят фундаментальные исследования в соответствии с их компетенциями и интересами, полученными знаниями делятся со своими студентами в той форме и объемах, которые определяют самостоятельно. Всеми необходимыми ресурсами университет данной модели полностью обеспечивает государство.

XXI в. диктует современным университетам новые условия и вынуждает к поиску моделей развития соответствующих внешним факторам. Экономика знаний ставит перед обществом новые задачи, что открывает для ученых и студентов дополнительные возможности по реализации своего научного потенциала, а также позволяет взаимодействовать с бизнесом с целью удовлетворения его запросов. Таким образом, модель инновационного университета, которая основана на «треугольнике знаний» (образование–наука–инновации) становится доминирующей.

Концепция «треугольника знаний» заключается в комплексном системном подходе к управлению инновационными процессами, что существенно отличает ее от простого трансфера знаний и коммерциализации результатов научных исследований. При выстраивании процесса развития университета по такой модели происходит объединение трех сфер деятельности: образование и подготовка кадров, научно-исследовательская работа и генерация новых знаний, взаимодействие с бизнес-сообществом по вопросам инноваций.

В Республике Беларусь в 2018 г. была принята национальная стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», в которой отмечено, что ключевым фактором перспективной модели развития Беларуси являются «интеллектуальные кадры». Пристальное внимание государства должны привлекать такие области, как повышение квалификации и социального статуса ученых, создание необходимых условий для профессионального роста и самореализации. Для достижения поставленных задач предполагается следовать следующим принципам развития кадрового потенциала страны:

- укрепление взаимосвязей и взаимоотношений в образовательной и научной сферах деятельности;
- осуществление деятельности, направленной на стимулирование развития творческих, изобретательских и предпринимательских способностей;
- развитие цифровых технологий в образовании и научной деятельности;
- интеграция в мировые образовательные сети [3].

Такая концепция развития науки и образования говорит о том, что на современном этапе университеты должны заниматься не только обучением, фундаментальной и прикладной наукой, но также сосредоточиться на выполнении опытно-конструкторских работ, в процессе которых создавать опытные образцы новых устройств, обеспечивать их распространение, внедрять и коммерциализировать технологии, осуществлять технологический трансфер заинтересованным потребителям.

Создание инноваций в современном университете возможно в случае обеспечения законченного процесса, состоящего из следующих этапов [4]:

- генерация идей, проведение фундаментальных и поисковых исследований, получение патентов (на этом этапе инновационного процесса обеспечивается концептуальное решение проблемы создания инновации);
- прикладные исследования и опытно-конструкторские работы, направленные на изготовление макетов и опытных образцов новой техники и технологии (на данном этапе происходит техническое решение проблемы);
- запуск образца в промышленное производство, изучение рынка сбыта и инвестирование в производство, вывод готовой продукции на реализацию, изучение и внедрение новаций (на этом этапе инновационного процесса завершаются процессы трансфера и коммерциализации результатов научных исследований, изобретений).

Понятие «инновационный процесс» является комплексным и состоит из нескольких этапов, в результате которых научное знание переживает процесс преобразования из идеи в конкретный продукт, который впоследствии находит свое применение на практике [5]. Необходимо отметить, что данный процесс неразрывно связан с рыночными отношениями, т. к. большинство инновационных разработок ориентированы на конкретные потребности или потребителей, призваны решить определенные производственные или коммерческие задачи. Отсюда следует вывод, что инновационный процесс имеет две цели: получение самого новшества и его коммерциализация [6].

Совершенно очевидно, что университет последовательно претерпевает системную трансформацию. Так как происходит развитие инновационной деятельности вузов, устанавливаются связи между образовательными, научными и инновационными отделами университетов, возникает новая модель, так называемый учебно-научный-инновационный комплекс, в некоторых источниках встречается определение инновационный научно-образовательный комплекс [7], [8].

Инновационная деятельность университета предполагает осуществление трансфера знаний, который представляет собой процесс передачи знаний и технологий от разработчика, в лице университета, к заказчику – государственным и общественным организациям, про-

мышленным предприятиям, представителям бизнеса. Таким образом, инновационные разработки университетов являются ключевым фактором, влияющим на развитие экономики страны и способствующим повышению её конкурентоспособности на мировом рынке.

Понятие «трансфер знаний» появилось недавно, и заменило, уже ставшее привычным для университетов, понятие «трансфер технологий» [9].

Необходимо обратить внимание на то, что основными источниками дохода университетов являются поступления из государственного бюджета и внебюджетные средства. Доходы от трансфера знаний возможны в том случае, если университет будет развивать традиционные направления, т. е. обучение и научно-исследовательские работы, а также такие виды деятельности, как маркетинг и инновационный менеджмент, осуществлять долгосрочное планирование и расчет издержек, учитывая финансовый риск. Следовательно, трансфер знаний – это комплексное понятие, состоящее из двух процессов: коммерциализация разработок ученых вуза и внедрение в образовательный процесс рыночно-ориентированных программ.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. появился термин «трансфер технологий», у которого есть множество формулировок, но по сути своей все они сводятся к тому, что под трансфером технологий понимают процесс передачи «научного ноу-хау» из лаборатории непосредственно в производство. Этот процесс связан с коммерциализацией результатов научной деятельности и является частью всего трансфера знаний университетов. Он включает в себя заключение договоров с организациями и предприятиями на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, контроль соблюдения законодательства по защите прав интеллектуальной собственности, организацию технологических и научных парков, участие в национальных и международных программах развития, конференциях и семинарах. Путем внедрения в образовательный процесс новых инновационных программ решается стратегическая задача поставки рынку востребованных высококвалифицированных кадров.

Интересен опыт стран ЕС, которые, ориентируясь на предположение, что для нового типа экономики, «экономики знаний», ресурсов старой модели недостаточно, стали в 80–90-х гг. прошлого века создавать на базе университетов структуры, которые занимались непосредственно трансфером знаний, созданием научных парков и технологических инкубаторов [10].

Сложность коммерциализации результатов научно-исследовательских работ университетов как раз и заключается в том, что отсутствует взаимосвязь с реальным сектором экономики, не выработаны механизмы, инструменты, формы и методы этих взаимоотношений. Кроме того, до сих пор недостаточно сформирована законодательная база, регулирующая передачу новых знаний и технологий.

Выделяют четыре основные формы трансфера знаний и технологий университета, а также их коммерциализации:

- передача прав на патенты и заключение лицензионных соглашений;
- проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ за счет средств бюджета, внебюджетных средств организаций, предприятий, фондов;
- осуществление научных исследований для промышленных предприятий и бизнеса;
- создание малых предприятий на базе вузов.

Любая из перечисленных форм коммерциализации представляет собой управляемый процесс, который должен быть разбит на следующие этапы:

- маркетинговые исследования рынка;
- изучение и инвентаризация патентов вузов и всех инновационных объектов интеллектуальной собственности;
- изучение области применения результатов интеллектуальной инновационной деятельности, а также их экономического и коммерческого потенциала;
- разработка стратегии трансфера результатов научных инновационных разработок и технологий;
- разработка стратегии внутреннего использования результатов НИР и НИОКР;
- поиск покупателей инновационного продукта и других заинтересованных партнеров;
- борьба с недобросовестной конкуренцией;
- изучение области использования созданного продукта и его эффективности;
- корректировка процессов управления.

Известно, что любой интеллектуальный продукт обладает свойствами, удовлетворяющими потребностям покупателя. В свою очередь любое новое знание требует вложений и связано с трудовыми, финансовыми и др. издержками. Дж. Стиглиц, американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, как-то заметил: «Как возможно продать знание? Я должен сказать вам то, что вы до этого не знали. Но это означает бесплатную передачу части моей собственности... На практике рынок знаний и информации зависит от каналов их передачи, от репутации, от повторных трансакций и от доверия субъектов рынка» [11].

Низкий инновационный потенциал результатов интеллектуальной деятельности университетов напрямую влияет на основные показатели их коммерциализации. Для того, чтобы научные разработки стали востребованы, необходимо устранить следующие причины:

- при проведении научных исследований университеты должны ориентироваться на потребности реального сектора экономики;
- устранить формальный подход к коммерциализации, построенный исключительно на предоставлении отчетности, без реальной работы, направленной на трансфер знаний и технологий;
- наладить связи между субъектами инновационной инфраструктуры и выработать четкий алгоритм действий в процессе трансфера инновационных технологий;
- необходимо предусмотреть эффективную систему стимулирования разработчиков к передаче новых знаний заинтересованным потребителям.

В современных условиях становится особенно актуальным создание наукоемкого общества, одним из полноценных субъектов которого должен стать университет, следовательно, можно говорить о формировании новой миссии университетов – капитализации знаний [12].

Предполагается, что в этом случае наряду с образовательной деятельностью университету необходимо будет активно заниматься трансфером знаний и технологий в производство, а также определением актуальных задач для осуществления научных исследований и разработок в соответствии с потребностями экономики и государства.

Для решения этих задач потребуются создание в университетах определенных условий, при которых будут формироваться навыки, накапливаться опыт и компетенции для управления и внедрения инноваций, а также для их развития и воспроизводства.

Таким образом, с целью создания инновационных университетов может быть использована такая форма управления как инновационная экосистема. Представляющая собой комплекс взаимоотношений субъектов инновационного процесса с целью коммерциализации инноваций. К основным субъектам инновационной экосистемы университета можно отнести:

- заказчиков инновационной продукции;
- ученых-разработчиков;
- бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и т. д.

Инновационная экосистема университета – это открытая система, которая является структурной единицей более крупной экосистемы, которая взаимодействует со всеми заинтересованными сторонами.

Однако для эффективной работы инновационной экосистемы необходимо, чтобы все вложенные в исследования средства и использованные ресурсы в перспективе получили свое инновационное воплощение.

Отметим, что каждый вуз уникален в своих компетенциях, материальном, кадровом и ресурсном обеспечении, поэтому не существует такой модели инновационной экосистемы, которая была бы универсальной для всех университетов. Целью функционирования экосистем вузов, независимо от их характеристик, должна стать коммерциализация результатов научных исследований, трансфер технологий, конкурентоспособность продукта выводимого на рынок.

Необходимо также признать тот факт, что не все научные инновационные разработки университетов внедряются в производство и выпускаются на рынок. К сожалению, настоящим конкурентоспособным полноценным рыночным продуктом становятся лишь около 5 % из них [13].

Связано это, в первую очередь, с особенностями финансирования научной деятельности отечественных вузов. Так как 90 % всех денежных поступлений происходит за счет государственного бюджета, а средства выделяются на крупные государственные программы, возникает явление, когда ученые активно и охотно участвуют во всех этапах разработки проекта, но не заинтересованы во внедрении результатов исследований в производство.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что помимо финансирования прикладных и фундаментальных исследований в рамках госпрограмм, государство должно разработать и внедрить механизмы, позволяющие осуществлять трансформацию фундаментальных исследований в прикладные инновационные разработки, которые станут новым конкурентоспособным продуктом. Одним из вариантов решения данной проблемы может стать инновационный университет как один из субъектов наукоемкого общества и национальной системы трансфера технологий.

Литература

1. «Группа восьми» об образовании : «образование для инновационных обществ в XXI веке» и «Московская декларация» // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 1. – С. 30–35.
2. Humboldt, W. Schriften zur Politik und um Bildungswesen / W. Humboldt. – Darmstadt, 1982. – P. 256.
3. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа : 18.01.2023.
4. Шукшунув, В. Е. О роли научных исследований и инновационной деятельности в университете XXI века / В. Е. Шукшунув. – М. : Испо-Сервис, 1998. – 32 с.
5. Основы инновационного менеджмента. Теория и практика / Л. С. Барютин [и др.] ; под ред. А. К. Казанцева, Л. Э. Миндели. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО Изд-во «Экономика», 2004. – С. 10.
6. Афонин, И. В. Инновационный менеджмент : учеб. пособ. для студ. вузов / И. В. Афонин. – М. : Гардарики, 2005. – С. 28.
7. Основы создания университетских комплексов : научно-исследовательская работа / В. Е. Шукшунув, В. В. Ленченко [и др.]. – Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2002. – 74 с.
8. Шукшунув, В. Е. Концептуальные основы построения инновационной системы высшей школы / В. Е. Шукшунув, А. В. Павленко, Е. А. Нырков. – Новочеркасск : ЦОП ЮРГТУ (НПИ), 2004. – 46 с.
9. Hagen, S. From Tech Transfer to knowledge exchange: European Universities in the Marketplace / S. Hagen // The University in the Market. – Portland Press Ltd, 2008. – P. 103–117.
10. Etzkowitz, H. Entrepreneurial Scientists and entrepreneurial universities in American academic science / H. Etzkowitz. – Minerva, 1983. – P. 198–233.
11. Steiglece, Dg. Humen Capitel and government of Higher Education / Dg. Steiglece // Chronicle of higher education. – 1998. – Vol. 54, № 19. – P. A23–A35.
12. Etzkowitz, H. Innovation in Innovation : The Triple Helix of University–Industry–Government Relations / H. Etzkowitz // Social Science Information. – 2003. – № 42 (3). – P. 293–338.
13. Взаимодействие науки и производства : социологический анализ : в 2-х ч. / Г. В. Осипов, М. Н. Стриханов, Ф. Э. Шереги. – М. : ЦСПиМ, 2014. – Ч. 1. – 364 с.

Концептуальные подходы к МСП в сфере спорта в зарубежной научной литературе и опыт Беларуси

А.В. ШИШКО

В статье используется метод научного картографирования базы знаний спортивного предпринимательства как средства определения теоретических границ этой зарождающейся и, в некотором смысле, все еще развивающейся области. Есть надежда, что результаты этого обзора помогут стимулировать и направлять предпринимателей, готовых открыть стартап-проекты в данной сфере, что заложит основу для будущего развития человеческого капитала.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, спорт, цифровые платформы, государственное регулирование, исследования, наука.

The article uses the method of scientific mapping of the sports entrepreneurship knowledge base as a means of defining the theoretical boundaries of this emerging and, in a sense, still developing field. It is hoped that the results of this review will help stimulate and guide entrepreneurs who are ready to open start-up projects in this area, which will lay the foundation for future human capital development.

Keywords: small business, entrepreneurship, sports, digital platforms, government regulation, research, science.

Введение. По мнению специалистов, физическая культура и спорт являются одной из бурно развивающихся отраслей народного хозяйства, которая представляет собой большую область приложения имеющихся финансовых, материальных и трудовых ресурсов [1]. Как отрасль экономики она включает в себя совокупность организаций, предприятий, учреждений, органов государственной власти, которые производят, реализуют и потребляют товары и услуги, удовлетворяющие потребности населения с определенной целью. Важнейшим следствием перехода физической культуры и спорта на принципы рыночной экономики стала трансформация отношений собственности, что привело к появлению наряду с государственными негосударственных и коммерческих форм физической культуры и спорта. Последние как отрасль экономики включают в себя совокупность организаций, предприятий, учреждений, органов государственной власти, которые производят, реализуют и потребляют товары и услуги, удовлетворяющие потребности населения с определенной целью [2].

Малый и средний бизнес (МСП) в сфере спорта как субъект хозяйствования представлен различными коммерческими формами физической культуры и спорта: частные спортивные клубы, сфера фитнеса, торговля спортивными товарами и услугами, спортивные СМИ, лиги и федерации, букмекерский бизнес, киберспорт, организации спортивного маркетинга и ивентинга, OTT-платформы, разновидности цифровой экономики, спортивные каналы, федерации по видам спорта, не имеющие государственного финансирования, профессиональные спортсмены.

Одно из главных преимуществ предпринимателей в сфере спорта – способность частного бизнеса постоянно развиваться, стимулированная стремлением повысить доход. Представители МСП изучают новые рынки сбыта, не отвергают информационные технологии, следят за всеми инновациями в сфере спорта. Одним словом, предприниматель постоянно идет в ногу с меняющимися экономическими условиями.

Способность приносить доход в сфере спорта. Мировой опыт показывает, что МСП в сфере спорта способен приносить достаточно высокий доход. Так, в Австрии доход от спорта и медицинских услуг составляет около 2 % ВВП, в Швейцарии – 1,8 %, а в России этот показатель составляет всего 0,06 % [2].

Например, в США нет ни министерства спорта, ни специально подготовленных людей, распределяющих бюджетные средства на развитие спорта. Государство не строит стадионы (хотя их строительство часто оплачивают местные власти) и детские спортивные площадки. Белорусскому обывателю сложно представить, что с таким подходом можно что-то выиграть

в мировом спорте. Но результаты последних шести летних Олимпиад, начиная с Атланты-1996 и заканчивая Рио-де-Жанейро-2016, показывают, что США лидируют на всех этих Олимпиадах как отдельно по золотым медалям, так и по общему количеству медалей различных номиналов.

Возникает вопрос: как устроена экономика американского спорта, что позволяет добиваться таких результатов? Как и везде, в США спорт делится на две основные категории – массовый и так называемый спорт высших достижений. Массовый спорт курируется местными сообществами, благотворителями, школами и университетами, а спорт высших достижений уже давно функционирует как самостоятельный и серьезный бизнес.

Путь в большой спорт для одаренных детей начинается в школе. Огромное количество соревнований, которые проводятся между школами, курирует на национальном уровне Национальная федерация школьных ассоциаций (NFHS). Затем спортивное образование продолжается в колледжах и университетах. Из школьных команд молодые люди попадают в команды с гораздо более высоким уровнем подготовки. Студенческие соревнования организованы Национальной студенческой спортивной ассоциацией (NCAA). Проводит 90 чемпионатов по 24 видам спорта [3]. Соревнования пользуются большой популярностью и собирают полные стадионы зрителей, транслируются СМИ. Поэтому ассоциация имеет доход. В отчете за 2016 г. он указан в размере \$981 млн., при этом более чем на 80 % его формирует продажа телевизионных и маркетинговых прав. Большая часть этого заработка уходит университетам на организацию соревнований, проведение спортивных конференций, компенсации части спортивных стипендий. В США 150 тыс. спортсменов-студентов получают стипендии на общую сумму \$2,9 млрд. в год.

Американские университеты не жалеют денег на развитие своих спортивных баз. Университетские команды, тренирующиеся в профессиональном режиме, поставляют молодых игроков в бейсбольную, хоккейную, футбольную и другие лиги. Естественно, университеты на этом прилично зарабатывают. Из университетской команды в профессиональный баскетбол пришел, например, великий баскетболист Майкл Джордан, да и вообще львиная доля звезд NBA. Такое же серьезное пополнение получают и другие топовые американские лиги.

Для одаренных детей в спорте в США нет препятствий для реализации своего таланта. Точнее, для этого есть абсолютно все условия. Отсюда и результаты на международной арене.

Некоторые будущие предприниматели в сфере спорта не могут получить необходимую информацию для открытия бизнеса в Беларуси. Это обусловлено еще тем, что в стране и мире мало публикуется научных статей по обобщению опыта функционирования бизнеса в этой сфере.

Аналитика научных публикаций по МСП в спорте. Нами предпринята попытка поиска научных статей в сфере спорта в мире, для чего использовалась база данных Scopus. Scopus – единая библиографическая и реферативная база данных рецензируемой научной литературы, созданная в 2004 г. академическим издательством Elsevier. Основываясь на предыдущих исследованиях и полученных результатах, мы решили выбрать Scopus, так как это крупнейшая база данных научной литературы (27 миллионов аннотаций), а также курируемый, высококачественный источник библиометрических данных в форме количественных научных исследований [4].

Выбранные условия поиска включали слова «предприниматель», «спорт», «предпринимательство в спорте» на английском и русских языках и в качестве поля поиска «все поля» без временных интервалов.

Окончательный отбор статей производился по следующим критериям:

- научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах (включая статьи в прессе), поскольку они считаются достоверными источниками знаний;
- написаны на английском или русском языке;
- опубликованы до 2021 г.;
- демонстрация важности и прямой связи между предпринимательскими процессами и спортом (например, все статьи, относящиеся к теме туризма, были исключены).

На этом этапе отбора был получен окончательный результат в виде 239 статей.

На рисунке 1 показан ход научных исследований в области предпринимательства и спорта. Как видно, это относительно недавняя область исследований (первая статья датируется 2005 г.), в которой за последние годы зарегистрирован значительный рост, достигший

пика публикаций в 2021 г. Этот рост, особенно в последние годы, может указывать на рост интереса к подобным научным исследованиям, а также на непрерывную и растущую эволюцию предпринимательства в спорте как на актуальную тему.

Мы также провели анализ авторов, выявив тех, кто опубликовал больше всего исследований в области предпринимательства и спорта. В 239 статьях, отобранных для анализа, было найдено в общей сложности 449 авторов, в среднем менее 2 авторов на статью (1,87). Кроме того, только 12 % авторов имеют более двух опубликованных статей, что указывает на фрагментированную область исследований с плохо определенными границами. Прослеживается ограниченное сотрудничество между исследователями, вероятно, из-за относительно недавнего развития этой проблемы в научной среде.

Анализ данных в страновом разрезе на рисунке 2 показывает, что публикации о спортивном предпринимательстве сосредоточены в США, Великобритании, Австралии, Испании и Канаде. Ученые из этих пяти западных стран написали 173 из 239 статей (58 %) из индексируемой Scopus базы знаний о спортивном предпринимательстве.

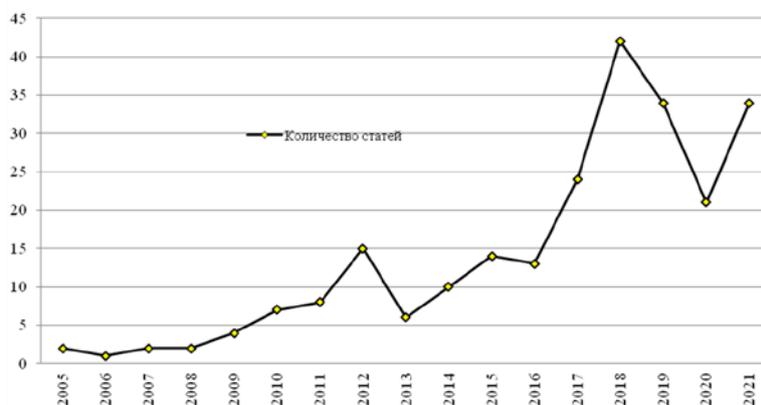


Рисунок 1 – Количество статей о спортивном предпринимательстве на портале Scopus на 1.06.2022

Примечание: источник: собственная разработка на основе данных издательства Elsevier.

Эта тенденция производства знаний соответствует тенденции в литературе по менеджменту, в которой англо-американские ученые доминируют в международных публикациях на английском языке [5].

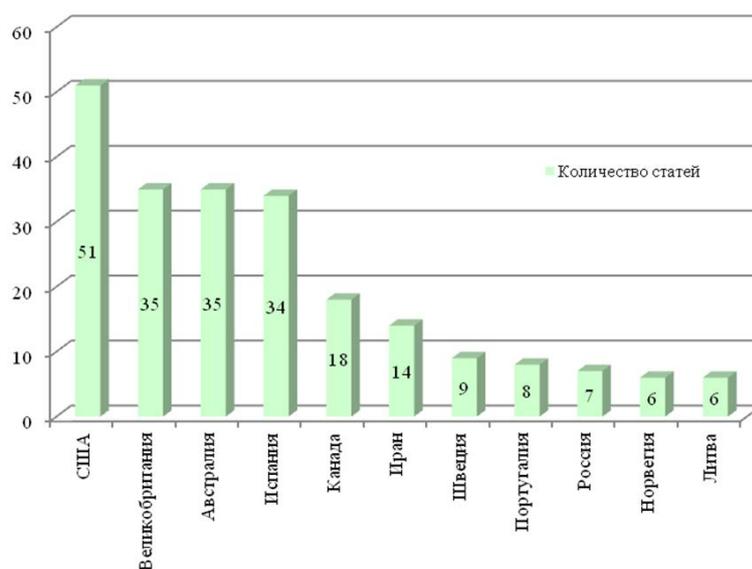


Рисунок 2 – Количество написанных статей о спортивном предпринимательстве на портале Scopus по странам мира на 1.06.2022

Примечание: источник: собственная разработка на основе данных издательства Elsevier.

В другом исследовании, проведенном в Германии с участием 22 профессиональных футбольных клубов, Hammerschmidt et al. обнаружили, что предпринимательская ориентация оказывает значительное положительное влияние как на финансовые, так и на спортивные результаты. В частности, когда авторы проанализировали отдельные параметры, составляющие предпринимательскую ориентацию, инновации оказались единственным параметром, влияющим на оба типа деятельности.

Сравнительный анализ отдельных научных точек зрения. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями, которые показывают важность инноваций, рассматриваемых как двигатель спортивного предпринимательства.

Со слов писателя и ученого в сфере спортивного предпринимательства – Ванессы Раттен [6], концепции предпринимательства и инноваций традиционно применяются в предпринимательском контексте, при этом лишь немногие исследования посвящены спортивной среде; поэтому в будущих исследованиях политики в области спорта следует уделить больше внимания предпринимательству и инновациям, поскольку это укрепит эту область. Представленные до сих пор исследования, в дополнение к подчеркиванию важности предпринимательства (и связанных с ним конструкций) в сфере спорта, направлены на то, чтобы выделить спорт как вспомогательный инструмент, способствующий максимальному использованию возможностей и ресурсов. Они также подчеркивают необходимость проведения дополнительных исследований, направленных на выяснение характера предпринимательской ориентации, особенно в спортивном контексте.

В. Раттен также отметила, что по ее мнению, успех спортсмена определяется человеческим капиталом и индивидуальными характеристиками. В частности, была выдвинута следующая гипотеза: спортсмены характеризуются более высокой степенью контроля, ситуационным контролем, потребностью в достижениях, стойкостью и дисциплиной, чем другие люди.

Кроме того, в исследовании нигерийских студентов Adeogun et al. установлено, что развитие предпринимательства в спорте является средством обеспечения занятости и надежным инструментом борьбы с бедностью в стране. Авторы рекомендуют нигерийским учебным заведениям изменить школьные программы с целью введения курсов или семинаров, которые могут побудить учащихся участвовать в культуре предпринимательства. Однако осознание студентами важности развития этих навыков в спорте все еще кажется недостаточным, поскольку они традиционно связаны с определенным видом самостоятельной работы [7].

Например, исследование Диннинга, в котором проанализировано восприятие 30 студентами и 5 организаторами проектов возможностей трудоустройства и развития предпринимательских навыков в спорте, показало, что обе группы считают проектное обучение стратегией улучшения навыков учащихся. Однако студенты демонстрируют непонимание того, как применять эти навыки в контексте спортивной организации. Такая же проблема сформировалась и в Беларуси.

В последние годы спортивная среда была воспринята по-новому: как инструмент социального и экономического роста, особенно в развивающихся странах, где организации социальной экономики имеют сильное влияние, поскольку представляют собой один из единственных источников роста и развития [8]. Например, в Африке возникло множество ассоциаций, использующих спорт как инструмент повышения осведомленности населения о ВИЧ.

Хотя многочисленные исследования показали, что занятия спортом помогают сближению людей из разных слоев общества и способствуют пониманию других, помогают изменить отношение и преодолеть социальные барьеры, тем не менее, сохраняется неопределенность в отношении более устойчивых изменений с точки зрения социальных инклюзий и сплоченности, особенно в отношении этнической принадлежности, демонстрирующая тот факт, что для преодоления некоторых барьеров требуются значительные и трудные усилия.

Заключение. Во многих статьях подчеркивается положительное влияние спортивного предпринимательства на экономический и социальный рост с точки зрения расширения формального и неформального образования, изменения социального поведения и отношений, действия модернизации структур и углубления понимания того, как функционируют современные общества. Спортивное предпринимательство считается инклюзивной сферой, которая может развиваться в различных контекстах, поскольку выходит за рамки культурных и соци-

альных условий. Однако эти данные, помимо отсутствия эмпирического подтверждения, кажутся весьма далекими от реальности, особенно в странах с расширяющимися рынками, которые, как и следовало ожидать, сталкиваются с более серьезными проблемами, чем те, с которыми сталкиваются неразвитые (отсутствие инфраструктуры, капитала, знаний и т. д.).

Из вышеописанного можно сделать вывод, что увеличение научных статей в Беларуси в сфере спорта, повышение интереса предпринимателей к этой сфере может повлиять на решение государства о серьезном расширении поддержки МСП в сфере спорта.

Литература

1. Ферова, И. С. Менеджмент и экономика физической культуры и спорта. Конспект лекций / И. С. Ферова [и др.]. – Красноярск : СФУ, 2008. – 254 с.
2. Алешин, В. В. Экономический механизм в сфере физической культуры и спорта в условиях перехода к рынку : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / В. В. Алешин ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2000. – 44 с.
3. Научно-методические подходы к повышению эффективности материально-технического обеспечения физической культуры и спорта : научная монография / Г. Н. Левченко [и др.]. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2020. – 220 с.
4. Baas, J. Scopus as a curated, high-quality bibliometric data source for academic research in quantitative science studies / J. Baas, M. Schotten, A. Plume, G. Coté, G. Karimi // *Quant. Sc. Stud.* – 2020. – № 1. – P. 377–386.
5. Altbach, P. G. Advancing the national and global knowledge economy : The role of research universities in developing countries / P. G. Altbach // *Stud. High. Educ.* – 2013. – № 38. – P. 316–330.
6. Ratten, V. Entrepreneurship, innovation and sport policy : Implications for future research / V. Ratten, J. Ferreira // *Int. J. Sport Policy Polit.* – 2017. – № 9. – P. 575–577.
7. Jones, P. Attitudes of sports development and sports management undergraduate students towards entrepreneurship / P. Jones, A. Jones // *Educ. Train.* – 2014. – № 56. – P. 716–732.
8. Tasaddoghi, Z. Designing a success model for entrepreneurs in sports businesses / Z. Tasaddoghi, S. M. Hossein Razavi, S. Amirnezhad // *Ann. Appl. Sport Sci.* – 2020. – № 8. – P. 1–8.

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 29.06.2022

Концепция оптимизации участия Беларуси в международных экономических отношениях с учетом человеческого потенциала

Н.В. ЮРОВА

Система международных экономических отношений представлена через призму участия человека в экономической деятельности и ориентир на достижение Целей устойчивого развития согласно Повестке 2030. В статье определены предпосылки создания и выделены основные положения национальной концепции оптимизации участия страны в международных экономических отношениях с учетом человеческого потенциала. В результате исследования предложено дополнить национальную стратегию устойчивого развития разделом об оптимизации участия в международных экономических отношениях, исходя из человеческого измерения ожидаемых результатов и путем рационализации принимаемых решений для выполнения взятых на себя обязательств по достижению Целей устойчивого развития.

Ключевые слова: международные экономические отношения, национальная концепция, человеческое измерение, человеческий потенциал, устойчивое развитие.

The system of international economic relations is presented through the prism of human participation in economic activity and a guideline for achieving the Sustainable Development Goals according to the Agenda 2030. The article defines the prerequisites for the creation and highlights the main provisions of the national concept of optimizing the country's participation in international economic relations, taking into account human potential. As a result of the study, it is proposed to supplement the national strategy for sustainable development with a section on optimizing participation in international economic relations, based on the human dimension of expected results and by rationalizing decisions taken to fulfill the commitments undertaken to achieve the Sustainable Development Goals.

Keywords: international economic relations, national concept, human dimension, human potential, sustainable development.

Введение. В последние годы все больший интерес вызывает понятие «устойчивого роста национальной экономики», оценка ресурсов, факторов его определяющих, а также разработка новой концепции устойчивого развития в сочетании с обеспечением экономической безопасности с опорой на человеческий потенциал. Современные международные экономические отношения строятся не только на традиционно рыночных принципах взаимодействия участников, но и с учетом гуманитарной составляющей, влияния на окружающую среду, на условия и качество жизни человека.

В свое время переход от социалистической системы к рыночным механизмам хозяйствования неблагоприятно сказался на развитии человека и его потенциала, поскольку прибыль и экономический рост любыми средствами в тот период становления национальной экономики и выхода на мировой рынок были возведены в ранг приоритетных. Тот факт, что человек является высшей ценностью, в то время стал забываться в погоне за материальным и финансовым благополучием. Переломным моментом стало осознание важности и признание руководством страны приоритетов устойчивого развития в рамках «Повестки дня XXI века». Это было весьма своевременно для определения новой стратегической модели развития белорусского общества.

Этапы развития национальной стратегии устойчивого развития Беларуси. Республикой Беларусь (одной из первых в мире) был принят стратегический документ развития – Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР-97), который вобрал в себя принципы, приоритеты и структуру «Повестки XXI века», одобренную на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. В связи с тем, что эта стратегия была разработана в период острого экономического кризиса и общей международной неопределенности, она была весьма несовершенна. Осознание необходимости совершенствования государственных стратегий и обеспечения их преемственности в Республике Беларусь привело к принятию Закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» (5 мая 1998 г., № 157-3) [1], который определял регламент принятия программных документов социально-экономического развития.

Данным Законом определена система государственных прогнозов социально-экономического развития Республики Беларусь, которая включает:

- на долгосрочную перспективу – национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на 15 лет и основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 10 лет;
- на среднесрочную перспективу – программу социально-экономического развития Республики Беларусь на пять лет;
- на краткосрочный период – годовой прогноз социально-экономического развития Республики Беларусь [1].

После достижения положительной динамики макроэкономических показателей социально-экономического развития стал вопрос о разработке более совершенной стратегии устойчивого развития Беларуси с учетом ее роли и места в мировом сообществе, имеющихся национальных ресурсов, созданного социально-экономического потенциала и возможностей его наращивания. Так, в 2004 г. появился новый документ – Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., который был одобрен Национальной комиссией по устойчивому развитию Республики Беларусь (прот. № 11/15 ПР от 6 мая 2004 г.) и Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (прот. № 25 от 22 июня 2004 г.). Исходя из разработанной «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.», устойчивое развитие страны рассматривалось как элемент устойчивого развития мирового сообщества, а национальные цели – как реализация общих целей и задач, принципов и направлений развития, изложенных в «Повестке дня на XXI век», «Декларации тысячелетия», Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию и других документах ООН, в конкретных условиях Беларуси. Стратегической целью устойчивого развития Республики Беларусь были определены динамичное повышение уровня благосостояния, обогащения культуры, нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер, сохранение окружающей среды для нынешних и будущих поколений [2, с. 6, 11].

В целом, белорусская модель социально-экономического развития – это функционирование высокоэффективной экономики с развитым предпринимательством и рыночной инфраструктурой, действенным государственным регулированием, заинтересовывающим предпринимателей в расширении и совершенствовании производства, а наемных работников – в высокопроизводительном труде. Она гарантирует, во-первых, высокий уровень благосостояния добросовестно работающим членам общества, достойное социальное обеспечение для нетрудоспособных, престарелых, инвалидов, базируется на принципах конституционных гарантий прав и свобод граждан, свободы предпринимательства и добросовестной конкуренции, выбора профессии и места работы, равенства форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, обеспечения взаимозвязки благосостояния работника и результатов его труда. Во-вторых, – это здоровая экологическая среда, характеризующаяся рациональным использованием природных ресурсов и сохранением природы не только для нынешних, но и будущих поколений [2].

Среди основных ресурсов, позволяющих достичь устойчивого роста национальной экономики, особенно выделялся человеческий потенциал и был возведен в ранг приоритетного, поскольку человек считался ядром социально-экономических отношений и в зависимости от уровня формирования, развития и реализации человеческого потенциала уже тогда можно было говорить об устойчивости социально-экономической системы.

В 2017 г. была одобрена следующая «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года». Структура и содержание НСУР-2030 были основаны на принципе преемственности задач и приоритетов, определенных в НСУР-2020, Программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года и иных программных документах на средне- и долгосрочную перспективы, а также принятых критериев экономической безопасности страны. Стратегия учла программные документы на средне- и долгосрочную перспективу стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и основных торговых партнеров.

Белорусская модель устойчивого развития включает совокупность принципов и требований к социально-экономической и политической системам государства, режиму функционирования и взаимодействия их подсистем, обеспечивающих гармонизацию отношений в триаде «человек – окружающая среда – экономика» [3].

Системообразующим блоком функционирования модели определено социально ориентированное, экономически эффективное и экологозащитное развитие страны с учетом удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений.

В прикладном плане модель устойчивого развития – это способ организации и функционирования общества, государства, экономики на принципах устойчивости, важнейшими из которых стали:

«– человек – цель прогресса; уровень человеческого развития – мера зрелости общества, государства, его социально-экономической политики;

– повышение уровня благосостояния народа, преодоление бедности, совершенствование структур производства и потребления;

– приоритетное развитие систем здравоохранения, образования, культуры, как важнейших сфер жизнедеятельности общества, факторов долгосрочного роста трудовой активности и творческого развития личности;

– рациональное природопользование, сохранение и улучшение окружающей природной среды;

– переход на ресурсосберегающий инновационный тип развития экономики в пределах хозяйственной емкости экосистем;

– совершенствование системы управления, механизмов принятия и реализации управленческих решений;

– развитие международного сотрудничества и социального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления экосистем;

– повышение уровня координации и взаимодействия государства, частного бизнеса и гражданского общества по реализации поставленных целей и задач устойчивого развития» [3].

В НСУР-2030 определено, что главными факторами устойчивого развития должны быть человеческий, научно-производственный и инновационный потенциалы, природные ресурсы и выгодное географическое положение страны.

В стратегии четко зафиксировано, что национальным богатством является человек, для которого созданы комфортные и безопасные условия проживания и труда, развитая социальная инфраструктура, условия для духовного и творческого развития личности.

В центре внимания государственной политики – гармоничное развитие личности (физическое, интеллектуальное, духовно-нравственное), накопление знаний, умений, компетенций, индивидуальных способностей, навыков бережного отношения к природе и самому человеку. «Человек – цель, а экономика – средство его развития».

Приоритетами государства обозначены инвестиции в развитие человеческого потенциала, формирование класса «интеллектуальных служащих» («людей знаний») через опережающее образование, культурно-духовную сферу, новое содержание труда и здоровый образ жизни.

Критерием достижения стратегической цели по человеческому потенциалу было определено достижение качественного воспроизводства человеческого потенциала и эффективного его использования. Основными составляющими качественного воспроизводства человеческого потенциала были обозначены генофонд нации, интеллект и культурное развитие, уровень здоровья и трудовой активности, получение достойной оплаты труда. На пути достижения данной цели предполагалась разработка действенных механизмов по повышению уровня рождаемости населения, улучшению его здоровья и снижению смертности, стимулированию здорового образа жизни и творческой активности граждан, созданию условий, позволяющих получить качественное образование и высокие доходы. Целевым критерием качества человеческого потенциала назван индекс человеческого развития. В НСУР 2030 была поставлена амбициозная задача – в мировом рейтинге этого показателя войти в первые сорок стран с очень высоким уровнем человеческого развития (против 52-го места в 2015 г. среди 188 стран мирового сообщества).

Следует отметить оперативность, с которой принимаются изменения в действующую национальную стратегию по устойчивому развитию. В феврале 2020 г. белорусская стратегия была обновлена в документе «Национальная стратегия устойчивого развития Республики

Беларусь на период до 2035 года» [3]. В действующей стратегии Беларусь определена как страна, где человек – главная ценность. Человек – главная ценность и ключевой актив в Беларуси: накопленный человеческий капитал и дальнейшее его развитие обеспечивают конкурентоспособность страны на глобальном уровне. Если предыдущая стратегия больше опиралась на человеческий потенциал, то нынешняя стратегия в приоритет возводит человеческий капитал, что говорит о сужении восприятия роли человека в экономике до уровня его знаний, умений и опыта, которые он может реализовать в национальной экономике.

В действующей стратегии (НСУР-2035) заявлена новая парадигма качественного развития человеческого потенциала, включающая:

1. устойчивое демографическое развитие, рост потенциала семьи и детей (повышение рождаемости, укрепление института семьи и традиционных семейных ценностей; снижение смертности населения; повышение эффективности миграционных потоков и их рациональной направленности);

2. содействие развитию потенциала молодежи, расширению ее прав и возможностей для самореализации;

3. полноценный образ жизни и снижение рисков для здоровья граждан в любом возрасте (повышение качества и доступности медицинской помощи; широкое вовлечение населения в формирование здорового образа жизни; цифровизация системы здравоохранения);

4. равенство прав и возможностей мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества;

5. новую архитектуру сферы образования (развитие потенциала детей и подростков, рост качества и доступности профессионального образования; поощрение обучения на протяжении всей жизни; цифровизация системы образования);

6. сохранение культурного наследия и рост национального самосознания (сохранение и популяризация историко-культурного наследия; повышение качества и доступности культурных благ и услуг; цифровизация сферы культуры) [3].

В целом на каждом этапе развития Республики Беларусь в национальных стратегиях устойчивого развития человеку и его потенциалу уделяется большое внимание. Признано, что эффективная государственная политика служит для обеспечения социальной стабильности общества и является важнейшим фактором развития человеческого потенциала и обеспечения устойчивого развития общества.

О национальной концепции участия Республики Беларусь в международных экономических отношениях. Авторская концепция оптимизации участия Республики Беларусь в международных экономических отношениях через призму человеческого развития основана на триединстве «человеческого потенциала – устойчивого развития – системы международных экономических отношений». Данная концепция не противоречит принятой национальной стратегии до 2035 г., а существенно дополняет и уточняет ее в международном аспекте с учетом современных тенденций и требований нового времени.

В условиях международной нестабильности и роста возникновения большого количества внешних рисков для национальной экономики необходимо обозначить четкую стратегическую цель. Республика Беларусь – это социально ориентированная страна с открытой экономикой, функционирующей на основе рыночных законов и социальной справедливости, миролюбивым народом с традиционными семейными ценностями, богатой культурой и высоким уровнем человеческого потенциала.

Текущее положение Республики Беларусь в системе международных экономических отношений характеризуется открытостью, инициативностью и приверженностью справедливому и равноправному партнерству. Несмотря на значительную долю торговли со странами-партнерами по экономической интеграции (Союзное государство Беларуси и России, ЕАЭС, СНГ), общее число торговых партнеров Беларуси ежегодно превышает 180 стран мира. В НСУР-2035 обозначены такие задачи развития ВЭД, как «эффективное участие Республики Беларусь в международном разделении труда и интеграционных процессах, укрепление позиций в системе мирохозяйственных связей, расширение внешней торговли через освоение новых экспортных рынков» [4].

Основные положения и принципы национальной концепции. Новые вызовы в условиях международной неопределенности требуют своевременной реакции государств и внесение изменений в их стратегии национальной безопасности и уточнение приоритетов. Понимая роль участия Республики Беларусь в международных экономических отношениях и зависимость от глубины и активности участия устойчивого экономического и человеческого развития, автор предлагает обновить Национальную стратегию устойчивого развития. Для этого необходимо учесть положения и принципы национальной концепции развития Беларуси в системе международных экономических отношений с опорой на уровень и качество человеческого потенциала и с учетом обязательств страны по достижению Целей устойчивого развития. В нынешней редакции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. отдельно прописаны положения в отношении человеческого развития и отдельно в отношении внешнеэкономической политики, что, по мнению автора, не соответствует современному представлению значения человеческого потенциала в международных экономических процессах с участием Республики Беларусь.

Стратегическая цель оптимизации участия Республики Беларусь в системе международных экономических отношениях – это обеспечение долгосрочных благоприятных условий для устойчивого развития ориентированной на человека национальной экономики на основе качественно новых цифровых технологий и инноваций, а также новых моделей предпринимательства в целях активного продвижения и защиты национальных интересов на всех уровнях международных экономических отношений в условиях равноправного и справедливого партнерства.

Концепция оптимизации участия в международных экономических отношениях Республики Беларусь и развития внешнеэкономических связей на качественно новом уровне включает следующие основные цели и пути достижения:

1. устойчивый рост внешней торговли с поддержкой экспортеров тех отраслей, в которых наилучшим образом реализуется человеческий потенциал (машиностроение, биотехнологии, информационно-коммуникационные услуги, образование, медицина и др.);

2. полноценная реализация человеческого потенциала в национальном общественном производстве и формирование на этой основе современных конкурентных преимуществ на внешних рынках;

3. содействие развитию молодежного и женского предпринимательства и поддержка его интернационализации (создание фондов поддержки и практики наставничества);

3. формирование условий для развития инновационного потенциала (на основе образовательного и научного потенциалов) и его реализации в системе приоритетного инвестирования (концентрация инвестиций на приоритетных направлениях инновационного развития путем предоставления особого налогового режима и создание инфраструктуры);

4. обеспечение национальной экономической безопасности и учет национальных интересов по устойчивому человеческому развитию при участии в международных валютно-финансовых и кредитных отношениях;

5. аудит национального трудового потенциала и создание условий для контролируемой трудовой миграции в целях достижения максимального уровня занятости и минимального уровня неравенства доходов;

6. расширение участия в международных экономических организациях для обеспечения равных прав в принятии решений на международном уровне и продвижении национальных экономических интересов, а также традиций и ценностей в вопросах развития и реализации человеческого потенциала (среди международных организационных форм государств приоритет следует отдавать торговой, инновационной сферам сотрудничества, а также области обеспечения безопасности);

7. поступательное движение к достижению Целей устойчивого развития с обязательной экспертизой всех предпринимаемых мер на предмет степени воздействия на развитие человеческого потенциала Республики Беларусь (приоритет необходимо отдавать тем мерам, которые имеют наибольший положительный социально-экономический эффект для развития человеческого потенциала).

При достижении общей стратегической цели необходимо руководствоваться следующими принципами:

1. равные возможности для всех экономических субъектов в системе международных экономических отношений с участием Беларуси;
2. человеческое измерение или обязательная экспертиза всех принимаемых решений на степень их воздействия на развитие человеческого потенциала;
3. приоритет инновационным проектам с применением человеческого потенциала страны при принятии решений об национальном инвестировании и привлечении иностранных инвестиций;
4. учет национальных интересов при осуществлении валютных расчетов и участии в международных кредитных отношениях;
5. справедливость и равноправное партнерство при принятии решений на международном / региональном уровне;
6. целенаправленное движение к достижению устойчивого развития и взятых на себя обязательств в рамках ЦУР при участии во всех формах международных экономических отношений.

Результатами достижения долгосрочных целей должна стать переориентация национальной экономики на производство товаров, услуг, объектов интеллектуальной деятельности с наилучшей реализацией человеческого потенциала и обеспечение условий для его расширенного воспроизводства с целью повышения конкурентоспособности Беларуси на внешних рынках и обеспечение гарантированной поддержки (и концептуально, и экономически) устойчивости человеческого развития. Для этого необходимо проводить экспертизу (человеческое измерение) всех применяемых мер поддержки и протекционизма экономических субъектов в системе международных экономических отношений на соответствие национальным интересам в повышении уровня и качества человеческого потенциала.

Вывод. Республика Беларусь была, есть и будет активной участницей международных экономических отношений. Современные вызовы, которые сопровождают международное сотрудничество, открытый характер и высокая социальная ориентация национальной экономики требуют адекватной системы стратегического планирования. Обозначенная концепция оптимизации участия Беларуси в международных экономических отношениях может стать важным дополнением при обновлении Национальной стратегии устойчивого развития и базой к изменению видения эффективности международной экономической деятельности. Для достижения положительного эффекта от реализации открытости и вовлеченности в международные экономические отношения необходимо в центр поместить не только экономический результат, но и развитие человека. Когда человеческий потенциал станет ядром всех экономических отношений государства, тогда повысится осознанность достигаемой цели и уровень отдачи от всех форм международных экономических отношений.

Литература

1. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 5 мая 1998 г., № 157-З. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/uploads/files/Zakon-o-GIP.pdf>. – Дата доступа: 08.01.2023.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. – Минск : Юнипак, 2004. – 200 с.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа : 08.01.2023.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf>. – Дата доступа : 09.01.2023.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Ермакова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 03.04.2023. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 14,78. Тираж 100 экз. Заказ № 168.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.